

1
К 951

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РФ
СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

С.А. Кутолин

**Философия интеллекта
реального идеализма**

2-е переработанное издание

Новосибирск 1996

**МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РФ
СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ**

С.А. Кутолин

**Философия интеллекта
реального идеализма**

2-е переработанное издание

Новосибирск 1996

УДК 612.821.3:141

В работе показана роль личности и ее духовных носителей в преодолении трудностей, создаваемых государственными авторитарными системами в эпохи бюрократического засилия.

Ї ĐĀĀĒÑĒĬ ĀĒĀ

Уважаемый читатель! Перед Вами добрая и интересная книга, написанная ученым, для которого научное творчество неотделимо от гражданской обеспокоенности за судьбу Отечества.

Прочтите ее, и Вы не только сможете оценить талант автора, но, что не менее важно, почувствовать себя более уверенно в духовной и политической круговерти, названной одними — перестройкой, а другими — реформами России.

Содержание книги однозначно свидетельствует о том, сколь велик потенциал науки. Пессимисты утверждают: брошенная на произвол судьбы наука вырождается. Оптимисты работают и доказывают, что научная мысль способна не только надеяться и ждать поддержки политических структур. Наука обладает мощными гуманитарными и политическими резервами. Она готова сама стать непосредственной политической силой общественного прогресса.

Книга рассчитана на всех, кто сделал ставку на разум и культуру, для кого “человек есть мера всех вещей”.

Доктор химических наук, профессор С.А. Кутолин хорошо известен своими научными исследованиями в области физической химии и материаловедения. Более четверти века он учит химии студентов. Его перу принадлежит несколько монографий. К сожалению, менее знакомы философские труды ученого. Они в основном публиковались в специальных изданиях в виде статей. И вот, наконец, открылась возможность познакомиться с лучшими из них. Они составили основу настоящей книги. Автор не просто собрал их под единой “крышей” книги. Он переосмыслил многое из прошлого творческого опыта под впечатлением новых задач, решения которых ждет Россия от своих ученых.

Книга С.А. Кутолина монографична и по замыслу и по исполнению. Начиная с анализа творческого мышления как движущей силы человеческого бытия, ученый по ходу размышлений органично превращается в активного мыслителя, мыслителя-политика, защищающего высшую способность человека — творчески созидать свое бытие. Единство бытия ученый видит в его разумности, рационально распределенной между собственно человеческим бытием и ноосферой. “Реальный идеализм” С.А. Кутолина — попытка противостоять культивируемой под флагом деидеологизации философии иррационализма, мистицизма, эмпирического прагматизма, редукционизма.

Еще Гегель подчеркнул, что процесс познания идет от абстрактного к конкретному. Идея, загружаясь содержанием, открывает мыслителю возможность осознать сущность явлений, порядок их отношений, благодаря чему разум восходит к рубежам действительного творчества, существенно отличающегося от рационального описания взаимодействия и изменения,

происходящих в мире вещей и людей. **Переход** сознания от описания и репродуктивной деятельности к когнитивному, инновационному мышлению принципиально важен как творческая надстройка над аналитическим базисом. Только таким образом мысль, отягощенная объективными отношениями бытия, оставаясь с ним в диалектическом единстве, обретает свободу действия, а мыслящий субъект — мы с вами — открывает перспективу эффективного переустройства жизненной среды и самосовершенствования.

Философия и наука, их взаимодействие обусловили культурный прорыв человечества в цивилизацию. **Рожденные** окрепшим разумом, они одновременно предстали как деятельные факторы его собственного прогресса. **Парадокс**, однако, заключается в том, что сам человеческий разум, ощутив силу познания, далеко не всегда заботится о развитии этой своей уникальной способности.

Автор книги не покушается на автономию философии и науки, когда убедительно доказывает благотворность их взаимопроникновения с целью более действенного влияния на совершенствование человека, общественных отношений, политической деятельности.

Философия и наука — два своеобразных выражения творчества человеческого духа. **Они** способны к самодвижению и характерному воздействию на жизнь людей. **Но** настоящая их сила заложена во взаимодействии. **И**нновационная, когнитивная работа сознания требует аккумуляции энергии, и философской, и научной, — системного взаимодействия науки и философии.

В книге предлагаются оригинальные математические модели анализа политической конъюнктуры, баланса возможностей в связи с избирательными компаниями. **С** идеями автора можно и не соглашаться — они, конечно же, небезгрешны. **Вместе** с тем как бы мы о них сегодня не судили, — “завтра” наших идей будет связано с нынешними вариантами размышлений о развитии науки, образования, политики профессора С.А. Кутолина. **В** книге С.А. Кутолина заложен “запас времени”. Автор не без оснований надеется, что со временем она будет восприниматься по-новому, стимулируя творческую мысль думающего человечества.

Завкафедрой “Философия” СГАПС
канд. филос. наук, доцент Ю.Д. Мишин

АААААІ ÈА

Интеллект философии — это истина антологии философии с ее фактами. **Философия интеллекта** в форме когнитивного знания (осмысления мира) в пространстве психологии, логики и гносеологии, т.е. интеллекта личности, порождает индивидуальность мыследеятельности, т.е. рефлексию, язык которой — синрефлексия по аналогии с синергетикой, энергетикой — есть функциональный безразмерный код. **Философия интеллекта** с многообразием результатов его выражения есть не просто знание, т.е. высветление дороги, пути действия, но и принятие сущностных решений в форме идей, содержащих и открытие, и заблуждение, и умозаключение, и умыслы (добра, зла, лжи и т.п.).

Возможность принятия к сведению суждений, в том числе и никогда не реализуемых, есть информация. **В** зависимости от спроса она имеет цену и, естественно, может служить предметом наслаждения. **Но** информация никогда не может составить конкуренцию мышлению интеллекта с его смысловыми связями (пара-дигмами), динамикой антиномического синтеза (парадоксами), критичностью и самостоятельностью (интеллигентностью), реали-зуемыми в идеях творчества, т.е. реальном идеализме.

Философия интеллекта реального идеализма и есть предмет настоящей работы. **В** зависимости от семиотики, “языка” рассматриваемого вопроса и аналитических инструментов вскрытия проблемы становятся ясными методы и условия решения задач, прикладная значимость которых может лежать и в области преподавания истории науки и техники, и в области экономики, социологии, и в области творчества в науке и искусстве. **Несмотря** на пессимистическую окраску реалий жизни, философия реального идеализма интеллекта есть выражение формы выживания и жизнеутверждения, проявление творческого энтузиазма.

В разное время и при разных обстоятельствах автор общался к идеям исключительных по своей мощи умов (**Н.И.** Кобозев, **С.С.** Васильев, **А.Ф.** Лосев), но особую признательность в связи с возможностью появления настоящей работы автор испы-

тывает к памяти акад. **РАО И.С.** Ладенко, который побудил к действию спящие у него интересы к философии реального идеализма.

Ἄεαἶα 1

Ὅ ἌΓ ἘἌ Ἐ ὈἈΤ Ἐ×ἈΝΘἈΤ Ἀ ὈΝΙ ἈΘἈΘ Ἰ ἈΘἘἘ Ἐ ὈἈΘΙ ἘἘἘ:
Ἰ ἈΘΙ ἈΙ ἘΤ ἈἘ×ἈΝἘἘἈΤ ΝΙ Ἰ ἈΑΓ ἘΒ ἈἈἘΙ Ν᾽ἈἈ ἈΓ ὈἘΙ Ἰ ἘἘ

О, Господи, дай знать,
Изведать дай любви, печали,
И, что б они ни означали,
Готов из рук Твоих принять.

Перевод автора из Э. Мерике

Знание как многообразие путей принимаемых решений и понимание как выяснение и высветление дороги знания могут ассимилироваться интеллектом в форме семиотического представления. Эффективное обучение знанию в рамках его типологии [1] (включающей когнитивное, диакритическое, диаграфическое, семантическое, логическое, аксиологическое, диалектическое знания) содержит в себе, как было показано [2], семиотические формы сжатия знания, представление которых обучаемому может приводить к усвоению знания, но не методов творчества. А в то же время сама структура методологии такого семиотического представления знания самим обучающим свидетельствует о творческом подходе к системе знания, сформулированном сознанием интеллекта обучающего субъекта в триединстве психологии, гносеологии и логики [3]. Подлинным секретом является идеация интеллекта, т.е. идеи, в том числе и семиотического представления, которые и составляют для интеллекта акт творчества, но при обучении знанию обычно опускаются, подменяясь информацией, т.е. исследованием возможности реализации предполагаемых событий и превращения их в факт. Показательным примером в этом плане может служить творчество в литературе.

Поэзия Баратынского, Пушкина, Тютчева, несущая, казалось бы, эмоциональный и информационный заряд, превращается у автора “Петербурга” А. Белого в творческую лабораторию анализа идей, заложенных в метафорическом многообразии “небо–солнце–луна”, что явно свидетельствует в пользу семиотического представления поэта [4].

Знание и творчество — это своеобразная проблемная ситуация, в которой знание “снимается” для окружающих в формах “волн информации”, а структура творчества остается скрытой по существу индивидуальностью интеллекта, являясь своего рода материей, несущей волны знания в форме информации.

Безусловно, что непонимание антиномии между категориями знания, творчества даже в прагматическом плане успехов науки и техники может, на наш взгляд, служить источником серьезных, в том числе и социальных, ошибок при анализе параметров структуры прогресса, научно-технических достижений.

Только путем ускорения и обучения знанию с помощью тренировки интеллекта на дорогах мыследеятельности — рефлексии, формирования смысловых связей — парадигм, самостоятельного и критического отношения к возникающей проблемной ситуации (интеллигентность) порождается творчество в науке и технике и сокращается время решения технических проблемных ситуаций, т.е. появляются успехи.

Рефлексия, парадигма, самостоятельность и критичность подхода к проблемной ситуации есть тело, дух и буква творчества, составляющие его идеацию, в то же время знание с его информационным содержанием еще не содержит ноу-хау, т.е. технологии, секрета творчества, научного успеха. Многообразие путей решения задачи, как видим, еще не означает знания секрета ее технической реализации.

В методическом плане убежденность в высказанных положениях базировалась, во-первых, на целевых исследованиях, в том числе и с применением ЭВМ, при анализе усвоения знаний, например, группами студентов технического профиля по общенаучной дисциплине “химия”, во-вторых, на мысленном эксперименте в духе **Н.П. Рашевского**, результаты которого могут быть сопоставлены с фактобиографическими данными и трудами творчества ученых, в-третьих, на попытке построения структуры технических достижений с использованием категорий: рационализация–изобретение–открытие в рамках собственного подхода путем рефлексии, формирования парадигмы и самостоятельного критического мышления. Совокупность разработанных вопросов по существу содержит конкретную методологию знания и творчества в науке и

технике, пригодную для решения научно-технических проблемных ситуаций. Однако успех решения таких ситуаций тесным образом связан с практической реализацией параметров структуры прогресса.

1.1.1 АОТ АТ ЕТ АЕ × АНЕЕЕ АІ АЕЕÇ НОӨӨӨӨӨ ÇІ АІ ЕВ НОӨААІ ОІ А

Решение проблемы эвристической оценки содержания текстов методами математической лингвистики [5], вскрытия методами математики дискриминации целеустремленных систем [6], с одной стороны, а с другой, — дискурсивно-комплексный подход к проблемам рефлексии [7], использование имитационной эвристики в методологии и практике игрового моделирования [8, 9] позволили надеяться на возможность математического моделирования анализа успеваемости студентов методами кусочно-линейного программирования с применением элементов игрового моделирования на примере человеко-машинного диалога “учащий–учащийся”.

В качестве аргументов знания студента при проверке по пятибалльной системе, проводимой в режиме “Самооценки” студентом своей успеваемости, и таковой оценке успеваемости преподавателем на экзамене использовались три группы признаков: 1) теоретическая и реальная подготовка по фундаментальным предметам абитуриента; 2) текущая успеваемость студента в первом семестре по химии; 3) психофизиологические показатели, определяемые в форме тестов для лиц умственного труда. Указанные группы признаков включали в качестве независимых величин: **СПР**-степень реальной подготовки абитуриента, определяемая оценками на вступительных экзаменах по математике и физике; **СПТ**-степень теоретической подготовки, определяемая оценкой в аттестате о среднем образовании по химии, физике, математике; **СКП**-степень подготовки по химии в семестре; **ЗВ**-контроль фиксации зрительного внимания с использованием колец Ландольта; **МО**-моторная оперативность, определяемая пробой Крыжановской; **ОР**-оперативная реакция, оцениваемая методом “лабиринта” [10]. Данные группы признаков позволили разработать детальную методику моделирования знания лиц умственного труда по химии и создать специализированную интегрированную

вычислительную среду оценки успеваемости по химии **CHEM-LEHR**, которая при необходимости может быть преобразована для тестирования знаний лиц умственного труда в различных областях технической подготовки.

Модель применялась параллельно в группе студентов, где использовалась методика игрового моделирования (а в качестве таковой применялась методическая разработка темы “Окислительно-восстановительные реакции” с использованием технических средств обучения и самоконтроля), и в группах, где преподаватель проводил обычное занятие.

Были получены результаты человеко-машинного диалога “учащий–учащийся” в режимах “Самооценка” и “Экзамен” как с применением игровой контрольной, так и без нее.

Анализировалась разница между экспертными оценками в режимах “Самооценка”, “Экзамен” и оценками, предсказываемыми в рамках полученных моделей, включающих только необходимое и достаточное количество аргументов заданных групп признаков: **СПР, СТП, СКП, ЗВ, МО, ОР**, три последних из которых учитывают число ошибок в тестах и время, затрачиваемое на выполнение теста. С помощью критериев Бернштейна, Ястремского или Романовского установлено, что расхождение между эмпирическим и теоретическим распределением, полученным в экспертной оценке и модели, носит случайный характер. При этом оценивалась эвристичность модели человеко-машинного диалога “учащий–учащийся”.

Путем анализа величины эвристичности ($E = -\log_2 \mu$, где $\mu = 1 - p$), оцениваемой как смысловая информация о роли игрового метода в процессе обучения, удалось сделать следующие заключения о возможности игрового метода.

1. В режиме самооценки без использования игровой контрольной величина эвристичности выше ($E = 0,720$), чем в режиме экзамена без игровой контрольной ($E = 1, 447 \cdot 10^{-3}$). Тем самым режим экзамена по существу смысляет смысловую информацию в ответе студента.

2. В режиме экзамена с использованием игровой контрольной эвристичность ответа студента выше ($E = 3,382$ бит), чем в режиме самооценки без игровой контрольной. Этот

факт свидетельствует в пользу психических способностей студента, проявляющихся в игровой контрольной при наличии навыков.

3. В режиме самооценки студент придает игровой контрольной меньшее значение, для него она содержит меньше смысловой информации ($E = 0,0695$ бит), чем самостоятельная работа ($E = 0,211$ бит). Но последняя величина ниже смысловой информации, которую студент приобретает при его самооценке без игровой контрольной, но при объяснении материала преподавателем. При этом порядок величин $E = 0,720$ бит и $E = 0,211$ бит оказывается близким!

Таким образом, можно считать доказанной статистическими методами построения моделей анализа успеваемости студентов важность применения игрового моделирования в процессе приобретения студентом смысловой информации, т.е. эвристичности, при самоподготовке по методическим разработкам с применением технических средств обучения. Тем не менее, моторная активность студента, как показывает анализ моделей в этом случае, оказывается недостаточной и может, по-видимому, тормозиться сроками проведения экзаменов в обычном порядке.

Задача современного преподавателя вуза, особенно в области химии как предмета для нехимических вузов, состоит в создании такой семиотической модели и гибридных языков предмета, которые при условии усвоения знаний учащимися за среднюю школу позволили бы ему усвоить диалектику знаний данного предмета и соотносить их с прагматическими знаниями по технической специальности.

Можно утверждать, что гибридные семиотические языки начального курса физики и математики, применяемые к парадигмам химии, приводят к семиотическим сжатым формам, в которых понятия и суждения передаются в сокращенной форме, и притом однозначно. Такой важный раздел химии, как периодический закон, иллюстрируется путем вычисления свойств органических соединений, неорганических материалов в ряду подобных веществ (метод сравнительного расчета Карапетьянца–Киреева). Подобным образом рассматриваются функции электронного строения вещества и его состава (см.: Интегрированная среда

УСМО для вычисления свойств веществ, композиций в химии, физике, физическом материаловедении // С.А. Кутолин, А.И. Нейч. Физическая химия цветного стекла. М.: Стройиздат, 1988. 235 с.). Кристаллохимические законы Митчерлиха, изомерия, законы гомогенного, гетерогенного равновесия, теория разбавленных растворов и слабых электролитов, законы термодинамики иллюстрируются как формы семиотического сжатия-преобразования в форме прямой аналогии, изоморфизма, уменьшения системной энтропии как меры информации, меры хаоса. Подобные семиотические представления устанавливают единоеобразие в описании новых категорий не только в их словесном, но и преимущественно смысловом выражении (изотонический коэффициент в теории слабых электролитов; константа равновесия — константа диссоциации; константа скорости химической реакции — коэффициент активности растворов; произведение растворимости — ионное произведение воды).

Явления кинетики и динамики химических процессов, т.е. процессов, изменяющихся и ускоряющихся во времени, которые включают множество сопредельных категорий (порядок реакции, гомогенный, гетерогенный, ферментативный катализ, цепные процессы и т.п.), не только содержат семиотические формы представления знаний в графовом, информационно-топологическом выражении, но и описание явления в форме знания, выраженного дифференциальным уравнением, а затем и преобразованием в интегральное решение, например, по методу Лапласа, Фурье, или другой форме операторного исчисления. Такой метод перехода от дифференциальных, точечных форм к пространственному описанию явления отражает фундаментальный квантово-механический принцип, лежащий в основе химических явлений как квантово-химических систем, — принцип суперпозиции. Все вышеизложенные семиотические представления химии лежат в области принципиально алгоритмируемых явлений и, выражаясь языком математики, могут быть описаны как ветвящиеся марковские процессы в непрерывном и дискретном времени.

1.2. Ἡ ἈΟΓΓΑ ΤῆΣ ΕΠΙΣΤΗΜΟΛΟΓΙΑΣ ΤῆΣ ΝΕΟΛΟΓΙΑΣ ΤῆΣ ΑΓΓΛΟΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΕΠΙΣΤΗΜΟΛΟΓΙΑΣ

Из сферы методологии техники принципиально исключается факт психофизиологии труда, что, как отмечалось в советской литературе, например, еще в 20-х гг. (**В. Базаров**, **А. Богданов**, **О. Ерманский**), влечет к исключению из сферы прогноза научной организации идей в смысле синтетического подхода обобщающей мысли. Концепция научно-технических (**Т. Кун**), философских (**Л. Витгенштейн**) и языковых (**Ф. Соссюр**) парадигм, являющихся по своей психофизиологической природе объективным фактором (гипотеза **Сепира-Уорфа**), есть лишь “легирующий компонент”, необходимый, но недостаточный для прогнозирования назревания проблемной ситуации, без которой нельзя говорить о достоверности поискового прогноза (**И.В. Бестужев-Лада**). Непредсказуемая на основании указанных парадигм теократическая революция в **Иране** как антиномия предшествующему строю — пример яркой иллюстрации краха научно-технического прогноза поставок, например, нефти в западноевропейские страны и **США**.

Средством повышения достоверности прогнозов науки и техники должна быть такая феноменология теории прогнозов, которая, являя собой “сплав” эвристического, имитационного и статистического прогнозирования назревания проблемной ситуации (**Пр**), содержала бы “методологический рецепт”, позволяющий на основании анализа контекста текста научного, технического, философского или художественного содержания предсказывать минимаксные точки функции назревания проблемной ситуации $Пр(t)$ в рамках какого-то условного времени t , нормируемого относительно текущего реального времени. При этом “методологический рецепт”, найденный для описания, скажем, $Пр(t)$ на основании анализа контекста текста художественного и философского содержания будет обладать совокупностью уравнений, по крайней мере, ковариантных (инвариантных) относительно контекста текста иного содержания в силу исходного принципа имитации. Такое ковариантное построение функций, ковариантных для проблемной ситуации науки и техники, возникающей в результате анализа контекста текста различного содержания, возможно

при условии статистического анализа контекста текста на таком эвристическом уровне, при котором назревание проблемной ситуации непременно происходит при условии антиномического синтеза из тезиса и антитезиса (теория, антитеория) и формирования антиномической проблемы. В этом смысле различные антиномии действительности, парадокса, парадигмы — суть неперенные условия динамического всеединства антиномии.

Анализ фактобиографического материала и контекста текста научных трудов ученых и крупных специалистов в области естествознания, техники и гносеологии доказывает существование всеединства антиномии, динамически проявляющегося на протяжении всего их творчества (антиномия количество–качество: Д. Менделеев; антиномия количество, качество–структура: Я. Вант-Гофф; антиномия целостности: Л. Ландау; антиномия хаос – порядок: Н. Кобозев; антиномия гносеологии: Платон – Кант).

Анализ контекста текста, являющийся основой построения феноменологии прогнозирования назревающей проблемной ситуации, которая может и должна быть разрешена эвристическим и имитационным путем, показывает на примере лингвистической модели деловых и литературных текстов, что эвристическому содержанию текста соответствует вид закона лингвостатистической структуры, возникающей из комбинации абсолютно случайного и детерминированного процессов. Это позволяет обобщить вид такого распределения на формирование прогнозируемой проблемной ситуации в науке и технике, а сам способ анализа контекста текста использовать для критической оценки мотиваций, заложенных в деловой и научной документации.

Прогнозирование проблемной ситуации и ее назревание во времени как форма антиномического синтеза описываются суммой изменения функционалов информации (A_{Jn}) и идеации (A_{Jd}) во времени. Функционал идеации как существенно эвристическая детерминированная функция, приводящая к новому умозаключению, не может принимать абсолютное численное значение менее двух суждений, отвечающих силлогизму, содержащему два антиномических суждения. Идеация не есть нечто необычное. Идеация есть проявление того факта, когда творчески мыслящий специалист готов делиться с аудиторией

информацией, но не мыслями — идеями. В этом смысле информационный функционал во времени, описывающий возможность появления цепи событий, еще не превратившихся в факты, содержит в своем составе функционал идеации, по крайней мере, в форме полного дифференциала. Такая постановка задачи на математическом уровне, по существу содержащая гипотезы о прогнозировании проблемной ситуации и ее назревании во времени как изменении во времени функционалов информации и идеации, а также о соотношении последних между собой, приводит на уровне имитации к получению дифференциального уравнения второго порядка, решениями которого для определения видов функционалов идеации и информации являются полиномы Лягерра. В начальный момент времени функционал информации, естественно, обращается в ноль, а идеации — оказывается равным двум, т.е. содержит в качестве исходной посылки силлогизм, состоящий из двух антиномических суждений.

Помимо составления в рамках метода имитации дифференциальных уравнений между $\text{Пр}(t)$ и $A_{Jn}(t)$, $A_{Jd}(t)$, естественно, целесообразно машинное опознание закономерностей посредством таблиц “объект–свойство” (ТОС). Однако следует иметь в виду, что обработка таблиц экспериментальных данных по такому методу (ОТ ЭКС) и машинное опознание закономерности (Н.Г. Загоруйко) есть только начало пути к опознанию назревания проблемной ситуации как функции идеации и информации сознанием, детерминизацией в слове и образе и превращению в факт творчества, в действие, т.е. реализации назревшей прогнозируемой проблемной ситуации.

Построение на основе функционалов информации и идеации общего вида функции, прогнозирующей назревание проблемной ситуации во времени, приводит к некоторой зависимости, содержащей совокупность степенной, экспоненциальной и логарифмической зависимостей, т.е., казалось бы, известных в прогнозировании надежности систем функций. Однако анализ такой функции $\text{Пр}(t)$ на экстремумы позволяет получить необычный для существующих теорий результат, который сводится к тому, что сумма минимаксных корней условного времени прогнозирования назревания проблемной ситуации (так же, как и

их произведение) не может быть больше 10–12 лет. Это значит, что назревание и разрешение проблемной ситуации в науке и технике во времени есть процесс циклический, заканчивающийся за 10–12 лет принципиально. Следующие циклы в 10–12 лет соответствуют решению уже по существу новых проблемных ситуаций, определяемых, по крайней мере, качественно новыми антиномиями в форме силлогизмов (функционал идеации) и изменением содержания информации (функционал информации). Минимум функции $\Pi_r(t)$ соответствует величине приблизительно в 1,4 условного года, а максимум — в 8,6 условного года, что является из последующего анализа, соответствует условию усвоения предшествующей информации и превращения ее посредством творчества в факт разрешения проблемной ситуации. Точка перегиба между минимаксными значениями описываемой $\Pi_r(t)$ функции соответствует максимуму к.п.д. творчества η , равному 0,3 к.п.д. творчества, и информации q , для которых непременно условие: $\eta + q = 1$. Отсюда выводятся представления о степени усвоения информации $i(t)$, под которой понимается отношение функции $\Pi_r(t)$, описываемой на основании учета функционалов информации и идеации или только функционала информации. При этом полагается, что величина, обратная степени усвоения информации, есть усвоенная информация, характеризуемая величиной q , т.е. к.п.д. информации.

Рассмотренные выше представления о характере назревания и разрешения проблемной ситуации и введенные критерии такого описания были использованы для качественной и количественной оценки контекста текстов в форме научных трудов ученых (Э. Шредингер, Л. Ландау, А. Пуанкаре). Полученные результаты в виде величин i , η , q (табл. 1.1) позволили дать оценки соответствующих циклов в 10–12 лет в творчестве ученых по характеру их публикаций с точки зрения генерации идей и информационного синтеза, которые находятся в удовлетворительном совпадении с результатами фактобиографических справочников.

Таблица 1.1

Анализ критериев [11] коэффициента информации $i(t)$, к.п.д. творчества η ; к.п.д. информации q в научных публикациях А. Пуанкаре, Э. Шредингера, Л.Д. Ландау

Имя	Годы исследований	Теория/эксперимент (т/э)					K^{Jd}	K^{Jn}	$N^{общ}$
		$i(t)$	η	q	N^{Jd}	N^{Jn}			
1	1874–1884	$\frac{1,19}{1,05}$	$\frac{0,16}{0,06}$	$\frac{0,84}{0,94}$	$\frac{13}{5}$	$\frac{70}{78}$	0,4	0,9	83
		$\frac{1,19}{1,11}$	$\frac{0,16}{0,10}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{13}{8}$	$\frac{66}{71}$			
	1885–1895	$\frac{1,19}{1,11}$	$\frac{0,16}{0,10}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{13}{8}$	$\frac{66}{66}$	0,6	0,8	79
		$\frac{1,19}{1,11}$	$\frac{0,16}{0,10}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{13}{8}$	$\frac{61}{66}$			
	1896–1906	$\frac{1,19}{1,11}$	$\frac{0,16}{0,10}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{13}{8}$	$\frac{61}{66}$	0,6	0,9	74
		$\frac{1,19}{1,11}$	$\frac{0,16}{0,10}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{13}{8}$	$\frac{61}{66}$			
2	1921–1931	$\frac{1,19}{1,12}$	$\frac{0,16}{0,11}$	$\frac{0,84}{0,89}$	$\frac{7}{5}$	$\frac{38}{40}$	0,7	0,9	45
		$\frac{1,19}{1,12}$	$\frac{0,16}{0,11}$	$\frac{0,84}{0,89}$	$\frac{7}{5}$	$\frac{38}{40}$			
	1932–1942	$\frac{1,19}{1,12}$	$\frac{0,16}{0,11}$	$\frac{0,84}{0,89}$	$\frac{6}{4}$	$\frac{31}{33}$	0,7	0,9	37
		$\frac{1,19}{1,12}$	$\frac{0,16}{0,11}$	$\frac{0,84}{0,89}$	$\frac{6}{4}$	$\frac{31}{33}$			

Продолжение табл. 1.1

Имя	Годы исследований	Теория/эксперимент (т/э)					K^{Jd}	K^{Jn}	$N^{общ}$
		$i(t)$	η	q	N^{Jd}	N^{Jn}			
3	1926–1936	$\frac{1,19}{1,13}$	$\frac{0,16}{0,20}$	$\frac{0,84}{0,80}$	$\frac{4}{5}$	$\frac{21}{20}$	0,8	0,9	25
		$\frac{1,19}{1,06}$	$\frac{0,16}{0,06}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{5}{2}$	$\frac{28}{31}$			
	1937–1947	$\frac{1,19}{1,06}$	$\frac{0,16}{0,06}$	$\frac{0,84}{0,90}$	$\frac{5}{2}$	$\frac{28}{31}$	0,4	0,9	33
		$\frac{1,19}{1,10}$	$\frac{0,16}{0,08}$	$\frac{0,84}{0,92}$	$\frac{6}{3}$	$\frac{30}{33}$			
	1948–1958	$\frac{1,19}{1,10}$	$\frac{0,16}{0,08}$	$\frac{0,84}{0,92}$	$\frac{6}{3}$	$\frac{30}{33}$	0,5	0,9	36
		$\frac{1,19}{1,10}$	$\frac{0,16}{0,08}$	$\frac{0,84}{0,92}$	$\frac{6}{3}$	$\frac{30}{33}$			

Примечание: 1 — А. Пуанкаре; 2 — Э. Шредингер; 3 — Л.Д. Ландау; N^{Jd} , N^{Jn} , $N^{общ}$ — достижения в форме идей, информации и их сумма; K^{Jd} , K^{Jn} — коэффициенты идеации, информации как парциальные вклады достижений N^{Jd} , N^{Jn} , отнесенные к их сумме $N^{общ}$. В числителе — теория; в знаменателе — результаты фактобиографических данных.

Анализ функций $\text{Пр}(t)$ на основании вкладов функционалов идеации и информации позволяет найти аналитическое выражение для оценки “развертывания” во времени функции $\text{Пр}(t)$, которую можно отнести к непреднамеренной или преднамеренной дезинформации. Непреднамеренная дезинформация как функция развертывания во времени проблемной ситуации содержит только функционал информации $\text{Пр}(Jn, t)$; преднамеренная дезинформация есть развертывание функции проблемной ситуации на основании функционалов идеации и информации, последний из которых взят с обратным знаком, что соответствует кодированию информации с признаками “ложь” и характеризуется функцией $\text{Пр}(Jd, t)$. В про-

странстве унитарной симметрии, в котором разворачивается во времени проблемная ситуация для минимума условного времени, орты векторов истинной проблемной ситуации, т.е. $\text{Пр}(t)$ и соответственно непредвиденной и преднамеренной дезинформации преобразуются как корни простых чисел: $2^{1/4}$ и $3^{1/8}$, т.е. как многомерное пространство восьми измерений 0^8 , содержащее, по крайней мере, дублет антиномичных суждений, составляющих силлогизм, содержащий новое умозаключение при описании истинной, непреднамеренной и преднамеренной дезинформации в разворачивании проблемной ситуации. На основании этого можно сделать заключение о возможности восстановления образа истинной проблемной ситуации по функциям, описывающим непреднамеренную и преднамеренную дезинформацию. В этом смысле снимается антиномия между представлениями науки и лженауки.

Следовательно, прогнозирование назревания проблемной ситуации в науке и технике во времени определяется на эвристическом уровне формулированием силлогизма в форме антиномии, на статистическом уровне — функцией распределения абсолютно детерминированных и абсолютно случайных процессов, имитирующих лингвостатистическую структуру языка и контекст анализируемых текстов, а разрешение проблемной ситуации достигается нормированием неизвестной функции методом имитации относительно минимаксных точек функции $\text{Пр}(t)$. Методическое и математическое обеспечение для решения задач предыдущих двух разделов изложено подробно в работе [11].

1.3. Ἰ ἈΟἶ Αἶ Εἶ ἈΕΒ ΕἸΝΝΕΑΑἶ ΑΑἶ ΕΒ ΥΕΑἶ Αἶ Οἶ Ἀ ΝὸΒΟἸΕὸΟΒῶ ΟΑἶἶ ΕἸἸ Ε Αἶ ΑἸΕἸϚ ἶ ἈΒΑἶ ἈὸΒἶ Ἀ ΝὸΒΟἸΕὸΟΒῶ ἶ Βἶ ἈΒἈἸΝἈ

Проблема открытия, рационализации, изобретения как форм умственной деятельности интеллектуальных систем (И.С. Ладенко), лейтмотивом функционального поведения которых является самостоятельное критическое мышление по типу “дискурсия–интуиция–образ”, может быть, как показывает мысленный эксперимент, алгоритмизирована лишь постольку, поскольку сфера интеллектуального труда лежит в области

информационных и идеационных процессов (рационализация, изобретение).

Рационализация как форма усовершенствования есть инвариант усвоенной информации, более эффективный по затратам труда, чем вариант до ее усвоения.

Изобретение как информационный и идеационный процесс алгоритмируется по преимуществу моделями прямой аналогии.

Творческий процесс мышления, открытие как информационно-идеационные явления не имеют алгоритма, хотя и являются истинами. Здесь ситуация такая же, как и в области отсутствия алгоритма для описания натурального ряда чисел — периодического закона **Д.И. Менделеева**. Это истины, которые доказать нельзя. Их можно только открыть. Они лежат, как и парадокс Гиббса, выражаясь языком математики, в области их описания теоремами Геделя и Тарского. Тем не менее такие “мнимые алгоритмы” реальны, как реальна мнимость мыслимого пространства, как реальны преобразования мнимых величин в математике Лапласа, **Фурье**, мнимости геометрии **Флоренского**, миниатюры художественного оформления книг **Фаворского**. Поэтому можно путем “мыслительного скачка” открыть неизвестную ранее зависимость путем рефлексии, т.е. мыследеятельности, направленной на предмет явления [12].

Техническое знание, обеспечивающее прогресс техники как успех технологии, в отличие от научного знания, прогресс которого заключается в успехе науки, имеет непосредственное социально-экономическое содержание.

Максимально полезная работа, направленная на поддержание социально-экономической структуры прогресса как успеха технологии, компенсируется максимально полезной работой, направленной на преодоление сбоев и регресса в самой технической системе. Исходя из этого формулируется принцип минимального изменения максимально полезной работы как принцип действия и оптимизации в обеспечении надежности прогресса, в частности, как успеха техники в **НТР**. Формулируемый принцип как целостное описание структуры прогресса, определяемый минимальным изменением максимально полезной работы, направленной на поддержание социально-

экономической структуры прогресса, за вычетом работы, направленной на преодоление сбоев и регресса технической системы, является по существу принципом разрешения проблемы антиномии между социально-экономической структурой прогресса и временной структурой регресса, сбоев технической системы, обусловленных ее несовершенством и защищенных внедряемыми техническими решениями.

Конкретная структура максимально полезной работы прогресса как структура социально-экономическая определяется, во-первых, затратами, направленными на порождение такой формы товарного производства, обеспечивающего технический прогресс, чтобы не нарушался закон денежного обращения; во-вторых, затратами, обеспечивающими оптимальный уровень управления инженерными решениями при заданном уровне навыков и технического образования.

Максимально полезная работа, направленная на преодоление сбоев и регресса технической системы, обладает по существу абстрактной структурой. При этом регресс, как показывает анализ его динамики, экспоненциально зависит от квадрата времени внедрения успехов технологии в практику производства.

Формулируемый принцип минимального изменения максимально полезной работы как принцип действия и оптимизации в обеспечении надежности прогресса есть принцип единства абстрактного и конкретного в анализе структуры параметров прогресса. На примере построенной модели видно, что несвоевременное внедрение технического решения ведет к совершенно непроизводительным социально-экономическим затратам.

Дәһһә 2

І Т ААӘҮ ЕІ ОАЕЕАЕООАЕҮІ Т Е НЕНОАІ О
(ДАОЕАЕНЕВ, ЕІ ОІ ӘІ АӨЕВ, ҮІ ОӘІ І ЕВ Е ОАІ Ә×АҢОАІ)

Сквозь узор расшитого стиха,
Сквозь цветное узорочье гласных
Раздвигаю звонкие меха
Твердостью рассеченных согласных.

С.А. Кутолин. Грамматика стиха.
Из сб. "Парадигмы". 1983.

Общеизвестно, что **И. Кант** считал любую дисциплину не наукой, если она не описывается категориями математики. **В** этом смысле, например, химия также рассматривалась им в отличие от физики как не наука.

Но уже его ученик **И. Рихтер** обессмертил свое имя открытием в химии закона эквивалентов, устанавливающего математическую зависимость между количествами вещества, вступающими в химическую реакцию, и тем самым положил основу математического расчета рецептур, обеспечивающих качественное производство фарфора.

Налицо триединство гносеологии, психологии и логики [3] обучаемого субъекта, который путем антиномии личностного подхода к решению научно-технической задачи, установления смысловых связей в решении проблемных ситуаций (парадигма), самостоятельности и критичности мышления (интеллигентность) обнаруживает неизвестное ранее явление, т.е. открывает закон. Это не только пример творческого энтузиазма, но это пример отражения и одновременно овеществления на практике интеллектуальной системы. Похоже, что с точки зрения развития проблем психики здесь реализуется положение об общности строения внешней — практической и внутренней — теоретической деятельности человека, положение о механизме прижизненного формирования функциональных мозговых систем, составляющих физиологическую основу специфики человеческих способностей [13]. **Но** если в этом плане можно говорить о своего рода “формах изоморфизма” между психикой субъекта и возможностями его интеллектуальной системы, то тем более можно надеяться на открытие абстрактно-математических структур, лежащих в основе модели интеллекта, т.е. встать на путь поиска своеобразной “гистологии интеллекта”, где модель интеллектуальной *J*-системы и есть триединство субъекта в его психологии (**P**), гносеологии (**G**), логике (**L**), являясь эквивалентом духа и мысли **PGL**, и рассматривается как консервант банка творческих идей и информации в области математики, философии, искусства, религии, естествознания.

2.1. Ὁ ἄτθ × ἄνῆῆῆ ἕ ἰ ὀϕῆαϕ ἕ ἢῆ ἄτ ἕῆ × ἄνῆῆαβ ἰ ἰ ἄἄῆῆ ἕ ἰ ὀἄῆῆἄῆὀὀἄῆῆ ἰ ἕ ἢῆἢὀἄ ὀ

Логико-алгебраическая модель формирования интеллекта, сформулированная Ж. Пиаже, сосредоточивая внимание на его генетическом развитии [14], оставляет в стороне гносеологическую работу (*G*-работа) духа, т.е. мыследеятельность как рефлексию, например, которая означает развитие интеллектуальных способностей совершенствованием эстетических категорий, явно недетерминируемых логико-алгебраической моделью. **Все** дело в том, что логико-алгебраические структуры свойственны не только операциям интеллекта [15], но и любым управляемым (кибернетическим) средствам, которые поддерживают сохранность, надежность своей информации логико-алгебраическим методом, например, в неорганической физико-химической среде [16]. Генетическое развитие интеллекта в форме модели логико-арифметической структуры является необходимым, но недостаточным элементом модели интеллекта. Применительно к формированию теоретического знания, как показано в [17, 18], история науки в свете теории мышления содержит структурные функциональные связи мыследеятельности как рефлексии в модели интеллекта. Структурные элементы в плане пригодности для построения модели должны обладать, по крайней мере, устойчивостью применения в исследуемом многообразии систем. Это, несомненно, свидетельствует, что такие структуры должны иметь истолкование возможности (*Jnf*) или вероятности (*S*) их устойчивого состояния. **Но** возможность или невозможность события, факта, текста определяется информацией (*Jnf*) о них, а вероятность разночтения в их наблюдении — величиной их энтропии (*S*). Поэтому структурные связи можно рассматривать как производные информации (возможности) и энтропии (вероятности). По-видимому нужно иметь в виду различные формы информации: информация Шеннона, информация Винера (последняя рассматривается как работа, затрачиваемая на превращение возможности в факт, включая в себя и категорию негэнтропии, которой так любят оперировать в биологии [19]). **При** этом структурные связи деятельности как информации могут служить не только предметом получения теоретического знания,

но и наслаждения, например, при решении философских проблем бесконечности [20] или мирозерцания как рефлексии [21].

Функциональные связи мыследеятельности как рефлексии есть операционные дискурсивные связи — в этом смысле они безэнтропийны. **Но** на создание таких связей, безусловно, требуется полезная работа интеллекта, которая, видимо, определяется опытом рефлексии, направленным на уничтожение энтропии. **В** то же время величина полезной работы, физически противоположная по знаку энтропии, должна быть способной перечеркнуть (затушевать) структурные связи деятельности интеллекта для получения новых решений, т.е. умозаключений, возможность появления которых, с точки зрения информации, может быть никогда не реализована. Такая ситуация, данная в мыследеятельности созерцания, т.е. рефлексии, является уже в форме отрицательной энтропии и должна представляться неалгоритмируемым образованием. Это ситуация открытия. Она в соответствии с теоремами Геделя–Тарского не имеет алгоритмического истолкования, но, как явление, познанное интеллектом, может быть в знании многократно повторена в форме структурных (информационно-энтропийных), функциональных (операторных) связей мыследеятельности, в ее генетической (логико-алгебраической) модели. **На** этом основании можно предположить, что отрицательная энтропия как существенно физическая категория, введенная в [22], ответственна за рефлексии, т.е. за мыследеятельность мирозерцания. **Информация**, энтропия характеризуют структурные формы деятельности теоретического знания, операторные процедуры ответственны за функциональные формы такого знания, а генетические — за алгоритмированные генетические связи, обладающие логико-алгебраической природой, которая, как показано [16], свойственна любой кибернетической, а не только биологической системе. **Развитие** структурных, функциональных, генетических связей интеллекта как мыследеятельности мирозерцания, т.е. рефлексии, во времени определяет факт сознания и сознания явления в потоке времени.

Любопытно отметить, что существующие концепции поисков физических оснований сознания, например [23],

которые отстаивают квантовый принцип сознания, находятся в противоречии с основным постулатом. Действительно, если сознание квантуется, то имеет место основной квантово-механический принцип — принцип неопределенности Гейзенберга. Но очевидна дискурсивность мышления как формы сознания. А этот факт находится в антагонистическом противоречии с недетерминируемостью, лежащей в основе принципа неопределенности. Следовательно, квантовое сознание — это скорее всего сознание в форме вихрей бреда. Поэтому речь не идет о сведении явлений, лежащих в области $PGL-J$ -системы, к простым физико-химическим или биологическим процессам. Подобные подходы, на что обращал внимание еще П.А. Сорокин в социологии [24], превращают личность в неодушевленный предмет, который становится простой материальной массой.

Но если бессмысленно искать физический механизм описания интеллектуальной системы, то целесообразно противопоставить категориям интеллектуальной модели взаимно-однозначные на уровне семиотики физико-математические категории, которые позволяют получать синтетический результат в форме окончательного вывода об условиях и границах взаимодействия данных категорий между собой. В табл. 2.1 приведены такие сопоставления категорий.

Таблица 2.1

Категории интеллектуальной модели $PGL-J$ -системы

Категории интеллектуальной модели (КИМ)	Физико-математические категории (ФМК)
1. Структурные связи: а) возможность б) вероятность	Информация Энтропия
2. Функциональные связи	Операторы
3. Генетические связи	Теория множеств и алгоритмов, математическая логика
4. Рефлексия	Отрицательная энтропия
5. Потоки КИМ	Производные по времени категорий ФМК

На примере истории русского идеализма видно, что интеллектуальный размах и систематичность построений, например, философии В.С. Соловьева [25] (метафизика личности, социология, эсхатология) охватывает в плане энту-

зиазма самые разнообразные творческие аспекты философско-религиозной мысли (имитацией по прототипу, по подражанию). **И** здесь имеет место творчество: в политэкономии (**С.Н. Булгаков**), эстетике (**Н. Бердяев**, **С.А. Франк**), истории (**С.Н. Трубецкой**), технике, материаловедении, живописи (**П.А. Флоренский**), медицине (**В.Ф. Войно-Ясенецкий**), поэзии (**А. Блок**, **А. Белый**).

Нельзя не обратить внимание на то, что логико-комбинаторные варианты личного подхода к интеллектуальной системе задолго до теории интеллекта **И.С. Пиаже** даны в магистерской диссертации **П.А. Флоренского** [26]. Можно утверждать, что интеллектуальные системы [27–29] (*PGL–J*-системы) имеют какую-то внутреннюю своего рода “гистологию”, в которой содержится и творческий энтузиазм (E_T) как категория эстетики. Эстетическая категория “творческий энтузиазм” (E_T) есть практическое действие интеллектуальной системы (*PGL–J*), направленное в форме максимально полезного труда на приобретение для данного субъекта рефлексии (мыследеятельности), установление смысловых связей (парадигм) в объекте творчества, критическое и самостоятельное осмысление (интеллигентность) объекта творчества по отношению к аналогичным объектам творчества иных субъектов. Творческий энтузиазм (E_T), таким образом, есть вектор максимально полезной работы *PGL–J*-системы. Он складывается из эстетического действия работы мысли, духа, т.е. вдохновения, (**В**) и потенциала (**П**) — подражания как образа действия, имитации [16] для воплощения идеи, выплавляемой в горниле духа и мысли. Откуда $E_T = В + П$.

Однако, естественно, не вся *PGL–J*-система, т.е. интеллектуальная система, конвертируемая в максимально полезную работу, есть вектор, творческий энтузиазм E_T . Часть *PGL–J*-системы должна обладать диссипацией, рассеянием. Какова же “гисто-логия” этой части? **В** отличие от *PGL–J*-системы как банка творческих идей диссипация *J*-системы есть произведение численного многообразия мнений, теории (**М**) и информации (*Jnf*), усвоенной интеллектуальной системой (*J*-системой) в процессе творческого акта. Естественно, что усвоенная информация (*Jnf*) есть логарифмическая мера вероятности от

всей без исключения собранной информации творчества субъектов. Отсюда диссипация J -системы (JD) есть произведение $MInf$, т.е. часть интеллектуальной системы, составляющая ее уровень от PGL - J -системы, который не реализуется в творческий энтузиазм, а рассеивается на интересе к смежным областям творчества и не проявляется в векторе конкретного творческого энтузиазма (E_T), откуда $E_T = B + \Pi = PGL-J - MInf$. Таким образом, интеллектуальная система ($PGL-J$) может быть представлена конусом, образующие которого сходятся в вершине (результате творчества), обегая площадь рассеяния интеллекта (JD). Чем больше площадь рассеяния интеллекта, чем меньше величина творческого энтузиазма E_T , тем короче высота конуса как меры вдохновения [22]. Связи между категориями J -системы, выраженными символами E_T, J, JD , есть символическая модель интеллекта, и, по крайней мере, не менее общая, чем та, которой пользуются, например, в экономике при оценке покупательной силы денег [30]. Можно далее показать, что не только символическая, но и аналитическая модель может быть получена путем рефлексии, при анализе, например, выборной кампании ... народных депутатов в Верховный Совет СССР в Новосибирской области.

2.2. ΔΑΟΕΑΕΝΕΒ ΑΙ ΑΕΕΟΕ × ΑΝΕΤ Ε Ι Τ ΑΑΕΕ ΑΟΥΑΙ ΘΙ Α
 Ι ΑΒΙ ΑΙ ΟΩ ΑΑΙ ΟΟΑΟΙ Α Α ΑΑΒΟΙ ΑΙ ΟΕ ΝΙ ΑΑΟ ΝΝΝΘ
 Α Ι Τ ΑΙ ΝΕΑΕΘΝΕΤ Ε Ι ΑΕΑΝΟΕ Ε Ι Τ Ι ΕΘΟΑΟ '21 ΘΝΟΝΘ.

Будем полагать, что в основе такой рефлексии лежит взаимодействие не более чем двух неантагонистических коллективов, план “боевых” действий которых включает миниколлективы, работающие в рамках двоичной или многозначной логики, что соответственно характеризуется параметрами $a = 2$ и $b = 3$. Следует отметить, что модели “боевых действий” неантагонистических коллективов Ланчестера–Рашевского рассматривались в литературе неоднократно [12, 31] в форме линейных дифференциальных уравнений. Поэтому приведем окончательный результат таких уравнений в виде:

$$\Phi = \frac{A \exp(L) + C/n}{1 - \exp(-\beta)}, \quad (2.1)$$

где Φ — общая численность лиц, принявших участие в голосовании; C/n — число недействительных бюллетеней, приходящихся на каждого из двух кандидатов. Эта единственная постоянная величина в данной модели сложного экспоненциального типа может быть определена по данным хотя бы одного из избирательных округов. В среднем (8–12% отн. ошибки) $C/n = 3927$. Тогда указанная модель имеет вид:

$$\Phi = \frac{A \exp(L) + 3927}{1 - \exp(-\beta)}. \quad (2.2)$$

В числителе этой дроби величина $A \exp(L)$ — теоретически соответствует численности голосов избирателей, поданных “за” депутата, а в знаменателе величина $[1 - \exp(-\beta)]$ — числу голосов, поданных “против” депутата.

Определим смысл величин A , L , β , как функции поведения коллектива с параметрами $a = 2$ и $b = 3$, т.е. параметрами, соответствующими двузначной и многозначной логике поведения.

Пусть есть доля информации о положительных качествах претендента в депутаты. Естественно, что такая доля может быть и более и менее 100%, но, принимая во внимание параметры b и a , можно определить разумно величину $\beta = b/a^2$, и тогда, действительно, β может быть в среднем больше или меньше $3/4$. Пусть L в отличие от β есть уровень информации, равный объему информации, получаемому минимальным коллективом поддержки A , и складывающийся только из ситуаций, характеризуемых двоичной логикой, т.е. $L = a^3 = 2^3 = 8$. Определим минимальную величину коллектива поддержки депутата A как коллектив, в котором депутаты обязаны действовать в целях успеха не иначе как по принципу многозначной логики, согласно которому $b = 3$. Тогда, по определению, во всяком случае $A = b^3 = 27$. Итак, путем цепи суждений мы теоретически оценили параметры модели выборов как величины, равные $A_{\text{теор}} = 27$, $\beta_{\text{теор}} = 3/4$, $L_{\text{теор}} = 8$. Сама же аналитическая модель выборов как часть рефлексии есть умозаключение, т.е. новое знание, которое можно проверить. Действительно, если параметры A , L , β , будучи подставлены в

модель, совпадут по своим средним значениям между собой и с соответствующими результатами экспериментальных данных по голосованию, т.е. величинами голосов “за”, ”против”, общей численностью избирателей, принявших участие в голосовании, то предпринятая рефлексия есть фактически реализованное умозаключение. Результаты таких расчетов приведены в табл. 2.2 (фамилии избранных депутатов Верховного Совета СССР подчеркнуты).

Таблица 2.2

Результаты расчета и параметры A , L , β модели выборов народных депутатов Верховного Совета СССР

Округ	Ф.И.О.	“За”	“Против”	Всего	A	L	β
231	<u>Индинок И.И.</u>	<u>41733</u>	<u>80344</u>	<u>126004</u>	14	8	0,4
		42573	83913	127688			
	<u>Новотный С.И.</u>	<u>77505</u>	<u>51354</u>	<u>132768</u>	26	8	0,9
		75250	51236	127688			
233	<u>Родина Г.А.</u>	<u>74524</u>	<u>106990</u>	<u>135441</u>	25	8	0,5
		73591	109762	192019			
	<u>Яненко А.П.</u>	<u>98372</u>	<u>86586</u>	<u>188884</u>	33	8	0,7
		96379	86977	192019			

Продолжение табл. 2.2

Округ	Ф.И.О.	“За”	“Против”	Всего	A	L	β
234	<u>Демин А.Б.</u>	<u>104334</u>	<u>96921</u>	<u>205181</u>	35	8	0,7
		103942	95647	205895			
	<u>Лебзак К.Ф.</u>	<u>92410</u>	<u>103057</u>	<u>199393</u>	31	8	0,6
		91710	107879	205895			
235	<u>Нагибин А.И.</u>	<u>65581</u>	<u>150357</u>	<u>219865</u>	22	8	0,4
		64770	151051	223945			
	<u>Шмаль Ю.А.</u>	<u>141086</u>	<u>70672</u>	<u>217685</u>	48	8	1,1
		145173	70648	223945			
236	<u>Денисенко Н.И.</u>	<u>95391</u>	<u>106246</u>	<u>205563</u>	32	8	0,6
		95855	108229	208833			

	<u>Казарезов В.В.</u>	$\frac{107314}{105164}$	$\frac{99589}{98914}$	$\frac{210831}{208833}$	36	8	0,7
239	Засыпкина Т.П.	$\frac{56638}{51266}$	$\frac{93361}{92375}$	$\frac{153926}{151239}$	19	8	0,5
	<u>Пирязева Н.М.</u>	$\frac{80486}{78542}$	$\frac{68878}{65099}$	$\frac{153291}{151236}$	27	8	0,8

Примечание. Подчеркнуты фамилии избранных депутатов Верховного Совета СССР. В числителе — расчет; в знаменателе — официально опубликованные результаты выборов.

Оценка экспериментальных данных средних параметров A_{cp} , L_{cp} , β_{cp} по интеллектуальной модели табл. 2.1 и соответствующих им среднеквадратичных погрешностей измерений (s) приводит к следующим результатам: $A_{cp} = 29$, $s_A = 8,934$; $L_{cp} = 8$, $s_L = 0$; $\beta_{cp} = 0,70$, $s_\beta = 0,21$.

Это означает, что экспериментальные значения параметров A , L , β прекрасно совпадают с расчетными величинами параметров модели, получаемых из умозрительного заключения об информационно-логической природе смысла величин: $A = 27$;
 $L = 8$; $\beta = 3/4 = 0,75$.

Оценка же теоретических результатов голосования “за” и “против” кандидата в депутаты и общего числа поданных голосов Φ отличается от экспериментальной оценки не более чем на 6% отн. ошибки и фактически свидетельствует, что расчетная функциональная зависимость имеет смысл закона для “боевых” действий неантагонистических множеств. Поэтому можно утверждать, что методологические основания единства антиномии, которые оказываются полезными для анализа знаний и творчества в науке и технике [32], представляют собой эффективный инструмент в сфере мысленного эксперимента, позволяющего строить символические и аналитические модели интеллектуальной системы, в которой информационно-логические связи, как связи структурные, функциональные, генетические, служат основой мыследеятельности как рефлексии и творчества. Заданные параметры информации в виде величин A , L , β в аналитической модели выборов являются своего рода мерой, уменьшающей энтропию табличных данных по результатам выборов и привод-

ящей в систему результаты расчетов по аналитической модели. Это и есть проявление творческого энтузиазма, и притом такого, в котором рефлексия как неалгоритмируемая величина, содержащая отрицательную энтропию, превращает по существу хаотические результаты по выборам не просто в модель, но благодаря смысловой нагрузке параметров A , L , β в закон, простая “гистология” которого показывает, что выборы в депутаты Верховного Совета СССР соответствуют менталитету реакции человека по логическим структурам, содержащим элементы только двоичной или многозначной логики. А это довольно жесткий ригоризм. Но ведь и в искусстве, как и в философии, такие ригоризмы нередки. “Энтузиазм появляется тогда, когда звучит ритм пульса”; “от чувства утрашения (Мардук) до чувства откровения (И. Богослов)”.

Æèàà 3
 OÏ ðÏ ÈðÏ AÀÏ ÈÀ ÑÏ ÕÈÏ ÝÏ ÕðÏ Ì È×ÀÑÈÈÕ ÆðÏ Ì
 ÈÀÈ ÕÀÏ ð×ÀÑÈÈÈ ÑÏ Ì ÑÏ À ÆÕÆÈÈÀÏ Èß

В синем воздухе кактусы плачутся,
 Губы черных вершин немые,
 Фиолетовой шалью прозрачною
 Тучи нежат затылок луны.

 Только вот они, стены высокие,
 Только вот она, клеть,
 И меня лягушкой болотною
 Заставляют в оркестре петь.

*С.А. Кутолин. Страна Лесото.
 Из сб. «В себя сквозь небо». 1992*

Проблема выживания и развития человечества в последнее время все чаще становится предметом обсуждения. В значительной степени, возможно, это является следствием не только сущностных задач, всегда стоявших перед

человечеством, но и порождением политики “нового мышления для нашей страны и для всего мира” [33].

Опуская политический аспект проблемы выживания, интересно выявить ее модельно-гносеологические стороны. Во-первых, потому что в призме гносеологии проблема выживания, несомненно, “разложится” в спектр логических и психологических элементов интеллектуальной системы как системы рефлексии — мыследеятельности, парадигм — возникновения и закрепления смысловых связей, самостоятельности и критичности мышления, т.е. интеллигентности, — той самой, которую в осмыслении действительности нельзя переоценить. Именно она, интеллигентность, как критичность и самостоятельность мышления, позволила ее представителям (маркизу Астольфу де Кюстину [34], Андре Жиду [35]) выносить существенные вердикты в различные эпохи, например, в нашей стране. Во-вторых, помимо философского аспекта как полезной работы интеллектуальной системы [17, 29], модель, путь выживания есть физический механизм поведения живой системы, с одной стороны, а с другой, — есть путь не просто живой биологической системы, но системы, действующей по алгоритму управления, ведущего к выживанию, и, более того, путь творческого энтузиазма, ведущего к появлению “алгоритма выживания”. Такой творческий энтузиазм социальной группы, позволяющий “увертываться”, т.е. выживать путем творческого акта целой социальной группы, можно назвать “социоэнтропическим состоянием группы” (энтропия — увертка). Социоэнтропическая группа в форме творческого энтузиазма порождает, по определению, максимально полезную работу, направленную на решение проблемных ситуаций выживания, науки, техники. И, как показано в работах [32, 37, 46], возможно создание методологии решения модельных задач в условиях как эволюционного, так и кризисного развития социологической системы. Известно, что Н.П. Рашевский, например, предлагал даже чисто математические модели решения сложнейших социологических задач. Поэтому модельно-гносеологический аспект проблемы выживания следует выяснить как в плане гносеологии построения семиотики (“языка”) выживания, так и, естественно, в плане финансово-экономического способа

выживания системы. И притом “модель выживания” как гносеологический и финансово-экономический элемент оформляется и на “языке математики”. Такое построение “модели выживания” позволяет вскрыть необходимые и достаточные механизмы выживания. Проблемы же динамических моделей развития народного хозяйства рассматривались неоднократно [9].

3.1. $\hat{I} \hat{T} \hat{A}\hat{A}\hat{E}\hat{U}\hat{I} \hat{T} \hat{A}\hat{I} \hat{T} \hat{N}\hat{A}\hat{I} \hat{E}\hat{T} \hat{A}\hat{E} \times \hat{A}\hat{N}\hat{E}\hat{E}\hat{A} \hat{T} \hat{N}\hat{I} \hat{T} \hat{A}\hat{A}\hat{I} \hat{E}\hat{B}$ $\hat{I} \hat{D}\hat{I} \hat{A}\hat{E}\hat{A}\hat{I} \hat{O} \hat{A}\hat{O}\hat{A}\hat{E}\hat{E}\hat{A}\hat{A}\hat{I} \hat{E}\hat{B}$

В чем состоит пропедевтика выживания? Каким образом формируется категория выживания не в популистском, а в общечеловеческом смысле этого слова, и притом для социальной системы и общества? Социология как наука о закономерностях и движущих силах развития социальной системы в философско-историческом плане до последнего времени не уделяет достаточного внимания рассмотрению проблемы выживания. Почему? Да потому, что категория “выживание” лежит за пределами самой сути секуляризации такой науки, как социология. И по существу является синкризой, в которой категория “выживание” (**В**) есть вектор, построенный в координатах векторов категорий: ”спасение” (**С**) плюс “борьба за существование” (**БС**), т.е. $\mathbf{B} \Rightarrow \mathbf{C} + \mathbf{BC}$. Тем не менее и в этом случае выживание как вектор не оказывается за пределами установок интеллектуальной группы, представляющей собой социальную группу с различными рефлексивными установками как в плане философии, так и в плане истории. Категория “выживание” оказывается в сегодняшнем понимании той частью философии всеединства, например от **В.С. Соловьева** до **П.А. Флоренского** [39], частью того миропонимания, которые строятся на учении св. Афанасия Великого о боговоплощении как основе спасения и основаниях учения о спасении (**С**), раскрытых в докторской диссертации патриарха **Сергия**. Сторонникам секулярного понимания категории выживания только как форм борьбы за существование можно указать на то, что среди членов совета директоров международного фонда “За выживание и развитие человечества” лица различной мировоззренческой ориентации:

митрополит Пителир, А.Н. Яковлев, А.А. Бессмертных (“Известия” от 17.01.91), что является прямым подтверждением выдвинутого тезиса о расширительном толковании категории “выживание” как суммы: $V = C + BC$.

Различные социологические школы, опирающиеся в своих учениях о развитии социума на географические (Риттер), расово-антропологические (Гобино), демографические (Кост), биоорганические (Лилиенфельд), социал-дарвинистические (Гумплович), инстинктивистские (Фрейд), бихевиористические (Томас) идеи его развития, а также диффузионизм (Фробениус), функционализм (Дюркгейм) и выдвигающие на первый план коллективное сознание, процессы и формы социального взаимодействия (Г. Зиммель) в коллективе, по существу опосредствованно касались проблем выживания, не выделяя внутренней структуры этой категории. Столь утомительное перечисление социологических теорий не случайно. Оно показывает, что интеллектуальные установки как триединство психологии, логики и гносеологии превращаются у сторонников этих многообразных теорий в нечто единое, что может быть названо социоэнтропической группой (СЭГ), рекомендующей социальный рецепт выживания как результат рефлексивного, творческого осознания динамики действительности. Работа такой СЭГ тождественна ее творческому энтузиазму E_t , что соответствует максимально полезной работе интеллектуальной системы ($PGL-J$ -система) [37]. СЭГ как интеллектуальная система, обладающая творческим подходом к решению проблемной ситуации, есть поведенческий факт. А любая интеллектуальная система, обладающая творческим энтузиазмом, есть иллюстрация этого факта. Секуляризуя категорию “выживание” (V) до ее представления как борьбы за существование (BC), можно получить феноменологию такой динамической модели, которая, как показал еще Н.И. Кобозев [40], пригодна как для описания “траектории поиска” трагической экспедиции Лаперуза, так и для понимания жизнедеятельности организмов в поисках пищи. Векторно-броуновская модель [40] характеризует состояние системы кибернетическим потенциалом [41], а по существу алгоритмом управления, который для социоэнтропической группы следует принять

равным \mathbf{E}_t , т.е. творческому энтузиазму, изменяющемуся в пределах от 0 до 1. Уравнение векторно-броуновского движения системы, определяющей по условию выживания СЭГ, есть, как показано А.Н. Колмогоровым [42], уравнение Фоккера–Планка, которое с учетом \mathbf{E}_t для выживания СЭГ в пространстве r и времени t имеет вид:

$$\frac{d(\text{СЭГ})}{dt} = \mathbf{E}_t \left(\frac{d^2(\text{СЭГ})}{dr^2} + \frac{d(\text{СЭГ})}{dr} \right). \quad (3.1)$$

Из данной модели видно, что если часть второго слагаемого в скобках мала, то решение уравнения отвечает нормальному гауссовскому закону распределения, которое соответствует обычному механизму диффузии:

$$\text{СЭГ} = \text{erf} \frac{1}{2\sqrt{\frac{\mathbf{E}_t t}{r^2}}}, \quad (3.2)$$

в противном случае имеет место иная функция распределения.

Напрашивается вопрос, какому закону распределения соответствует решение уравнения (3.1), если в математической лингвистике известно [14], что закон (3.2), т.е. нормальное распределение, соответствует описанию поведения системы со “стертой” семантикой, отсутствию дискурсии? Следовательно, поведенческая динамика СЭГ по закону (3.2) не может приводить к выживанию.

Если же поведенческая динамика СЭГ при заданном \mathbf{E}_t представляет собой ряд “творческих импульсов”, эффект которых зависит, с одной стороны, от их интенсивности, а с другой, от величины r , созданных действием предыдущих импульсов, то в этом детерминированном случае решением закона (3.1) является логнормальное распределение с $\mathbf{E}_t = 1$ в виде:

$$\text{СЭГ} = \frac{1}{r\sigma(2\pi)^{1/2}} \cdot \exp\left\{-\left(\ln r - \mu\right)^2 - 2\sigma^2\right\}, \quad (3.3)$$

где μ — среднее значение r , σ — среднеквадратичное отклонение.

Логнормальность “словаря и текста” отражает присущий языку [5], т.е. мышлению, принцип оптимального кодирования

информации. В отличие от закона (3.2) закон логнормального распределения следует принять для СЭГ за основу “творческого выживания”. При этом, полагая, что для векторного равенства

$$\vec{B} = \vec{C} + \vec{BC}$$

по модулю $|\vec{BC}| = \sqrt{C^2 + (BC)^2}$, то, не нарушая общей концепции социологии, закон (3.3) следует признать необходимым и достаточным для выживания СЭГ как группы творческих возможностей, следующих в форме отдельных импульсов. Аналогия между творческими возможностями группы СЭГ, с одной стороны, и оптимальным кодированием информации, присущим естественному языку как форме мышления, с другой, представляется фундаментальной. Возможно, что в фундаменте структуры языка лежит не только сложность мышления (гипотеза Сепира–Уорфа), но и сложность задач, подлежащих решению СЭГ при поиске способа выживания.

Если полученный результат модельно-гносеологического анализа категории выживания СЭГ действителен, то, по крайней мере, следует ожидать, что в такой деликатной области, как финансово-экономическая, где проблема технологии производства и ее выживание тесно связаны с финансами, экономикой, можно надеяться получить подтверждение закона выживания (3.3), анализируя классическую форму финансово-экономических расчетов:

$$PT \neq MV + MV', \quad (3.4)$$

где P — уровень цен, T — количество товаров и услуг, M — количество денег, V — скорость их обращения, M' — количество ценных бумаг, V' — скорость их обращения.

3.2. ΔΑΟΕΑΕΝΕΒ “ΟΕΙ ΑΙ ΝΙ ΑΙ -ΥΕΙ Ι Ι Ϊ È×ΑΝΕΙ ΑΙ ΑΟÆΕΑΑΙ ΕΒ”

Откажемся от линейного вида закона (3.4), хотя, как известно, эта классическая закономерность считается открытой еще в XVIII в. Более того, путем рефлексивного метода [32] найдем новые закономерности между параметрами P , T , MV , MV' для ситуации, когда между финансово-экономическими возможностями η в m случаях (порядок относительного обращения ценностей) и видами технологий q , реализуемых в n

вариантах, имеет место равновесие в форме равномогности множеств:

$$nv = m\eta. \quad (3.5)$$

Введем понятие относительного обращения $\chi = MV/MV'$ как отношения массы денег и скорости их обращения к массе ценных бумаг и скорости их обращения. Тогда уравнение состояния финансово-экономических возможностей будет: $\eta = \eta(P, T, \chi)$. Будем характеризовать уровень технологии $v = v(c)$, где c — константа скорости конверсии финансово-экономических возможностей системы в заданный уровень технологии или наоборот. По аналогии, например, с известным “законом действия масс” в химии, т.е. заимствуя семиотические возможности “языка химии”, будем полагать, что уровень цен P — величина, обратная покупательной силе денег, прямо пропорционален относительному обращению ценностей χ в степени порядка m обращения ценностей:

$$P = c\chi^m = c(MV/MV')^m. \quad (3.6)$$

Предположим, что уровень товаров и услуг T аналогичен закону (3.6) и отличается от него, по крайней мере, не более, чем на порядок относительного обращения ценностей m , т.е.

$$T = cc'm \cdot cm = cc'2m = c'(MV/MV')^{2m}. \quad (3.7)$$

Законы (3.6), (3.7), введенные для расчета уровня цен P , товаров и услуг T , представляются достаточно искусственными. Во-первых, они обладают одним и тем же постоянным коэффициентом скорости конверсии финансово-экономических возможностей c , а во-вторых, отличаются по величине порядка относительного обращения m в два раза. Если же воспользоваться достаточно точными экспериментальными данными для P, T, MV, MV' , приведенными, например, в работе [30], то для 16 точек величин P, T, MV, MV' (табл. 3.1) получим данные, свидетельствующие, что законы (3.6), (3.7) действительно реализуются экспериментально, а величины c и m , вычисленные по программам [43], соответственно имеют значения: $c = 22,213$, $m = -0,6307$.

Таблица 3.1

Экспериментальные [30] параметры $M, M', V, V', P, T, MV, MV'$ в уравнении обмена (3.4), используемые для построения закона (3.6) – (3.11) по 16 точкам (годы)

Годы	M	M'	V	V'	P	T	MV	MV'
------	-----	------	-----	------	-----	-----	------	-------

1896	0,88	2,71	18,8	36,6	60,3	191	16	99
1897	0,90	2,86	19,9	39,4	60,4	215	18	112
1899	1,03	3,88	21,5	42,0	71,6	259	22	163
1900	1,18	4,44	20,4	38,3	76,5	253	24	170
1901	1,22	5,13	21,8	40,6	20,5	291	27	208
1902	1,25	5,40	21,6	40,5	85,7	287	27	219
1903	1,39	5,73	20,9	39,7	82,6	310	29	227
1904	1,36	5,77	20,4	39,6	82,6	310	28	228
1905	1,45	6,54	21,6	42,7	87,7	355	31	279
1906	1,58	6,81	21,5	46,3	93,2	375	34	315
1907	1,63	7,13	21,3	45,3	93,2	384	35	323
1908	1,62	6,57	19,7	44,8	90,3	361	32	294
1909	1,62	6,68	21,1	52,8	100	387	34	353
1910	1,69	7,23	21,0	52,7	104	399	34	381
1911	1,69	7,78	21,0	49,9	102,2	412	34	388
1912	1,71	8,17	22,0	53,4	195,3	455	38	436

Принимая во внимание расчетные значения c и m из (3.6 и 3.7), получаем зависимости, позволяющие исключить величину c из расчетов P , T , χ , т.е. имеем для $c = \text{const}$:

$$P = 22,213\chi^{-0,6307} = 22,213(MV/MV^*)^{-0,6307}; \quad (3.8)$$

$$T = 22,213\chi^{-1,2614} = 22,213(MV/MV^*)^{-1,2614}; \quad (3.8')$$

$$P = T\chi^{0,6307}. \quad (3.9)$$

Пусть в отличие от величины c величина c^2 есть сечение константы скорости конверсии технологии в экономику, тогда из (3.6), (3.7) имеем:

$$c^2 = PT\chi^{1,8921}, \quad (3.10)$$

откуда следует, что PT , а также и P , и T есть фактически операторы, понижающие порядок m относительного обращения ценностей χ . И поэтому можно записать:

$$\text{inv} = c^2 = Tc^{+1,261}; \quad (3.11)$$

$$\text{inv} \equiv c^2 = P\chi^{+0,6307} \quad (3.11')$$

Финансово-экономические операторы P , T , PT переводят относительную величину обращения ценностей в уровень технологии, определяемый константой скорости c или ее сечением c^2 . Огн-осительная ошибка в определении P , T по полученным данным для постоянных c и m не превышает 16%, что свидетельствует в пользу новой формы (3.6) – (3.11) финансово-экономического

отношения между величинами P, T, MV, MV' , которое до сих пор рассматривалось как чисто линейное (см. отношение (3.4)).

Полученный результат (3.6) – (3.11) позволяет утверждать, что между величинами P, T, χ , уравнением состояния экономики $\eta = \eta(P, T, \chi)$ и технологией v существует прямая аналогия [44] с электрической цепью типа треугольника или звезды. При этом в последнем случае векторы P, T, χ имеют общую точку пересечения в основании координат v .

Будем полагать, что законы (3.6) – (3.11) есть пример отражения конкретного “способа выживания” экономики путем возникновения взаимно-однозначного соответствия между финансово-экономическими параметрами P, T, MV, MV' , приведенными в экспериментальной табл. 3.1. Возникает вопрос: если данные табл. 3.1 — результат такого “выживания” по законам (3.6) – (3.11), то какова экспериментальная функция распределения Φ , например уровня цен P , и какой теоретической функции F отвечает такое распределение? Анализ величин Φ методом [43] показывает, что такая функция не есть нормальный закон, а Φ хорошо описывается логнормальным распределением (3.12) и с критерием Пирсона 1,98 в однопараметрической задаче (3.12') соответствует реализации логнормального закона с вероятностью не менее 76% (табл. 3.2):

$$F(P) = \frac{\text{const}}{P\sigma\sqrt{2\pi}} \cdot \exp\left\{-\frac{(\ln P - \mu)^2}{2\sigma^2}\right\}, \quad (3.12)$$

где $\text{const} = 11,938$; P — уровень цен (табл. 3.2); $\mu = \ln P_{\text{ср}}$ — логарифм среднего уровня цен P , σ — логарифм средней погрешности измерения s^2 уровня цен P в табл. 3.2: $\sigma = \ln s^2 = 2,64$.

При величинах экспоненты, близких единице, имеем из уравнения (3.12) в численном выражении практически всегда однопараметрическое соотношение:

$$F(P) = 1,804/P. \quad (3.12')$$

Из табл. 3.2 $n = 5 - 1 = 4$ и при величине критерия Пирсона 1,98 получаем вероятность описания экспериментальной функции логнормальным законом (3.12) $F(P)$.

Такой вывод в соответствии с изложенным ранее не является случайным и свидетельствует о достаточно высокой вероятности “выживания” системы, так как логнормальность “словаря и текста” отражает присущий естественному “языку” принцип оптимальности кодирования информации [5].

Использование рефлексии в форме прямой аналогии “языков” — химии, физики, электротехники — в решении финансово-экономической задачи на примере классических сведений о покупательной силе денег в период 1896–1912 гг. в США свидетельствует в пользу разясненных модельно-гносеологических принципов категории “выживания” не только с точки зрения созерцательности категории “спасения”, но и в полном смысле этого слова категории “борьбы за существование”. С другой стороны, полученные законы (3.6) – (3.11) не позволяют сделать практический вывод о целесообразности с целью уменьшения уровня цен распределять имеющиеся накопления в массе величиной MV' , и притом так, чтобы был “заведомый план” их распределения в какой-то массе ценных бумаг: $MV' = \sum M_j V_j$. Более того, можно показать, что полученные законы (3.6) – (3.11) пригодны для оценки событий в нашей стране в связи с обменом ста- и пятидесятирублевых купюр.

По данным газеты “АиФ”, №4 (537) за 1991 год, величины M , V , M' , V' оценивались, соответственно: $M = 136$ млрд р., $V = 5$ оборотов, $M' = 1224$ млрд р., $V' = 20$ оборотов. Тогда по формулам (3.8), (3.8') для P , T имеем:

	P	T
до обмена купюр	137,5	831,15
после обмена купюр	182,25	1491,36

Это означает, что “прирост” товаров и услуг T в относительном измерении составит не более 32%, а относительный уровень повышения цен P должен составить как минимум 3,072 раза. Совершенно очевидно, что приводимые результаты вполне разумны для того времени. Смысл же “выживания” в данном

случае заключается в том, чтобы предвидеть трудности и справиться с ними, не нарушая законов выживания, в данном случае финансово-экономических.

Таблица 3.2

Экспериментальная функция φ по данным [30]
и логнормальная функция $F(P)$ распределения (3.12)
уровня цен P за 1896–1912 гг.

(критерий Пирсона 1.98; $n = 4$, вероятность описания $f(P) \approx 76\%$)

Годы	P	$\varphi(P)$	$F(P)$
1896	60,3	0,03509	0,02992
1899	71,6	0,02339	0,02519
1904	82,6	0,01850	0,02179
1905	87,7	0,02370	0,02067
1906	93,2	0,01200	0,01965

Άεάα 4
ΕΙ ΟΑΕΕΑΕΟ ΟΕΕΙ ΝΙ ΟΕΕ Ε ΟΕΕΙ ΝΙ ΟΕΒ ΕΙ ΟΑΕΕΑΕΟΑ

Лишь осел без собственного мненья
двигался куда-то в самоцель,
проникая, словно откровенье,
в темную невидимую щель

С.А. Кутолин. Осел. Из сб. "Белая лошадь". 1984

Интеллект как триединство *PGL*-системы [27], т.е. психологии (*P*), гносеологии (*G*), логики (*L*), определяет направленность личности, ее способность решать задачи узнавания, понимания, познания, уразумения.

В отличие от факта (например: Лев Толстой родился в 1828 г.) истина гносеологически осмысливается, постигается интеллектуальной системой (*J*-системой) индивидуальности и становится достоянием философии в целом, т.е. интеллекта философии. Это существенно отличает целое — интеллект философии от частного — философии интеллекта, порождающей мировоззрение личности и формирующей “фейс” — лицо интеллекта философии. **В** этом смысле философия интеллекта более “красочна”, обладает, так сказать, большей палитрой звуков, в том числе и фальшивых, в отличие от пространства интеллекта философии, система которого более гармонизирована, но менее индивидуальна. Принимая во внимание интеллект философии (**ИФ**) как целое и философию интеллекта (**ФИ**) как частное, порождающее в конце концов это целое, требуется указать границы равномошности этих категорий, условия их тождественности, т.е. количественно и качественно разграничить эти категории. **Язык** философии, оперируя, вообще говоря, более или менее четкими множествами, в отличие от языка математики, где границы четких и нечетких множеств определены строго, обладает, в конечном счете, тем преимуществом, что осознание явления происходит на уровне осмысливания и мышления, т.е. собственно языка, в то время как язык математики, язык символов, язык образов как геометрических сущностей, естественно, более ригористичен, но менее тавтологичен. Поэтому вопрос может быть поставлен и в такой плоскости: как семиотически рождаются **ИФ** и **ФИ**? Если тавтология в языке порождает язык художественных, по-

этических образов, придавая им своеобразную насыщенную окраску, а ригоризм языка характеризует бескомпромиссность и дискурсивность, то первое и второе приближает нас к пониманию сложного через взаимодействие целого и его частей, т.е. пониманию истины. **И** в этом смысле истина **ИФ** уже не имеет цены, так как она может быть разъяснена, например, квалифицированным лектором, знакомым с контекстом текста антологии мировой философии [45]. Наоборот, **ФИ** всегда имеет цену, соответствующую спросу. **ФИ** как временно-пространственный пласт личности есть не только часть целого — **ИФ**. Это и несомненная часть науки, искусства и литературы. **И** здесь, помимо побуждающих причин работы интеллекта как направленности личности в плане познания и разумения, творческий энтузиазм как существенная часть модели интеллекта [37] в процессе поиска истины совершает “колебания” между состояниями приближения к истине (не имеющей цены) и состояниями, возможно, далекими от истины (например, выяснение причин дуэли Пушкина, убийства Моцарта Сальери), но приобретающими в искусстве и литературе не только цену, но и стоимость. Сколько стоят научные труды Эйнштейна? Они ничего не стоят. С ними можно ознакомиться в любой научно-технической библиотеке. Стоимость же определяется тем секретом философии интеллекта, который несет открытие и востребуется обществом в форме материальной ценности или развлечения, наслаждения и т.д.

В качестве “гистологии” — клеточного среза интеллекта философии (**ИФ**) как философии интеллекта (**ФИ**) может служить классический труд А. Швейцера в области музыкального творчества **И.С. Баха**. Триединство психологии, гносеологии и логики в анализе творчества музыканта достигается путем рассмотрения музыкальной деятельности через призму философии, призму художника, призму поэта. **И** тогда творчество **И.С. Баха** предстает перед нами как творчество: философа-музыканта (**ФМ**), художника-музыканта (**ХМ**), поэта-музыканта (**ПМ**).

Это означает, что в семиотическом истолковании категории **Ф**, **Х**, **П** по отношению к категории **М** имеют смысл операторов. Очевидно, что такое утверждение является и необходимым, и достаточным, а перемещение в ряду категорий: **ФМ** ↔ **ХМ** ↔ **ПМ**

оказывается не просто замкнутым, но характеризует собой цикл, переход между “вершинами которого сопровождается и качественным смещением категории “музыкант” от цикла (ФМ, ХМ, ПМ) к циклу. В рамках закона достаточного основания при переходе одного цикла к другому такая интеллектуальная система (J-система) в целом не может не содержать частные составляющие цикла (ФМ, ХМ, ПМ), а именно: антиномию, парадокс (An), смысловые функциональные связи-парадигмы (Pd), критичность и самостоятельность мышления, т.е. интеллигентность (Jnt), в пределах самих циклов: ФМ, ХМ, ПМ. Такая J-система поддерживает равновесие циклов в форме творческого энтузиазма, как было показано в [37]. И только гипотетически остается полагать, что сам творческий энтузиазм, как несомненно реальная категория, черпается из резервуара духа человека, утверждаемого в добром расположении.

Приведенный пример из анализа творчества музыканта — лишь частный случай, который позволяет подойти к пониманию категорий ФИ и ИФ как семиотических сущностей. Обратившись к творчеству П.А. Флоренского в области философии культа [46], можно без всякой натяжки увидеть тот же метод операторного подхода, который используется А. Швейцером при анализе музыкального творчества И.С. Баха.

4.1. Ἦ Ἰ ἈΒΑΟἸ ΔΙ ΟἸ Ἰ ΑΟἸ Ἀ ΒΑΟἸ ἈΕἸΝἸ Ε

По существу, указанный путь анализа мирозерцания как метод рефлексии позволяет выявить смысл (в том числе и семиотический) самотождественности категорий ИФ и ФИ. Является ли равномошность ФИ и ИФ мерой интеллекта и в чем она заключается? В этом случае методология единства антиномии [32] как средство разрешения проблемных ситуаций может оказаться полезной и даже необходимой.

Анализ контекста текста антологии мировой философии свидетельствует: в ряду интеллекта философии (ИФ) Древности и Средневековья, эпохи Возрождения и ранних буржуазных революций, эпохи Просвещения, классического немецкого идеализма и т.д. категория ИФ, являясь вектором направленной способности к мыследательности (рефлексии) Ф, характеризует “смещение” этой способности ΔФ: “нус” — Платон; “энтелехия”

— Аристотель; “истинное бытие” — Плотин; “созерцание сущности Бога” — Ф. Аквинский; “наивысшая духовная сила” — Н. Кузанский; “внутренний художник” — Дж. Бруно; “фигуры фантазии” — Р. Декарт; “ассоциации идей” — Локк; “трансцендентальное единство апперцепции” — Кант; “дело – действие” — Фихте; “теоретический дух” — Гегель; “структура – качество” — О. Конт.

Смещение такой доминанты ($\Delta\Phi$) в некоторой совокупности мирозерцаний приводит к пониманию феноменологической сущности семиотики категории **ИФ**, где $\mathbf{ИФ} = \Sigma\Delta\Phi = \int d\Phi$.

Не исключено, что именно такой метод привел Лейбница как философа к открытию интегрального исчисления. **ИФ** определяет направленность мысли путем смещения изначальной оценки в координатах логики, гносеологии, психологии, т.е. в координатах *PGL–J*-системы. **В** условиях самоидентичности это и составляет отличие **ИФ** от **ФИ**.

Творчество К. Маркса и Д. Дешана [47] отличают и временной, и пространственный, и интеллектуальный подходы к философии. Но оба они независимо — творцы диалектического материализма. Можно усмотреть сущностные различия в учении Канта, Гегеля, неокантианцев и неогегельянцев. Семиотически такое пространство, как “философское пространство” с вектором Φ в координатах: $x(+\text{Маркс}; -\text{Дешан}); y(+\text{Кант}; -\text{неокантианцы}); z(+\text{Гегель}; -\text{неогегельянцы})$, — позволяет определить философию интеллекта (**ФИ**) как дивергенцию, расходимость вектора философии Φ : $\mathbf{ФИ} = \text{div}\Phi$. Любопытно отметить, что в “философии культа” П.А. Флоренский рассматривает многообразие философских пространств как средство для построения умозаключения [46], т.е. получения нового знания.

Для Шеллинга философия тождества субъекта и объекта фактически означает тождество интеллекта философии и философии интеллекта. Этот путь ведет к иррационалистическому пониманию интеллекта. Действительно, из семиотических правил для **ИФ** и **ФИ** в силу их тождества “машина философии”, управляемая оператором интеллекта “разрывается” дивергенцией вектора

философии. Поэтому для “поддержания” тождества интеллекту требуется мифологизирующая сила откровения.

В случае равнозначности категорий интеллекта философии и философии интеллекта, т.е. условия **ИФ** = **ФИ**, получаем семиотическое определение интеллекта в форме оператора: **И** = **ФИФ**⁻¹ = **спигИ**. Мерой интеллекта является его след в философии — таков вывод полученного семиотического правила для условия равнозначности **ИФ** и **ФИ**. Более того, в случае равнозначности **ИФ** и **ФИ** оператор интеллекта управляет “машиной философии”, структура которой как философское поле дивергенции есть часть (по определению интеллекта) *PGL*-*J*-системы. Поэтому, если психика формирует это поле, то оно, по крайней мере, находится в плоскости гносеологии — *G* и логики — *L*. В результате на логические структуры накладывается последовательность операций в преобразовании формы и образа предмета познания. В этом случае гносеологическая плоскость включает эффект опережения (инсайт-эффект) в сфере узнавания, познания, узнавания путем перебора аналогий, ассоциаций, включения в сферу опознания антиномий и парадоксов. Тождество **ИФ** и **ФИ** ведет к иррациональной, мифологизирующей сущности интеллекта, имеет непреходящее значение в поэзии, литературе, искусстве, где поиск истины, мифологизируясь, способен своей неповторимостью увлекать и даже гипнотизировать личность. Однако такое тождество непригодно для поиска истины путем познания и узнавания, например, в науке. Поэтому в научных исследованиях **ИФ** и **ФИ** следует рассматривать как самотождественные и неравные сущности. В этих случаях интеллект играет роль оператора “машины философии” в **ИФ** или оператора поля дивергенции философии, когда речь идет о философии интеллекта. В настоящее же время метрологический аспект оценки интеллекта личности усматривается в условии равнозначности **ИФ** и **ФИ**, т.е. в фиксации теми или иными путями “следов” интеллекта, а не тождественной совокупности **ИФ** или **ФИ**. Более того, совершенно очевидно, что простая прагматическая оценка интеллекта, как и различные оценки интеллекта по методикам бихевиоризма, т.е. с точки зрения истины, оказывается менее сложной, чем суть самой проблемы с точки зрения рассмотрения категорий **ИФ** и **ФИ**.

Можно указать на примечательный факт в области эстетики, когда польза (соединение зубьев в гребень с помощью бечевы) уступает место, т.е. смещается, заменяется удовольствием — изображением волнистой линии, имитирующей бечеву [48]. На примере “гребня” принципы операторного метода рефлексии оказываются соотношенными в определении сущности категорий **ИФ** и **ФИ**, но и пригодны, возможно, для формализации категорий эстетики, предшествующих творческому энтузиазму. Можно показать, что рефлексивный операторный метод может быть использован, например, для априорного анализа весьма сложных и разнородных, казалось бы, по своему содержанию механизмов, например, стабилизации социальной, социально-экономической обстановки в городе, если имеется ориентировочный “сценарий” такой обстановки. Таким образом, операторный метод рефлексии следует рассматривать как форму когнитивного мышления, где “модель мира” в каждом отдельном случае преломляется в “зеркале” философии интеллекта как частного и интеллекта философии как целого.

4.2. Ἰ ἄδῶαί ἔςῃ ἢ ἰ ῥί αἰ ἔβ ἑαἒ ὀόί ἑὸἔτ ἰ ἁἔῦί ὕἑ ἁἄςῶἄςῃ ἄῦ ὕἑ ῥᾶὸἑἄἑἢἑἄί ὕἑ ἑἰ ἄ (ἢἑί ῥᾶὸἑἄἑἢἑἔβ)

Сознание человека, как и осознание человеком явления и самого себя, было и остается притягательным для анализа психологов, философов, естественников.

Не обольщаясь, можно утверждать, что анализ механизма сознания (даже получаемый в форме заблуждения) интересен тем, что такая форма заблуждения может быть уподоблена иррациональному числу π , которое абсолютно необходимо для вычисления площади и длины круга, но не может быть вычислено абсолютно точно.

Существующие концепции сознания Ж. Пиаже [14], в которых оно рассматривается как становление интеллекта, форм и структур его организации, квантово-волновые теории мозга [49] и сознания [50], поиск квантовых концепций физических оснований сознания [23] обладают, на наш взгляд, или чрезмерным структурализмом, или, по своей сути, запрещают неперенный элемент сознания — дискурсию, так как в фундаменте квантовой механики лежит принцип неопределенности Гей-

зенберга. Поэтому оказывается, что одна из важнейших форм проявления сознания – дискурсия, логика есть неопределенность, т.к. логическое, дискурсивное мышление запрещено законами квантовой механики.

В работах [36, 51] показано, что категории интеллектуальной модели (КИМ) и физико-математические категории (ФМК) имеют взаимно-однозначное соответствие. И, следовательно, структурные, функциональные, генетические связи, рефлексия интеллектуальной модели и физико-математические категории (информация, энтропия, операторы, теория множеств алгоритмов, отрицательная энтропия) есть взаимно-однозначные формы осознания действительности и различаются лишь в рамках семиотических границ, но не своей природой осознания. Это примечательный факт.

Поэтому возникает вопрос: как возможно сознание? В чем состоит механизм его стабильного существования во времени? Это далеко не тривиальный вопрос. И с позиций термодинамики еще Н.И. Кобозев [22] справедливо указывал на парадоксальность мыслительной (дискурсивной, логической) продукции мозга, гистологическая сложность которого, обладая громадной энтропией при обычной температуре, должна была бы продуцировать бред.

Не только материальная, но и идеальная сущность сознания могут быть основой для разьяснения механизма его работы. Для этого воспользуемся категорией интеллектуальной модели (КИМ) – рефлексией, которая в физико-математических категориях (ФМК) соответствует отрицательной энтропии, характеризующей самопроизвольную работу мозга. Естественно, что такая самопроизвольная работа может быть реализована в дискурсии, т.е. сознательной работе мозга (имеет место самоотождествление), и подсознательной работе мозга (самоотождествление отсутствует, закон достаточного основания подразумевается). Отсюда: сознательное и подсознательное не может быть выведено за пределы рефлексии. Отделение механизма сознания от механизма подсознания должно, естественно, осуществляться с помощью “языка” рефлексии, который назовем синрефлексией. И здесь “сингония”, “синэргетика” как подобие в усложнении формы кристаллов или подобие в способе выделения работы и тепла как проявления

энергии разъясняют нетривиально смысл этой, впервые вводимой, категории.

Взаимно-однозначное соответствие ФМК и КИМ фактически свидетельствует о том, что гносеологическое, физическое, математическое, т.е. семиотическое, истолкование категорий может быть осознано в форме дискурсии и выделено в форме сознания из синрефлексии. Следовательно, синрефлексия как совокупность сознательного и подсознательного, соединенных по неизвестным, но достаточно общим правилам (сингония, синэргетика), есть совокупность, говоря языком математики, алгоритмируемых, неалгоритмируемых множеств чисел, изменяющихся в дискретном и непрерывном времени (цепи Маркова). В физике такое сознательное и подсознательное (хаотическое) состояния соответствуют решениям уравнений Фоккера – Планка, частными случаями которых являются законы Гаусса, Пуассона, описывающие тексты со “стертой” семантикой (лингвистическая диагностика душевных заболеваний), или кривые логнормальных распределений, несущих при диагностике лингвистических текстов смысловую и эмоционально-выделительную нагрузки.

Таким образом, особенностью синрефлексии является способность формировать функциональный безразмерный код для выделения сознательного и подсознательного состояний. В форме каких единиц может быть реализован такой код? Является он алгоритмируемым или неалгоритмируемым? Реализовываться он может скорее всего в силу взаимнооднозначности КИМ и ФМК в форме безразмерной совокупности чисел, в том числе и натурального ряда (пример неалгоритмируемого множества). В этом смысле гистологическая сложность нейронной сети и принципы ее работы, включая физико-химические особенности работы мозга [52–54], свидетельствуют об оперативной способности ее взаимодействовать со счетным множеством чисел, безразмерная природа которых только относительным образом связана с эффективным зарядом, массой частиц-носителей, их концентрацией и способом накопления информации [22, 55–57].

Такая безразмерная форма операций с числами допускает в синрефлексии возможность не только количественной, но и качественной интерпретации числа с точки зрения его “окраски”,

“запах” и пр. Это тем более естественно, что “мертвые” теории квантовой физики для интерпретации сильных взаимодействий должны вводить соответствующие значения квантовых чисел: “цветность”, “шарм” и т.п. Результат операций с такими безразмерными импульсами-числами в функциональном коде порождает образ, явление, которые воспринимаются как реальность и не отличаются однозначностью в той мере, в какой имеет место флуктуация числового множества.

Итак, особенности синрефлексии:

1) оперирует безразмерным цифровым рядом, отождествляемым с “окраской”, “рельефом”, “запахом” и другими характеристиками образа явления;

2) путем анализа с помощью функционального безразмерного (алгоритмируемого, неалгоритмируемого) кода и диагностики на стертость или смысловую, эмоционально-выделительную нагрузку семантики “расщепляет” образ явления на сознательные, подсознательные и смешанные состояния;

3) дискурсивной памятью удерживаются только сознательные проявления;

4) подсознательные или смешанные состояния проявляются или в области бреда, или несут эмоционально-выделительную нагрузку со стертой дискурсией, логикой сознания;

5) соответствующие числовые множества апробируются кодами (гауссовское, пуассоновское, логнормальное распределения) в динамике их изменения во времени на принадлежность явления к сознательным, подсознательным или состояниям смешанной этиологии.

Операторный метод рефлексии может быть использован для анализа и конкретизации, казалось бы, неразрешимых с точки зрения числа неизвестных параметров задач, которые имеют уже не абстрактное, а весьма конкретное приложение, например, в области социальной экономики в общественной жизни, и установки философии интеллекта могут оказывать практическую пользу в упорядочении сфер общественной жизни.

4.3. ΝΟΘΟΕΘΘΘΓΙ Τ -ΥΓ ΘΘΓ Ι ΕΕΓ ΟΕ Ι ΑΟΓ Α ΥΕΝΙ ΑΘΟΓ ΟΟΓ ΟΑΓ Ι Ε ΝΟΑΑΕΕΕΕΣΑΟΕΕ ΝΙ ΟΕΑΕΥΓ Ι Ε Ε ΝΙ ΟΕΑΕΥΓ Ι -ΥΕΓ Ι Τ Ι Ε ×ΑΝΕΓ Ε Ι ΑΝΟΑΓ Ι ΑΕΕ ΑΓ ΘΓ ΑΑ Α ΟΓ ΘΓ Α ΕΓ ΘΒΑΕΒΘΕΕ

Предложенный Научно-техническим центром исполкома Новосибирского горсовета прогнозный сценарий “стабилизации социальной и социально-экономической обстановки в городе” содержит 9 разделов, характеризующих отдельные социальные и социально-экономические моменты в общей схеме прогнозов, каждый из которых включает около 18 сфер общественной жизни. Фактически эксперту предлагается составить “свой вероятный с его точки зрения” сценарий развития событий. При этом он стоит перед решением задачи об условиях стабильности обстановки в городе, задачи, в которой $9 \cdot 18 = 162$ неизвестных и ничем не ограниченных параметра! Есть над чем задуматься. Область для фантазии действительно велика. Поэтому, если и существует какой-либо рациональный метод решения такой архипараметрической задачи, то он должен:

а) дать обоснованные приемы сокращения числа разделов общей схемы прогнозного сценария (свертка графа; см. подраздел 4.3.1);

б) найти необходимую и достаточную, т.е. лимитирующую, стадию социальных и социально-экономических реакций прогнозного сценария, стадию, обеспечивающую по крайней мере стабильность обстановки города (СОГ), т.е. “отдаление призрака нищеты” в сферах общественной жизни;

в) учитывая то обстоятельство, что лимитирующая стадия социальных и социально-экономических реакций города должна обеспечивать СОГ, т.е. частный коэффициент корреляции модели (ЧККМ) должен быть равен или слабо отличаться от единицы, найти коэффициенты корреляции модели (ККМ) разделов прогнозного сценария;

г) от оценки ККМ разделов прогнозного сценария перейти к выделению лимитирующих реакций сфер общественной жизни в городе методами а, б, оценивая методом (в ККМ) для социальных и социально-экономических реакций.

Получаемый в результате операций а–г прогнозный сценарий СОГ должен привести к созданию управляемого баланса социальных и социально-экономических реакций общественных

сфер жизни города и дать количественную оценку в форме ККМ, на выполнение которого должна быть ориентирована деятельность городского управления, ответственная за совершенствование различных сфер общественной жизни.

4.3.1. Социальные, социально-экономические реакции и баланс прогнозного сценария стабилизации обстановки города (СОГ)

Общая схема прогнозного сценария, предлагаемая Научно-техническим центром исполкома горсовета, имеет следующие разделы:

1. Сегодняшняя социальная и социально-экономическая обстановка в г. Новосибирске.
2. Наиболее вероятная обстановка в будущем.
3. Общественные силы города.
4. Ожидаемые в городе ключевые события.
5. Структурные изменения социальной и социально-экономической обстановки в городе.
6. Проблемы развития социальной и социально-экономической обстановки в городе.
7. Наиболее желательная конечная ситуация (на период времени упреждения или прогноза).
8. Управляющие воздействия по стабилизации социальной и социально-экономической обстановки в городе.
9. Внешние влияния на социальную и социально-экономическую обстановку в городе.

Естественно полагать, что разд. 1 и 2 сценария отвечают какому-то начальному (S) и конечному (P) состояниям социальной и социально-экономической обстановки города (ССЭОГ). Разд. 7 сценария, по существу, есть СОГ-стабильная обстановка города, частный коэффициент корреляции модели которой должен быть равен или близок единице. Решение задачи состоит в том, чтобы в балансе социальной и социально-экономической реакции (ССЭР), т.е. брутто-реакции

$$S + \Phi \Leftrightarrow \Phi' + P, \quad (4.1)$$

поддерживалось равновесие, обеспечивающее $ЧККМ = 1$, чем и достигается стабильность обстановки города (СОГ). Структурные изменения социальной и социально-экономической обстановки города (Φ), действуя на S , порождают ключевые события города (Φ') и определяют вероятную обстановку будущего (P).

Естественно полагать, что к брутто-реакции (4.1) приводит цепь **ССЭР**, из которых по крайней мере одна является необходимой и достаточной, т.е. лимитирующей СОГ с величиной $ЧККМ = 1$.

Пусть каждый из разделов прогнозного сценария, за исключением, естественно, разд. 1, 2, 7, оценивается стадиями S_1, S_2, \dots, S_6 и соответствующими величинами их **ССЭР** (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Раздел сценария	Стадия реакции	ССЭР
3	S_1	$S \leftrightarrow Pr$
4	S_2	$S \leftrightarrow \Phi'$
5	S_3	$S \leftrightarrow \Phi$
6	S_4	$\Phi \leftrightarrow \Phi'$
8	S_5	$S + \Phi \leftrightarrow \Phi' + Pr$
9	S_6	$\Phi' \leftrightarrow Pr$

Можно показать, что при шести стадиях $S_1 - S_6$ существует только десять простых механизмов, суммарный эффект которых есть брутто-реакция (4.1) и координатам вершин которых (α, β, γ) соответствует энтропия информации $H(\alpha, \beta, \gamma)$ в битах:

$$H(\alpha, \beta, \gamma) = -1,443 \Sigma \rho \ln \rho, \quad (4.2)$$

ρ для координат α, β, γ вершин принимает значения:

$$+1 \equiv 7/30; -1 \equiv 3/30; 2 \equiv 3/30; 0 \equiv 17/30.$$

Полученные результаты можно представить в виде табл. 4.2, где каждый простой механизм при сложении реакций $S_1 - S_6$ дает брутто-реакцию (4.1).

Таблица 4.2

№п/п	Координаты вершин ССЭР (α, β, γ)	Простой механизм ССЭР	Энтропия информации ССЭР, бит
1	0, -1, 0	$2S_1 - S_5$	1,2611
2	0, -1, 2	$2S_2 - S_5 + 2S_6$	1,1290
3	0, 0, -1	$2S_1 + S_3 - S_6$	1,2611
4	0, 0, 0	$S_1 + S_2 + S_3$	1,3933
5	0, 0, 1	$2S_2 + S_3 + S_6$	1,4189
6	0, 1, 0	$2S_2 + 2S_3 + S_6$	1,4189
7	1, 0, 0	$S_1 + S_4$	1,4189
8	1, 0, 1	$S_2 + S_4 + S_6$	1,4444
9	2, 0, 1	$-S_3 + 2S_4 + S_6$	1,2867
10	2, 1, 0	$2S_4 + S_5$	1,2867

Из таблицы ясно, что каждый из простых механизмов стадий $S_1 - S_6$ дает брутто-реакцию (4.1), для которой СОГ имеет ЧККМ = 1. Но максимум энтропии информации, отвечающей схеме ССЭР, приводящей к СОГ с ЧККМ = 1, соответствует только простому механизму: $S_2 + S_4 + S_6$ ($H = 1,444$). Следовательно, ука-

занный механизм является необходимым и достаточным для общей схемы прогнозного сценария и, по существу, включает для поддержания СОГ только разделы сценария 4, 6, 9.

4.3.2. Коэффициенты корреляции лимитирующего механизма схемы прогнозного сценария СОГ

Вместо множества социально-экономических реакций прогнозного сценария оказывается возможным оперировать только единственным простым механизмом для достижения СОГ: $S_2 + S_4 + S_6$. Это означает, что ожидаемые ключевые события города (разд. 4), проблемы развития социальной и социально-экономической обстановки города (разд. 6) и внешние влияния на социальную и социально-экономическую обстановку (разд. 9) являются необходимыми и достаточными для обеспечения стабильной обстановки в городе. Если частный коэффициент корреляции модели СОГ ЧККМ = 1, то это означает, что между СОГ и лимитирующим механизмом $S_2 + S_4 + S_6$, состав которого определяется стадиями реакции, существует линейная корреляционная зависимость, эмпирические коэффициенты корреляции которой могут быть рассчитаны, например, на **ПрМк-61** по простой программе:

$$\begin{aligned} & \text{П2 С/П ПЗ С/П П4 Пх3} \times \text{Пх2} \leftrightarrow - \text{Пх3 Fx}^2 \text{ 1} \leftrightarrow \\ & \leftrightarrow - \text{Пх4 Fx}^2 \text{ 1} \leftrightarrow - \text{х Fx}^{1/2} : \text{С/П БП 00, всего 26 шагов,} \end{aligned}$$

где **П2** = ККМ(S_2); **ПЗ** = ККМ(S_4); **П4** = ККМ(S_6) (**П2**, **СП**; **ПЗ**, **С/П**; **П4**, **С/П**).

Расчет показывает, что ККМ(S_2) = 0,9 для раздела сценария “Ожидаемые в городе ключевые события”; ККМ(S_4) = 0,6 для разд. 6 “Проблемы развития социальной и социально-экономической обстановки в городе”; ККМ(S_6) = 0,19 для разд. 9 “Внешние влияния на социальную и социально-экономическую обстановку в городе”. Для ККМ(S_2) = 0,9; ККМ(S_4) = 0,6; ККМ(S_6) = 0,19 частный коэффициент корреляции модели действительно равен 1,0007.

Тогда можно считать, что функциональная зависимость между СОГ, выражаемая ЧККМ = 1 и ККМ($S_2 + S_4 + S_6$), будет иметь простой вид:

$$\text{ККМ}(S_2 + S_4 + S_6) = \psi S_2 + \mu S_4 + \nu S_6. \quad (4.3)$$

И, полагая, что $\psi = \mu = \nu$, для известных $\text{ККМ}(S_2) = 0,9$, $\text{ККМ}(S_4) = 0,6$, $\text{ККМ}(S_6) = 0,19$ получаем из (4.3), что $\psi = \mu = \nu = 0,592$.

Для **ССЭР** лимитирующего механизма: $S_2 + S_4 + S_6 = S + \Phi \leftrightarrow \Phi' + Pr$. Поэтому можем написать систему соотношений для разделов сценария 4, 6, 9, лимитирующих **СОГ** в виде табл. 4.3.

Таблица 4.3

Раздел сценария	ССЭР	Стадия реакции	Расчет от величины S
4	$S \leftrightarrow \Phi'$	$0,9\psi$	$\Phi' = 0,9\psi/S$
6	$\Phi \leftrightarrow \Phi'$	$0,6\mu$	$\Phi = 0,6\mu S/0,9\psi$
9	$\Phi' \leftrightarrow Pr$	$0,19\nu$	$Pr = 0,19\nu S/0,9\psi$

Если брутто **ССЭР** (4.1) выразить результаты расчета параметров $\Phi' \leq \Phi \leq Pr$ через параметр S — начального состояния социальной и социально-экономической обстановки города (**ССЭОГ**), то получим решение уравнения относительно величины S :

$$\begin{aligned} S + \Phi &\leftrightarrow \Phi' + Pr, \\ S + 0,667S &= 0,221S + 0,533/S, \\ 1,446S^2 &= 0,533, \\ S &= 0,667 \end{aligned}$$

и рассчитаем величины $\Phi' = 0,878$; $\Phi = 0,405$; $Pr = 0,128$. Для брутто-реакции **ССЭР** (4.1) имеем с относительной ошибкой не более 6% равенства: $S + \Phi = 0,607 + 0,405 = 1,012$ и $\Phi' + Pr = 0,878 + 0,128 = 1,006$, что в рамках безусловного баланса **ССЭР** позволяет говорить о конкретном влиянии изменений социально-экономической обстановки города (Φ), ключевых событий города (Φ') на будущую обстановку (Pr) при условии сохранения **СОГ**. Следствием отклонения этих величин от расчетных будет дестабилизация обстановки города.

Итак, если известны величины **ККМ** (S_2 , S_4 , S_6) разделов сценария **СОГ**, то, рассматривая их по отношению к сферам деятельности города в качестве **ЧККМ**, можно изложенным структурно-энтропийным методом найти лимитирующие стадии сфер деятельности **ККМ**.

4.3.3. Лимитирующие ССЭР СОГ в рамках структурно-энтропийного метода и оценка коэффициентов корреляции сфер общественной жизни (СОЖ) города

Совокупность разд. 4, 6, 9 общей схемы прогнозного сценария является необходимым и достаточным средством достижения СОГ. Эта совокупность обладает коэффициентами корреляции модели, соответственно равными: 0,9; 0,6; 0,19.

В соответствии с изложенным структурно-энтропийным методом оценки лимитирующей стадии обеспечения СОГ можно утверждать, что для каждой из 18 сфер общественной жизни города (СОЖГ) можно выделить три совокупности по шесть ССЭР: $\lambda_1 - \lambda_6$; $\theta_1 - \theta_6$; $\eta_1 - \eta_6$, — каждая из которых приводит к десяти простым механизмам ССЭР СОЖГ. Лимитирующая стадия таких простых механизмов, отвечающих в конечном счете брутто-реакции (4.1), должна приводить к обеспечению СОГ в СОЖ и обладать максимумом энтропии информации. Поэтому по аналогии с лимитирующей стадией ССЭР для общей схемы прогнозного сценария $S_2 + S_4 + S_6$ в области СОЖГ необходимыми и достаточными условиями следует рассматривать только три лимитирующие стадии соответственно для разд. 4, 6, 9 сценария:

$$\lambda_2 + \lambda_4 + \lambda_6,$$

$$\theta_2 + \theta_4 + \theta_6,$$

$$\eta_2 + \eta_4 + \eta_6,$$

вычисляя для каждого из лимитирующих механизмов коэффициенты корреляции СОЖ.

Тогда для разд. 4 “Ожидаемые в городе ключевые события” получаем для лимитирующих стадий ССЭР СОЖ следующую совокупность ККМ:

λ_2 — финансово-экономическая сфера города, ККМ = 0,9;

λ_4 — трудовые ресурсы, ККМ = 0,5;

λ_6 — обеспечение города сельскохозяйственной продукцией, ККМ = 0,33.

Обобщенный коэффициент корреляции модели, вычисленный на основании уравнения (4.3), будет равен:

$$A^4(\lambda_2, \lambda_4, \lambda_6) = 0,9;$$

θ_2 — организация общественного питания, **ККМ** = 0,7;

θ_4 — строительство жилья и объектов соцкультбыта, **ККМ** = 0,8;

θ_6 — городской транспорт, **ККМ** = 0,67;

$$B^4(\theta_2, \theta_4, \theta_6) = 0,5;$$

η_2 — духовно-нравственная сфера и духовная жизнь города, **ККМ** = 0,5;

η_4 — проведение молодежной политики, **ККМ** = 0,5;

η_6 — охрана правопорядка и борьба с преступностью, **ККМ** = 0,5;

$$C^4(\eta_2, \eta_4, \eta_6) = 0,33.$$

Зная, что **ЧККМ** = 0,9 для разд. 4 общей схемы прогнозного сценария, можно сначала предсказать **ККМ** для лимитирующей стадии **ССЭР СОЖ**: $A^4 = 0,9$; $B^4 = 0,5$; $C^4 = 0,33$, а затем рассчитать **ККМ** и для отдельных стадий. Значения **ККМ** для лимитирующих стадий **СОЖ** являются в своей совокупности необходимыми и достаточными для поддержания **СОГ**, имеют форму закона и не зависят от общественной формации. Они должны рассматриваться как контрольные точки в оценке деятельности исполкома города или мэрии и могут быть формой контроля деятельности сфер общественной жизни, нарушение критериев которой ведет к неуправляемой обстановке в городе.

Для разд. 6 сценария “Проблемы развития социальной и социально-экономической обстановки в городе” получаем для лимитирующих стадий λ , θ , η **ССЭР СОЖ** следующую совокупность **ККМ**:

λ_2 — финансово-экономическая сфера города, **ККМ** = 0,7;

λ_4 — научно-техническая сфера города, **ККМ** = 0,4;

λ_6 — потребительский рынок города, **ККМ** = 0,18;

$$A^6(\lambda_2, \lambda_4, \lambda_6) = 0,7;$$

θ_2 — организация торговли продовольствием и товарами культурно-бытового назначения, **ККМ** = 0,7;

θ_4 — бытовое обслуживание населения города, **ККМ** = 0,6;

θ_6 — городское жилищно-коммунальное хозяйство, **ККМ** = 0,67;

$$B^6(\theta_2, \theta_4, \theta_6) = 0,5;$$

η_2 — здравоохранение и обеспечение лекарствами, ККМ = 0,7;
 η_4 — просвещение и образование в городе, ККМ = 0,6;
 η_6 — обеспечение жизненного уровня пенсионеров и инвалидов, ККМ = 0,67;

$$C^6(\eta_2, \eta_4, \eta_6) = 0,5.$$

Для разд. 6 общей схемы прогнозируемого сценария величина ЧККМ = 0,6. Поэтому расчетные величины лимитирующих механизмов ССЭР СОЖ для $A^6 = 0,7$; $B^6 = 0,5$; $C^6 = 0,5$. Это позволяет оценить предельные значения ККМ для стадий ССЭР СОЖ, которые соответствуют поддержанию СОГ. Как видно из результатов расчета, за исключением финансовых показателей, величины всех остальных стадий СОЖ города достаточно невелики, но в своей совокупности обеспечивают поддержание СОГ.

Лимитирующий СОГ разд. 9 общей схемы прогнозного сценария разработан достаточно слабо и при ЧККМ = 0,19 позволяет оценить $A^9 = 0,19$, когда лимитирующий механизм, соответственно, оценивается величинами ККМ для его стадий:

λ_2 — необходимость принятия решений, ККМ = 0,25;

λ_4 — принятие решений федеративного уровня, ККМ = 0,25;

λ_6 — принятие решений областного уровня, ККМ = 0,25.

Любопытно, что принятие законодательных актов федеративного уровня не является необходимым для поддержания СОГ, а следовательно, ответственность за предотвращение призрака нищеты, превратившегося в реальность, в значительной степени может быть отнесена к руководству области и города.

Полученные величины для ККМ лимитирующих механизмов СОЖ, задаваемых в форме сложных ССЭР и обозначаемых величинами A^4 , A^6 , A^9 , позволяют оценить общий коэффициент корреляции модели в системе А – ССЭР, обеспечивающей СОГ. Действительно, если $A^4 = 0,9$; $A^6 = 0,5$; $A^9 = 0,19$, то $A^{4-6-9} = 1,0939$, что, естественно, соответствует СОГ, для которой эта величина равна 1,0 и отличается от расчетной по предложенному методу всего на 9,39% отн. ошибки. Соответственно, оценка величины ОККМ для B^{4-6-9} указанными методами при условии допущения в расчетах значения только величины $\theta_2 = 0,25$ и усло-

вия $\theta = \eta = 0$ для остальных случаев задачи позволяет получить погрешность порядка 1,5% отн. ошибки и приводит к величине $\text{ОККМ} = 0,577 \dots 0,586$. Для оценки величин C^{4-6-9} условий сценария $\text{ОККМ} = 0,381 \dots 0,483$, что составляет 21% отн. ошибки. Это тоже не особенно велико по сравнению с числом неизвестных параметров решаемого “сценария”.

Полученные результаты экспертных оценок сценария стабилизации социальной и социально-экономической обстановки структурно-энтропийным методом в форме коэффициентов корреляции позволяют использовать их для контроля деятельности подразделений, ответственных за различные сферы общественной жизни города. Контроль совокупности коэффициентов корреляции модели и ее лимитирующих социальных, социально-экономических реакций в городе может служить средством, поддерживающим стабильность обстановки в городе. Конечно же, все эти решения имеют смысл только в том случае, если “силы плутократии” не являются основой для создания дополнительных социально-экономических реакций (ССЭР), изменяющих сам ход “сценария”.

По существу изложенный метод есть пример прогнозной реакции интеллекта, которая является следствием развития во времени структурной топологии идей и информации в условиях, когда сама информация содержит значительное число неизвестных параметров [58].

Полученные результаты в области ССЭР СОЖ можно сравнить с экспериментальными, приводимыми, например, на научно-практической конференции “Социальная защита населения в условиях рыночной экономики”, состоявшейся в г. Новосибирске 29 мая 1991 г. Так, потребительский рынок города, по данным теории, имеет $\text{ККМ} = 0,18$ в условиях СОГ. По данным докладчика Л.М. Рувинской, эти величины для сферы города, где выделены группы лиц социально слабо, средне, хорошо обеспеченных, соответственно, составили: $383/1017 = 0,38$; $741/1372 = 0,54$; $761/2332 = 0,33$ (стоимость продуктовой корзины до повышения цен в числителе, в знаменателе — относительные цены после повышения в руб.). Наблюдаемые величины больше минимального значения ККМ СОГ в СОЖ (0,18).

Организация торговли продовольствием и товарами культурно-бытового назначения имеет $ККМ = 0,7$. По данным докладчика В.А. Федорова, эта величина, например, по картофелю и мясу выше критической, т.е. равна $0,8-0,82$, но ниже граничного значения по трикотажу — $0,61-0,52$ по сравнению с данными предыдущего года.

Приведенные примеры свидетельствуют о пригодности разработанной схемы расчета для оценок социальной обстановки сфер общественной жизни, а сама философия интеллекта “как реальный идеализм” может служить примером исключительного многообразия форм его приложения для решения вполне конкретных и весьма абстрактных задач, в которых целое и частное проявляются как единство противоположностей.

Àèàà 5

È Í ÒÀÈÈÀÈÒÓÀÈÛ ÍÀ Í ÑÌ ÀÒÈÒÒ
È ÈÍ ÒÀÈÈÀÈÒÓÀÈÛ ÒÈ ÑÛÍ Í È

Как тоскливо мне в палевых тенях
Белых саванов бледных берез,
Видишь, тянутся души растений
Одолеть безнадежности грез,
Чтобы сини туманов и хмари
Дали путь тем, кто в жизни устали.

С.А. Кутюлин. Осенний ритм. Сб. "Дождь сонетов". 1986

Формирование социоэнтропических групп (СЭГ) как творческий способ выживания [59] предусматривает существование “интеллектуального продукта” и “интеллектуального рынка” того социокультурного развития общества, которым определяются состояние, динамика взаимоотношений членов общества не только в плане реализации имитационно-игровой модели по типу: товар – деньги – товар, но и в плане выживания СЭГ по типу: интеллектуальный продукт – товар – деньги – товар. Становится совершенно ясно, что социокультурное развитие общества, где имеет место гармоническое развитие и социальных, и культурных отношений взаимодействия членов общества, подразумевает далеко не чисто потребительское отношение к интеллекту. Иначе и быть не может. Картина как произведение искусства (Дюрер, Гейнсборо, Ренуар) не только товар, и даже не столько

товар, сколько чистый интеллектуальный продукт, отражающий интеллект автора, т.е. его критичность и самостоятельность мышления в понимании не факта-объекта изображения, но осмысливания истины как прекрасного, овеществленного в картине. **И** если истина проявляется в прекрасном, то это, разумеется, не значит, что она не может появиться в одеждах, далеко не приличных для моралистов (Бодлер “Цветы зла”, Лоренс “Любовник леди Чаттерлей”). Единство психологии, гносеологии и логики в этом случае, определяемое как интеллект, содержится в *продукте интеллекта*. **Продукт** интеллекта еще не товар. **План** изобретения телевизора — еще не продукт в форме товара, но это уже продукт рефлексии, т.е. мыследеятельности, и смысловых связей в решении проблемных ситуаций, т.е. парадигм.

Оборотная сторона медали в процессе создания товара в отличие от интеллектуального продукта обычно заключается в недостаточной *интенсивности* труда. Для интеллектуального продукта характерно практически отсутствие недостаточности интенсивности и умышленной вялости труда. **Интеллектуальный** продукт зачастую обладает недостатком практической “красивости”, т.е. того, что критикует, например, ленинизм: “**Не** будьте поэтом, говоря о социализме! ... **Например**, нам ничего не стоит выпалить, что через 5–6 лет у нас будет полный социализм, полный коммунизм, полное равенство и уничтожение классов. Услышав такую болтовню, не стесняйтесь вопить и кричать: “Друг мой, Аркадий **Николаевич**, не говори бессмыслицы!”... Давая волю языку, я тоже могу ляпнуть, что в самом непродолжительном времени, даже меньше десяти лет, мы войдем в царство коммунизма. **Не** стесняйтесь и в этом случае, хватайте меня за фалды, из всей силы кричите: “**О**, друг мой Аркадий, об одном прошу, не говори так красиво”. (Валентинов **Н.** Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. **М.:** Современник, 1991. **С.** 275.) **В** ряде случаев такая “красивость” может являться и является политическим “товаром”: “**Но** вот наконец воцаряется косоглазый, картавый, лысый сифилитик Ленин, начинается та эпоха, о которой Горький незадолго до своей насильственной смерти брякнул: “**Мы** в стране, освещенной гением **Владимира Ильича** Ленина, в стране, где не-

утомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина!” (Бунин И. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 277–278.)

Итак, интеллектуальный продукт еще не вещь, не товар, но уже овеществленная рефлексия, парадигма, самостоятельность и критичность мышления автора, т.е. его интеллигентность. Овеществляя себя в продукте своего мыслительного труда, интеллектуал ошибочно принимает продукт своей рефлексии за товар и желает обменять его на денежный эквивалент. По-видимому, здесь имеет место *первая антиномия*, заключающаяся в парадоксе между возможностями творчества и намерениями потребителя. Потребитель еще не готов купить продукт интеллекта, поскольку это еще не товар, отвечающий требованиям потребителя. Интеллектуал намерен продать свой интеллектуальный продукт, который пока не товар, но уже продукт рефлексии интеллекта. Поэтому спрос на интеллектуальный продукт на рынке товара может быть ничтожен, а в этом случае интеллектуальный рынок может быть перенасыщен предложениями продуктов рефлексии интеллекта. Это всенепременное и даже необходимое явление составляет *вторую антиномию*, заключающуюся в том, что интеллектуальный продукт *опережает* рынок вещного продукта, т.е. товара, и спрос на продукт интеллекта. Однако в силу рефлексивности мышления и триединства интеллекта (психология, гносеология, логика), приводящих к опережению синтеза интеллектуального продукта в имитационно-игровой модели: интеллектуальный продукт – товар – деньги, в силу такого естественного по своей природе опережения интеллект обречен в том смысле, что продукт интеллекта востребуется в качестве товара потребителем и превращается в *деньги как экскремент интеллектуального труда, как отброс интеллектуального продукта* в том и только том смысле, что рефлексия как мыследеятельность ко времени востребования интеллектуального продукта в качестве товара, за который платят деньги, занимается как раз уже другими проблемами, другой интеллектуальной продукцией, за которую деньги еще не платят или неизвестно, когда заплатят. Это составляет смысл *третьей антиномии* в проблемах организации “сбыта” интеллектуальных продуктов.

Интеллектуальная система как система, стремящаяся к идеалу, совершенству, т.е. воображаемому состоянию или качеству, и характеризующаяся интеллигентностью, что значит критичностью и самостоятельностью мышления, переносит на продукт интеллекта свои научные качества, т.е. стремление к правде, этико-моральные функции, т.е. стремление к добру, свои эстетические функции, т.е. стремление к красоте. Отсюда творческое, героическое настроение, состояние расслабления или вдохновения, отсюда жертвенность, мудрость и цивилизованность интеллекта.

Все три указанные формы антиномий, составляющие проблему организации “сбыта” интеллектуальных продуктов, могут быть поняты в рамках единства антиномии [32] как их динамическое взаимодействие, где парадокс творчества интеллекта и потребителя (первая антиномия), опережение рефлексии в создании интеллектуального продукта, еще не являющегося товаром (вторая антиномия), и, наконец, появление на рынке товаров продукта интеллекта как товара, воспринимаемого по его стоимости и представляемого самим интеллектом уже как его экскремент (третья антиномия), есть не что иное, как взаимопроникающие сущности сбыта интеллектуального продукта. **И** только в этом смысле можно утверждать, что наука на рынке товарной продукции никому не нужна, потому что товарный рынок потребляет не продукты интеллекта, а экскременты науки как овеществленного интеллекта.

Для творца интеллекта созданный им продукт дорог как миф, т.е. форма освоения мира, обобщающая в продукте множественные конкретности интеллектуальной жизни вообще. **А. Ф. Лосеву** дорого стоило напечатание своих книг 20-х годов. **Ведь** он вынужден был молчать 23 года, работая в “стол”, но преподавать не переставал (**А. Ф. Лосев и культура XX века. М.: Наука, 1991**).

Таким образом, мы убеждаемся, что продукт интеллектуального труда, не востребованный даже в течение длительного времени, не теряет своей ценности по существу. **Опережая** свое время, он остается “молодым”.

Только в условиях обостренной конкурентной борьбы на товарно-денежном рынке, где оперируют крупной прибылью,

или в условиях инфляции, когда необходимо надежно вложить деньги, появляется стремление оперативно потреблять интеллектуальный продукт, так как потребитель интуитивно понимает, что финансово-экономические отношения, характеризующие мерой выживания [59], эффективно могут быть рассчитаны, т.е. с опережением, носителями интеллекта и создателями интеллектуального продукта.

Интеллектуальный продукт, как и товар, как бумажные и золотые деньги, не может быть создан из ничего. Скорее всего, золото и интеллектуальный продукт, а не бумажные деньги и товар, сравнимы между собой по равномогности. Почему? Да потому, что они не теряют ценности во времени своего оборота, являются приданым в значимости характеристики личности. Значимость такого приданого общеизвестна в истории Русского государства. Она, например, выражалась в борьбе интеллектуалов-нестяжателей типа Нила Сорского и сторонников Иосифа Волоцкого. Разве интеллектуальный продукт Георга Эберса, как египтолога, в форме его экскремента — романа “Уарда” не представляет собой товар в денежном выражении? Ведь это произведение переиздается на различных языках и пользуется спросом у поколений. А “Три мушкетера” А. Дюма! Список может быть продолжен. Такой эквивалент интеллектуального продукта в полном смысле есть золото.

Носитель интеллектуального продукта, а точнее его создатель, в силу своей рефлексивности имеет возможность воспользоваться механизмом сознания как функциональным безразмерным рефлексивным кодом, т.е. *синрефлексией* [60], с целью упрощения и, если хотите, приспособления интеллектуального продукта к задачам рынка товаров и особенностям поведения носителей денежных знаков. Здесь можно не без основания утверждать, что создание и построение различных банков и бирж интеллектуального труда имеет смысл лишь в том и постольку, поскольку экскременты интеллектуального труда — научные исследования могут найти кратчайший путь к потребителю как носителю дензнаков, понимающему целесообразность их вложения в интеллектуальный продукт, еще не являющийся товаром на рынке. Поскольку эта ситуация тре-

бует в том числе и условия необходимости и достаточности вхождения в смысл возможностей интеллектуального продукта самим потребителем, то становится ясно, что не только биржи и банки могут не собрать сколько-нибудь значительного числа потребителей, но и выставки-продажи интеллектуального продукта могут быть обречены на процедуру самоубеждения и самообольщения, в которой потребителю — носителю дензнаков просто нет места. **Вот почему в стыковке этих разноименных полюсов, которые обладают тем странным свойством, что вовсе не всегда должны притягиваться,** должно иметь место взаимно-однозначное влечение между интеллектом философии и философией интеллекта носителей интеллектуального продукта и потребителем этого продукта [51].

Действительно, зачастую, если не сами предприниматели, то, по крайней мере, их потомки, в конечном счете, становятся носителями и создателями интеллектуального продукта, если не в очередном поколении, то через поколение, несмотря на сложности быстро текущего времени. **И** не поэтому ли потомки елисеевых, морозовых и пр. предпринимателей даже после жесточайших форм экспроприаций, как явствует из газет и телевизионных сообщений, оказываются носителями и создателями интеллектуальных продуктов? Мысль о вечном возвращении — это высшая форма утверждения, как полагал **Ф. Ницше**, для которого идея сверхчеловека в лучшем смысле и понимании этого слова является путеводной интеллектуальной звездой. **И** в этом смысле идея сверхчеловека у **В.С. Соловьева** как действительного победителя смерти и “первенца из мертвых” содержит своего рода “примат” идеи интеллектуального продукта перед идеей овеществленного золота. Этот “примат” позволяет отличить человека от животного, по крайней мере, в соловьевском смысле простым путем: “Ежели, значит, я — пес и ты, значит, пес, так у пса со псом какой же будет разговор?” Поэтому возникает практический вопрос о связующих формах взаимодействия носителей интеллекта и носителей денежных знаков, не взирая на те формы собственности, которые порождаются общественной системой.

Здесь возникает законный вопрос, **ЧТО**, если не биржа, рынок или выставка, не способные привлечь интерес потребителя, **ЧТО**

может быть первичным стимулом обращения взора потребителя на рынок интеллектуального труда? Это **ЧТО** может быть названо *научно-консультационным бюро (НКБ)*, которое должно обладать набором действенных функций, *сближающих автора интеллектуального продукта с его потребителем*. Можно указать несколько основных функций работы такого **НКБ**:

1. **НКБ** обрабатывает научную, научно-техническую, технологическую, техно-экономическую информацию и создает компьютерные модели экспертных оценок в этих областях, формирует модель спроса–предложения, технологического использования новых видов сырья, формирования безотходных технологий, технологий инновационного использования материалов смежных отраслей промышленности.

2. **НКБ** рекомендует потребителю поле деятельности, обеспечивающее прибыль, оценивая вероятность краха.

3. **НКБ** формирует творческий подход к решению поставленных задач, а при необходимости формулирует саму творческую задачу.

4. **НКБ** решает проблемные ситуации, содержащие в том числе противоречивые и даже взаимоисключающие решения, рекомендуемые различными экспертами.

5. **НКБ** рационализирует рыночные отношения путем модельного анализа движения цен.

6. **НКБ** защищает заявками на изобретение материалы своих аналитических исследований.

Указанная система функциональных правил **НКБ** по существу представляет собой комбинированную сложную дедукцию, которая может быть превращена в поливариантный практический результат. Здесь ситуация, конечно, несколько сложнее той дедукции, которая была использована Архимедом во время осады Сиракуз, когда он нашел способ уничтожения римских кораблей. По опыту Архимед владел техническим правилом, согласно которому можно произвести некоторое нагревание предмета, направив на него металлическим зеркалом отражение солнечных лучей. Другое, гораздо более общее техническое правило говорит, что, повторяя трудовые акты, можно получить умноженное количество продукта или вообще их результатов. Третье правило утверждает, что, увеличивая

нагревание деревянных предметов, можно достигнуть их возгорания. Связывая первое и третье правило посредством второго, Архимед заключил, что, направив отражения многих зеркал на один пункт деревянной стенки римского корабля, он его сожжет.

С помощью 150–200 зеркал дедукция была реализована и оказалась правильной. Создание интеллектуального продукта опирается на систему необходимых и достаточных правил, имеющих место в сложной дедукции, и правила 1–6 для **НКБ** являются примером сложной дедукции в создании интеллектуального продукта.

Перечень вопросов, которые являются содержанием работы **НКБ**, при желании может быть расширен или сужен. Но дело как раз в том, что из указанного перечня вытекает необходимость и достаточность работы выставок, бирж и банков *как следствие анализа ситуации членами “мозгового треста” НКБ*.

Тем не менее государственная система, хотим мы того или не хотим, оказывается тем точильным камнем, на котором затачивается лезвие интеллекта и, значит, интеллектуального продукта. Жить в государстве и быть свободным от государственной системы невозможно. Другое дело, что интеллект в отличие от вечного двигателя способен работать и в чрезвычайных условиях, не теряя присутствия духа и юмора. Вспомним создание, например, прекрасного романа **Р. Штильмарка “Наследник из Калькутты”**, написанного автором в сталинском лагере при покровительстве “пахана”. Увы, государственная система нашей **Родины**, и это следует честно признать, способна бюрократичаться независимо от характера общественного строя: “Между тем уже заметно обмеление рек, причина коего лежит в хищнической рубке деревьев вдоль их течения и в бессистемном сплаве леса. Но русские довольствуются пухлыми папками с оптимистическими отчетами и мало беспокоятся о постепенном оскудении важнейшего природного богатства страны. Их леса необъятны... в министерских департаментах. Разве этого недостаточно? Можно предвидеть, что настанет день, когда им придется топить печи ворохами бумаги, накопленными в недрах канцелярий. Это богатство, слава **Богу**, растет изо дня в день”. А ведь приведенное выска-

зывание сделано еще М.А. де Кюстином о николаевской России в 1839 г. Само по себе это пророчество, относящееся и к нашему времени, практически лишь свидетельствует о том, что интеллект, как и продукт его деятельности, в России является принципиально “свободным” в том смысле, что деятельность его в России всегда протекала и протекает в условиях лагерности, в условиях зоны. Это печальная реальность, и от нее некуда деться. Не поэтому ли столь свежо высказывание старца Силуана, подвизавшегося на Афоне в XX веке, сказавшего: “Держи ум свой в аду и не отчаивайся”. А старец знал, что говорил. Ведь он был в свое время русским солдатом первой империалистической войны. Итак, интеллект угнетается государственной системой, и притом любой и постольку, поскольку такая система обюрокчивается. И здесь уже применимы слова А. Жида, написанные им в книге “Возвращение из СССР”, прямо к интеллектуальному труду, хотя, казалось бы, касаются классового подхода: “Нам говорят: диктатура пролетариата. Мы все больше и больше разубеждаемся в этом. Все больше и больше утверждается диктатура бюрократии над пролетариатом ... Ведь невозможно ни стереть, ни утаить прошлое, и из-за невежества, на которое обрекли народы СССР, они беззащитны и беспомощны перед эпидемией мистики, способной возникнуть в любое время”. Чем большие сбои дает государственная машина в форме продукции бюрократов, тем сильнее тормозится сама суть возникновения интеллектуальной продукции, хотя интеллектуальная деятельность не прекращается и в лагерях ..., но эффект мистицизма, а не веры, пронизывает “ткань” интеллектуального продукта и разрушает ее.

Кажущаяся мистической оболочка интеллектуального продукта, хотим мы этого или нет, содержит своего рода религиозные установки. В своей работе “Карл Маркс как религиозный тип” С.Н. Булгаков пытается раскрыть “религиозную природу современного социализма”, анализируя интеллектуальный продукт – творчество К. Маркса: “Кто он? Что он представляет собой по своей религиозной природе? Какому Богу служил он своей жизнью? Какая любовь и какая ненависть зажигали душу этому человеку?” По мнению С.Н.

Булгакова, интеллектуальный продукт Маркса, т.е. его метод, “на самом деле лишь манера изложения выводов в форме диалектических противоречий, манера письма “под Гегеля”... Особый “диалектический метод” у Маркса есть, во всяком случае, чистое недоразумение ...”. Ситуация здесь, конечно, более сложная, чем представляет ее С.Н. Булгаков. Принцип создания человеком интеллектуального продукта по существу, нам кажется, более серьезно выражен К. Марксом в его указании на природу личного и общественного, как оси, вокруг которой развивается, кристаллизуется интеллектуальный продукт: “Лишь когда действительный индивидуальный человек вберет в себя (in sich zurucknimmt) абстрактного государственного гражданина и как индивидуальный человек в своем индивидуальном положении, в своем индивидуальном труде, в своей эмпирической жизни станет родовым существом, лишь когда человек свои forces progres познал и организовал как силы общественные и потому уже не отделяет общественных сил от себя в виде политической силы, — лишь тогда совершится человеческая эмансипация”. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С. 406.) Не является ли подобная установка той реальной бесконечностью, к которой, как к идеалу, стремится интеллект в процессе создания продукта своего труда и которая так же не реальна, как реален сам продукт интеллекта, в том числе и интеллектуальная эмансипация самого К. Маркса, столь конкретно выраженная в форме образа на серебряных рублях НЭПА 1924 г., когда рабочий предлагает крестьянину идти” туда не знаю куда ...”. Результат такой интеллектуальной эмансипации налицо — требование повышенной оплаты по мере снижения производительности труда.

СНГ как *содружество нищих господ* преднамеренно или непреднамеренно нарушает законы экономической географии ранее существовавшего сообщества под названием *советский народ* и уже только одним этим производит не реформу, но экономическую революцию.

Рынок научного труда в России всегда существовал, и не только при социализме, стремясь оценить этот труд по самой низкой, демпинговой цене, и прежде всего потому, что Россия никогда не заботилась о рынке такого труда. И в этом смысле

слова, сказанные в прошлом веке профессором химии **В. Марковниковым**, как нельзя лучше раскрывают положение дела: “Та нация, которая не заботится о своих научных и интеллектуальных кадрах, — не может быть названа цивилизованной”. Это очень грустно, но тем не менее нынешняя ситуация отвечает “правде” **В. Марковникова**.

Разъяснение смысла текущего момента экономической ситуации “свыше” трактуется как наступление “демократии и свободы”.

Экономическая демократия и свобода, как известно, не отменяют законы экономического развития, но если последние не соблюдаются, то чистое зеркало демократии и свободы отражает кривое “мурло действительности”, которому “неча пенять на зеркало, коли рожа крива”.

Поэтому если низкоквалифицированный труд сантехника оценивается расценками, эквивалентными труду служащего, ученого — “бюджетника” за месяц его, по мнению сантехника, “попугайного труда”, то служащему, ученому, т.е. “бюджетнику”, следует утешаться. Утешаться, во-первых, тем, что, подучившись, ученый выполнит работу сантехника, а сантехник никогда не выполнит работу ученого, во-вторых, утешаться следует и тем, что бюджетная стоимость труда ученого в условиях демократии и свободы лежит далеко за пределами прожиточного минимума — и это есть продуманный демократией грабеж за предоставляемую ученому (бюджетнику) свободу зарабатывать деньги любыми иными путями, не вступающими в противоречие с законом. *Такая ситуация есть результат нищеты экономики, порождающей нищету ученых в государстве, которое еще на заре своего существования устами своего лидера объявило: “Сведем государственных чиновников к простым исполнителям наших поручений, послушным, скромно оплачиваемым надсмотрщикам и будем оплачивать их труд ... не выше заработной платы рабочего”* (Ленин **В.И.** Избр. произв. М.: СОЦЭГИЗ, 1931. Т. 4. С. 36).

Экономика и рынок научного труда включают триединство и антиномию проблемных ситуаций такого труда, аспектами которого являются эвристическая, прагматическая и политическая ситуация.

Эвристическая ситуация — это ситуация рефлексивного интеллектуального труда ученого над решением научно-технической проблемы, где проявляется его творческий энтузиазм.

Прагматическая ситуация проявляется в противоречии между результатом интеллектуального труда и спросом на него в конкретной рыночной ситуации. **И** здесь во избежание самообольщения ученого следует помнить, что рынок фактически использует не рефлексиию интеллектуального труда ученого, а прагматический экскремент такого труда!

Политическая ситуация является тем дамкловым мечом, который рассекает и отсекает как само тело предыдущих ситуаций, так и связи между ними, порождая приступ новой воли и творческого энтузиазма ученого или уничтожая их. **И** здесь справедливы исследования, проведенные в США **Н.П. Рашевским**, **П. А. Сорокиным** в середине этого века.

Простейший пример сиюминутного законченного решения указанных ситуаций при продаже экскрементов научного труда интеллекта ученого — превращение его в конвертируемый элементарный капитал, цена которого подвергается биржевой оценке. **В** этом случае и акция, и ваучер, и облигация, и рубль не могут сравниться со стабильностью биржевой оценки овеществленного интеллектуального труда, потому что за такой оценкой стоит Западная цивилизация. **И** изменить такую ситуацию может только переоценка ситуации политической.

Государственная машина и государственное хозяйство в том виде, как они существуют в **России**, не могут служить эффективному использованию интеллекта и продукта его труда. Недостаточно одних слов о демократии для мобилизации интеллектуального корпуса, для производства не только интеллектуального продукта, но и превращения его в товар, если цена интеллекта ниже цены производителя товарной продукции. **В** этом случае естествен отток интеллектуальных сил в те места, где имеет место как раз обратная ситуация. Известно, что процесс взяточничества в Австро-Венгерской империи сразу пошел на убыль, когда чиновникам интеллектуальной сферы были резко повышены оклады.

И. Тэн, **Э. Золя** и **П. Боборькин** указывали на важные, характерные черты развития истории и личности. Разумеется,

национальность, территория и индивидуальные черты личности не могут не сказываться на качестве и количестве интеллектуального продукта. Другое дело, когда эти черты нивелируются, ступшеваются в результате разлагающего действия бюрократической государственной машины и ее хозяйства. Было бы наивным полагать в связи со сказанным, что бакунизм или современное течение, аналогичное учению М.А. Бакунина, может дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, как вести себя интеллектуалам, этим неприкаянным, этим наивным “детям лейтенанта Шмидта”, чей интеллектуальный продукт, еще не вызрев как товар, уже обречен на презрение и остракизм со стороны государства, того государства, чьими “колесиками и винтиками” служили носители интеллекта, которые составляют и по сей день некую общность “советских людей”, не смотря на превращение этой общности в содружество нищих господ — СНГ. Было бы наивным полагать, что анархо-синдикализм или его разновидности способны исправить дело. Не следует забывать, что сам М.А. Бакунин в оценке назначения Человека не шел далее чувствительных сентенций: “Назначение человека — не страдать, скрестя руки, на земле, чтобы заслужить легендарный рай. Его назначение, скорее, заключается в том, чтобы перенести небо, бога, которого он носит в себе, на нашу землю, возвысить практическую жизнь, поднять землю до неба — вот его высокая миссия”. (Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан, 1934. Т. 1. С. 221–222.)

Настоящий анализ показывает, что проблема интеллектуальной системы вообще и создания интеллектуального продукта, в частности, есть проблема преемственная в том смысле, что в нашей стране просто заведено рассматривать интеллект как ничемную и бесполезную силу, относительно которой не должно быть даже ЗАКОНА об охране. Более того, сама проблема воспитания интеллектуальных кадров, например в высшей школе, превращается в начетничество и самообман. И как современно в этом плане звучат слова В.О. Ключевского, написанные более ста лет назад: “По школе всегда можно узнать, обладает ли общество установившимся взглядом на задачи образования. Нередко приходится слышать, будто школа должна учить тому, что пригодится в

жизни. Где такое мнение получает господство, там, значит, взгляд на цели образования еще не установился. **В**едь такое мнение подчиняет школу вкусам, господствующим в данную минуту, делает учащегося слугой или жертвой временных потребностей взрослого общества. **И**з учащейся молодежи готовится в школе живая, дрессированная сила, предназначенная для известного технического производства, в котором нуждается общество, или организованный инструмент, заменяющий механическую силу. **П**ри том такое мнение лишает школу всякой устойчивости, делая ее игрушкой случайных общественных поветрий”. (Ключевский **В.О.** Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 84). **М**ожно заключить, что только интеллект и его продукт могут быть той самоорганизующейся системой, которая на рынке, но уже товара, может быть оценена и оценивается соразмерно своей значимости, но заведомо по самой высокой цене. **Т**акое заключение было бы совершенно правильным, если бы не отягчающие обстоятельства “свободного мира”, в котором, как и у **М**артти Ларни в “Четвертом позвонке”, интеллекту нужно пристраиваться в очередь за благотворительной похлебкой, чтобы пропитаться, а чтобы разбогатеть, — следует превратить интеллектуальный продукт на потребу “взыскательной публики” в товар-дудку для народных празднеств.

Приведенный анализ вскрывает только внешние и поверхностные задачи при решении проблемы организации “сбыта” интеллектуальных продуктов. **Н**о уже из этого краткого анализа видны захватывающие черты здания, о существовании которого мы только догадывались в течение последних семидесяти с лишним лет.

Ἄεῖαα 6

Ἐἰς τὴν ἐκείνην ἡμέραν ἦν ἐκεῖ ἄλλοις ἄνθρωποι
 ἔρχομενοι εἰς τὴν πόλιν αὐτῆς ἵνα ἴδωσιν αὐτήν

(Обращение к другу. Основания реального идеализма)

Кто приобрел чувство или навык
 неутомимого терпения, тот не убоится
 ни страдания, ни трудов ...

Иоанн Лествичник, 26, 77.

Дорогой друг! **Р**азве ты не смотришь телевиденье, не слушаешь радио, не читаешь газет, в общем, не наслаждаешься информацией?

Разве новая жизнь не радует тебя улыбкой висельника, где откровения целителей душ призывают к новым экзерцициям (exer-citium — упражнение). Неужели неприятная жизнь, тоскливо и задумчиво уговаривающая тебя шепотом терпеть, — вполне справедливо и естественно заставляет думать о детях и семье, а от чувства сытости ум твой увеличивается, заполняя пустое домашнее время?

Пот нужды не перестает мучить нас для сытости птенцов и подруг. Это закономерно. Понимаю, очень понимаю тебя, вспоминая то благодатное время, когда как-то мы все собирались в Москве на Бирюзова, а я проповедовал, кто такие Горбачев и Ельцин и почему эти строители общепролетарского дома в прошлом займутся монументальным мелкоимущественным строительством в будущем, стесняя свое сознание и строя стену, за которой находится лишь скучное место.

Жизнь уходит, как течение дыхания, и своими унылыми предвидящими глазами наши начальники “улаживают” различные конфликты с целью организационных достижений. Нужно работать, не останавливаясь для мысли и настроения, — таково мнение наших благодетелей от политики, предлагающих копать нам замертво лежащий песок воображаемых воспоминаний прошлого. Нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства к остающимся бывшим советским людям, уже не требует от наших начальников пролетарского таланта труда, они предлагают лечь навзничь или покоиться как-либо иначе.

Мы же продолжаем работать по инерции самодействующего разума, свободного от надежды и желания удовлетворения, и смотрим на мир глазами с терпением любопытства. Когда имеешь умственную начинку, то понимаешь, что со времен покорения буржуазии впереди нас находится только ярость, а позади мертвая трава забвения. И с пенсионным чувством безоблачной решимости испытываешь горячую социальную радость в отношении безмятежного думства, восхищенного сенаторства, уже немучимых пролетарской совестью и отдающихся наибольшей общественной пользе. Что можно испытывать по этому поводу на берегах реки по имени “ФАКТ”, что взять за отправную точку текущего и будущего бытия, где поджидают нас или “серые молодые волки” Жириновского, или процв-

етающие орлы “Выбора России”, или возбуждаемые страсти по Солженицину, или умелые кормчие Чернобырдина, или платоновские мудрецы по облику и замашкам Лужкова?

Только скупое чувство счастья истины жизни, только безграничное единение самого себя с истомленным прахом земли, только неизбывное желание стыдливого поиска обветшавшей лестницы рая — вот чувства, устремляющие нас к терпению вечности в разломах уничтожения.

В тесноте своих членов остается одно лекарство — терпение.

Проблемы защиты Человека как интеллектуальной системы [32, 61–64] — это проблемы защиты, сохранения и упорядочения той формы человеческой деятельности, той формы культурного наследия, тех ценностей творчества человеческого Духа, которые проявляются в его триединстве — гносеологии, психологии и логике, т.е. интеллекте. **И** такая форма защиты не может быть иной или меньшей по своим размерам и задачам, чем размеры и задачи **ПЛАНЕТАРНЫЕ**.

Если в усилиях по сохранению экологического баланса **ПЛАНЕТЫ** человечество ратует за жизнь, хотя на самом деле занимается по существу проблемами равновесия в системе технического прогресса и регресса, то сохранение интеллектуальной системы как системы мыследеятельности разве не требует планетарного подхода к ее сохранению, т.е. ноосферной защиты?

Защита интеллекта как явления ноосферного порядка есть защита идей и их носителей, которые в совокупности при решении проблемных ситуаций составляют процесс во времени, т.е. “идеацию”, что и являет собой процесс познания, кардинально отличаясь от факта как формы информации, хаотизирующей проблему в рамках фактических мнений, политических суждений, бесконечных диалогов, истинное решение которых в силу сущности информации — быть только возможностью решения проблемной ситуации — заканчивается явлением не антиномии, а антагонизма, решение которого ищется в революционном взрыве. Результат таких информационных событий в жизненном цикле истории превращается в факт, т.е. объективную действительность, жупел которой есть бич, погоняющий интеллект. “Идеация” и “информация” есть то двумерное пространство, катаклизмы

которого порождают *реальный идеализм*. Миниатюра идеации как образ интеллекта, спроецированная в пространство информации, т.е. возможную реальность, может окончиться марксизмом, маоизмом, бакунизмом, полпотизмом или деголлизмом, — сущность одна: реальный идеализм на почве фактов-событий деформируется в солипсизм самоидеи, т.е. в разрушение защиты интеллекта как самоорганизующейся системы реального идеализма, разрушение ноосферного щита Человека. **Вот** почему реальный идеализм имеет не только научно-техническую огранку, драпируется в краски искусства, выступает в форме политических претензий, реальный идеализм есть рефлексия, философия которой не уничтожение, не умаление, а всестороннее сохранение и поощрение личностного энтузиазма, энтузиазма созидания, но увы! созидания интеллектуального, а потому склонного к разрушению под действием хаотизирующих сил общества с его солипсизмом самоидей. **Вот** почему реальный идеализм, философия рефлексии интеллектуальных систем, должен быть защищен в планетарном отношении от самовыврождения его в солипсизм самоидеи.

Но можно ли говорить о ноосферной защите в условиях общества, где “лебедь, рак, щука” пытаются консолидировать пространство государственных отношений? **Не** потому ли и сама проблема превращается в планетарную, что ситуация в отношении интеллектуальных систем всегда была уделом не государства, не государственности, а составляла смысл и задачи в общем-то ограниченной группы лиц интеллектуального труда. **Не** поэтому ли генерал Грэвс в “манхэттенском проекте” называл их просто “... битыми горшками”? Когда государство создает нечто вроде рая для интеллектуалов под названием **РАИС** — **Р**оссийское агентство интеллектуальных систем вместо **ВААП** — **В**сесоюзного агентства авторских прав, то напрашивается для оценки подобной ситуации реприза: “Черного кобеля не отмоешь добела”. Эта трагикомическая ситуация совершенно ясна, ведь до настоящего времени государственная система не приняла Закона об интеллектуальной собственности. **Во** всем нужна мера, ибо сказано: “**И** вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей”. **И** с точки зрения интеллектуала, даже антагонизм не

позволял говорить иначе, чем: «Права “красные”, права “белые”, права “зеленые”». (Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной. М.; Л.: Прибой, 1924). А ведь это было время задолго до августовских событий 1992 г. Таким образом, позволительно утверждать, что государственная система не стремится к созданию меры защиты интеллектуальных систем в такой степени, когда бы защищались и консолидировались их права в плане триединства (психология, гносеология, логика), т.е. в плане их сущностной первопричины, которая, выступая в качестве таковой в технике, искусстве, науке, философии, безотносительно к государственной принадлежности могла бы заявлять о себе свободными от прокурорского надзора государства средствами “идеации” и “информации”, т.е. иметь собственные радиостанции, издательства, представительства, клубы и пр.

Указанная проблема в отношении ноосферной защиты интеллектуальных систем есть проблема каузально-историческая, т.е. причинная, смысл которой, например, для Российской действительности, где всегда, по утверждению Льва Толстого, “достаточно людей образованных, грамотных маловато”, заключается в понимании государством причин “опасности” интеллекта независимо от социальной принадлежности интеллектуальных систем. “Колокол” Герцена и бунт Чернышевского, например, были одинаково опасны для государства, точно так же, как к опасным относились Солженицын и Сахаров. Возникает естественный вопрос: Кто следующий? Ведь нет закона, охраняющего интеллектуальные системы, и тем более в ноосферном плане. Даже бородатый, в кожаных сандалиях мудрец древности Платон, воздававший хвалу разуму, ненавидел поэтов за туманность и неистинность языка, даже философ Кант, ратовавший за научный метод исследования, презрительно относился к химикам, не считал химию наукой только потому, что в ней нет математики; даже обычно называемый предтечей Маркса философ Гегель с его философией духа, считавший воду элементарным веществом, — даже они как интеллектуалы собственных мирозерцаний находились в плену собственных систем, систем, в которых не было еще места последующим интеллектуальным достижениям: теории нечетких множеств,

математической химии, элементарному химическому анализу. Поэтому наряду с каузально-исторической проблемой защиты интеллектуальных систем возникает проблема профессиональной разобщенности интеллектуальных систем и способов защиты от нее.

Классический пример разобщенности интеллектуальных систем — участь **Н.Г. Чернышевского**, бывшего своим среди чужих и чужим среди своих (“**Известия**” от 31.10.92). “Литературные противники и личные враги — **Тургенев** и **Толстой**, **Достоевский** и **Корш**, объединенные общей ненавистью к мужицкой революции и общим страхом перед социализмом, одинаково воспринимали проповедь **Чернышевского** и одинаково реагировали на нее”. (Каменев **Л.Б.** **Чернышевский**. ЖЗЛ. **М.**, 1933. С. 126.)

Однако, пережив свое время, идеолог мужицкого топора оставил в наследие поколениям социализма выношенный им принцип: “*Чем ниже, тем хуже, чем выше, тем лучше, и на известной высоте все прекрасно — мы были тверды в этом*”. (Из автобиографии // Литературное наследие **Н.Г. Чернышевского**. Т. 1. С. 15).

Профессиональный антагонизм — старый метод борьбы, апробированный на примере **Чернышевского**, относительно которого “было решено изъять человека из среды живых — и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов”. (Соловьев **В.С.** Письма. Т. 1. Приложение “Из литературных воспоминаний. **Н.Г. Чернышевский**”. Спб., 1908. С. 271–282). Выбранный пример с **Н.Г. Чернышевским** случаен в том смысле, что можно было бы выбрать и другие имена в разные эпохи и разных государственных системах (вспомним заявление по Центральному телевидению 11 августа 1994 г. космонавта номер 2 **Германа Титова**: “**Я** никто. **Я** герой несуществующего Советского Союза, я кавалер орденов **Ленина**, **Октябрьской Революции**, **Трудового Красного Знамени**, которые отменены. **Я** никто!”).

Выбранный пример с **Н.Г. Чернышевским** не случаен в том смысле, что во время его гражданской казни у эшафота находился гвардейский офицер **В.К. Гейнс** (см.: Каменев **Л.Б.**, цит. оп., с. 144), впоследствии **Вильям Фрей**, принявший американское гражданство и ставший проповедником “религии человечества”,

основанной на учении **О. Конта**. (Сколько русских проповедников с американским гражданством сейчас у нас в **России**?!)

В. Фрей основал в **России** “небольшое братство”, куда входил, в частности, **В.И. Вернадский** (см.: **Мочалов И., Л.Н. Толстой и В.И. Вернадский // Русская литература. 1979. №3. С. 194–195**). По мнению **В. Фрея**, “вместо поблекшего образа Христа подымается теперь образ Человечества”. (**Фрей В. Русские пропилеи. Т.1. М., 1915. С. 302–303**).

Как способ “сосуществования” различных ориентаций интеллектуальных систем ради самого Человечества и его блага и создана ноосферная защита. По существу такая секуляризованная форма христианского учения при необходимости может быть трансформирована в другое аутентичное учение, т.е. схизму.

Поэтому, возможно, и прав безымянный автор статьи в “**Богословских трудах**” (**М., ЖМП, №24, 1983, с. 259**), который заметил: «**Весьма** вероятно, что именно к “**религии Человечества**” восходят истоки распространенного в современной натурфилософии понятия “**ноосфера**”, связанного в первую очередь с работами **В.И. Вернадского** и очень напоминающего то, что **В. Фрей** называет “**душою Человечества**”».

Так, трагические минуты жизни **Н.Г. Чернышевского** привели одного из свидетелей казни к мысли о религии Человечества вообще, в то время как другой философ-интеллектуал рассматривает ноосферу как средство Человеческого **Бытия**.

Каузально-историческая проблема ноосферной защиты интеллектуальных систем неразрывно связана с проблемами межпрофессиональной и внутрипрофессиональной разобщенности интеллектуальных систем, бич которых солипсизм самоидеи. Солипсизм самоидеи заключен в полной циклизации энергии личности. Той энергии, которая, по утверждению **И. Дамаскина** (**Точное изложение православной веры. Кн. 2. Гл. 23. С. 101–102**), “**есть естественное, врожденное движение всякой сущности**”.

Каузально-историческая проблема ноосферной защиты интеллектуальных систем выражается, с другой стороны, в причинно-следственной связи тех исторических событий, которые имели и имеют место в развитии, например, го-

сударства России, где и ставится, прежде всего, вопрос о ноосферной защите интеллектуальных систем. Именно интеллектуальная система способна рассмотреть и установить связь между” веком нынешним и веком минувшим”.

И в этом плане “благонадежно ли”, если такая система *фактически умозрительно* обратит внимание присутствующих на ригористическую связь времен: “Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о каком-либо новом порядке принимается, пусть распоряжаются, как хотят; поспорятся, одни захотят одного, другие другого — правительство приказывает спросить всех, чтоб узнать, что хочет большинство?” (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. Т. 13, с. 174). Разве эта эпоха царства Алексея Михайловича не поучительный пример сегодняшнего дня (“Берите демократии, сколько хотите”)? Но учит ли чему-нибудь история общество, где интеллектуальные системы беспомощны и не защищены, где ни в “беспомощных сиротах, ни в холопах нельзя искать силы и самостоятельности”.

Сегодня прочитали, завтра поверили, послезавтра начали действовать (Леня Голубков и его старший брат Иван, Марина Сергеевна и полюбившаяся просто Мария — АО МММ). А вот какая-то часть общества вспоминает, что когда-то П.А. Столыпин так много сделал для России, и является снова мысль реализовать им недоделанное, канонизировать Николая Романова в святые угодники, а Распутину соболезновать, проповедовать казацкую нагайку в качестве формы казацкой вольности!

Что это? Неужели дух столыпинщины не выявлен до конца в рамках интеллектуальных систем? Да ничего подобного, все давно было и раньше ясно. Причем кому? Да графу С.Ю. Витте, которого уж никак не обвинишь в отсутствии желания блага России, что признает даже великий критик графа, перекрасившийся академик Е.В. Тарле (см.: Тарле Е.В. Опыт характеристики внешней политики. Граф С.Ю. Витте. Соч. М., 1958. Т. 5. С. 511–566).

Так что же пишет граф относительно методов перестройки П.А. Столыпина? А вот что: “... под видом смягчения состояния, в котором находятся жители данной местности, вводится

полнейший произвол администратора (Не этого ли желают начальники от регионов? — С.А.К.).

Такой вид положения совершенно соответствует характеру Столыпина: с одной стороны, показывается либеральность, а с другой стороны, под видом этой либеральности допускается подличать”. (Витте С.Ю. Соч. М., 1960. Т. 3. С. 483). Вот пример того, что совершенно ясный постулат о существовании причинно-следственной связи, лежащий в фундаменте профессиональной деятельности интеллектуальной системы, превращается, как и ранее в государственной системе, в фарс, где “не слова, не речи, не статьи, а дела, дела, дела — вот единственное, что важно”.

Итак, очередная проблема ноосферной защиты интеллектуальных систем заключается в поисках путей сохранения причинно-следственных связей, формируемых интеллектуальной системой, и причем таким образом, чтобы найденные логико-познавательными средствами пути не превращались психологией “холопов” в скверные и давно осуждаемые поступки. Как здесь не вспомнить, что только Благо Человечества (ноосфера) — истинный путь и цель интеллектуального знания. Благо же порождается духом и волей интеллектуальной системы, как Красота воспринимается душой и чувством, а Истина — не сухое собрание фактов в хаотичном мире информации, а результат действия ума и представления его в форме идей. Сама же ноосферная защита — способ гармонизации идей и информации, конвертируемых в действие посредством материального плана.

Можно полагать, что идеи В. Фрея, воспринятые и переосмысленные В.И. Вернадским через призму позитивизма О. Конта, родились как решение парадокса (антиномии) несправедливости у эшафота Н.Г. Чернышевского. Что с позиции сегодняшнего дня кажется более несправедливым, чем непримиримая ненависть между Толстым, Достоевским, Тургеневым, с одной стороны, и Чернышевским, с другой? Но и слабо посвященной в перипетии борьбы того времени молодежи той эпохи эта парадоксальная ситуация казалась возмутительной. А ведь шла борьба за интеллект молодежи, той самой, которой уже спустя время потребовались 1905 г. и революция 17-го года, той самой, которая породила и Павлика Морозова, и Александра Матросова, той самой, которая водрузила знамя Победы над

рейхстагом, а затем пошла на базар не покупать произведения Белинского с Гоголем, а продавать по бросовым ценам заработанные в войнах ордена... Сменилась эпоха, и новое поколение воспринимает капиталистические отношения как революцию сознания и зачитывается “Бесами”. Очеловечивание Христа в Благое Человечество — ноосфере, стяжание Рая при жизни на земле, о чем писал патриарх Сергей в своей докторской диссертации, — есть забота о стяжании Духа, забота о формировании в рамках неполитической организации тех основ культуры и нравственности, которые смываются потребительским отношением к жизни, когда роль интеллекта в силу “более высоких забот государства” принижается в погоне за материальным гешефтом. Новое поколение... Странно, но можно сказать теперь почти уверенно, что сбылось предсказание П. Юшкевича, который в ответ на книгу В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” в своей работе “Столпы философской ортодоксии” писал в 1910 г.: “... Пусть они берегутся, как бы над ними не повторилась старая история о народившемся фараоне, который не знал Иосифа. Идет новое поколение, которое не знает их заслуг, но знает зато их вины, которое не видело их начала, но видит их конец, и оно им воздаст полной до краев мерой за угашение свободной мысли и за насаждение черносотенных взглядов в марксизме!” (С. 42–43.)

Не будем гадать, что это за фараон, который “не знал Иосифа”, но обратим внимание на фразу: “угашение свободной мысли” — вот лейтмотив, вот причина, вот девиз всякой духовной потери, когда проектируемая система как солипсизм самоидеи готовит себе непременную и скорую гибель. И вот решение самой проблемы — необходимость ноосферной защиты интеллектуальных систем. Конечно, можно начать формировать конкретные требования, которым должна отвечать такая защита, включив сюда и материальные затраты, и виды пропаганды, и виды информационного вещания через радио, телевидение и пр. Однако в настоящее время в проблеме консолидации сил, направленных на ноосферную защиту интеллектуальных систем, в интернациональном плане следует обратить особое внимание на ядро формируемого коллектива, качество и количество спонсоров, способных придать делу

нужный импульс во времени, пространстве и смысле пропагандируемого материала, цель и задачи которого направлены на Благо Человека в духе идей, высказанных творцами учения о ноосфере.

Заканчивая краткий “экскурс в гистологию клеточного строения” принципов и проблем ноосферной защиты, я позволю себе заключить сказанное хорошо известным принципом, который стихами Гете формулируется так:

..... пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям:
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца Ваша речь течет.

Сегодняшние кумиры хотели бы переосмыслить свою скромность через призму великих деяний прошлого. И к столетию Н.С. Хрущева “интеллектуальный гомуж” — г-н А.Н. Яковлев уже витийствует, уподобляя Хрущева Александру – Освободителю. “Вертеры-услышкины” на подмостках политического шоу и в газетной макулатуре вздувают свои липовые акции за подаяние должностей с барского стола, утилизируя историю Государства Российского аж со времен Петра I, извращая понятие империи. “Возри, Господи, на деяние детей своих, бо не ведают, что творят”.

Петр I велик и для “современного глаза”. Но не войнами, злосчастьем и бедами, не убийством собственного сына, не уничтожением средневекового пласта культуры на Востоке, не вынужденным самосожжением старообрядцев, не костями, лежащими в основании “бурга” святого Петра, Таганрога и Воронежа, не нарушением уз таинства брака и мезальянством императорской крови в последующих поколениях дома Романовых... От деятельности Петра и птенцов его гнезда сформировалось чувство Родины!

Поэтому первое и неперенное качество эпохи Петра заключается в чувстве, которое получило государственное оформление и которое проникло в поры общественного воспитания, — в чувстве принесения общественной пользы государству.

Это чувство возникло и сформировалось на фоне “физической разбросанности, разрозненности народа”, которым “соответствова-

ла нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крепкие нравственные границы...” (Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Мысль, 1984. С. 63).

Современная ситуация в форме думского и сенаторского вариантов, в форме бесчисленных и бесконечных указов и постановлений, обещаний, ласканий, но не дела — вот причина, по которой наш бедный и измочаленный народ окунулся в премерзкие нравы русского же народа допетровской эпохи, когда “перед другими народами русские являются обманчивыми, неверными, склонными к воровству, неучтивыми в беседе, нечистоплотными. А отчего все это происходит? Оттого, что всякое место наполнено кабаками, заставами, откупщиками, выемщиками: люди отовсюду и везде связаны, ничего не могут свободно делать, трудом рук своих не могут свободно пользоваться... А целовальники и притеснители народа, не получая достаточного жалованья, не могут как должно исполнять своих обязанностей, нужда заставляет их искать корысти и брать подарки от воров.” (Соловьев С.М. Соч. Кн. VII. Т.13. С. 151.)

Итак, Петр I задолго до “общественного договора” Руссо воззвал к совести народа принесением им общественной пользы при “всех обстоятельствах и от всех чинов и званий”, забвение которой и есть трагедия нации. Второй гениальной свершенной им задачей является изменение структуры русского языка. Структура языка определяет структуру сложности сознания, возникновение в личности той бытийной опоры, в которой заключено самосознание нации. Французы и немцы уже говорили на современных национальных языках. И дело не в том, Лесаж или Лютер формировали этот язык и какое влияние на языковую канву, например, немецкого языка через латинский оказал Эразм Роттердамский, но дело заключается в том, что новые задачи общества, социальные, нравственные, экономические, выражаются через язык как форму аналитического и образного мышления и лишь последнее переходит рано или поздно в действие. Когда говорят, что «Государь под влиянием кукуйцев “онемечивался”» (Семевский М. Царица Катерина Алексеевна. Л.: ХЛ, 1990. С. 27), то на самом деле это лишь вхождение “в образ”, а образ — “понятие расширительное”. Поэтому для германских принцесс “при всех достоинствах, которыми одарила

его природа, желательно бы видеть в нем меньше грубости” (Трехсотлетие дома Романовых. М.: Современник, 1991. С. 124).

И, наконец, третья классическая задача, которая была решена Петром I, — это создание им полноценного и полноценного рубля талерového достоинства и высокой пробы. Только одно это событие, продолжавшееся при жизни Петра в течение 25 лет (1701–1725), в экономическом и моральном отношении подняло государство и личность на ступень общественной независимости, в отличие от предыдущих русских царей с их переплавом любекских талеров в русскую серебряную копейку. В этом плане Петр I оставил позади себя по значимости проведенной денежной реформы и будущего победителя Аустерлица — Наполеона, который ввел пятифранковую серебряную монету, но, чтобы ее внедрить в сознание народа, ему потребовалось в одну из монет запечатать шелковый вексель об обязательстве его правительства заплатить владельцу миллион франков (Монета не найдена. Обязательства правительства Франции сохраняются!).

Тем самым Петр I не мельчил русскую монету, но укрупнял ее. Все, что делается гомужами сейчас, — это антипетровская эпоха, скорее всего, это эпоха не русская, она сходна с эпохой Наполеона III. Все наоборот. От звезд к терниям. Ура!

А не российский ли сейчас мир гноится и живет вещественным чувством бесчисленных “измов”, которые сменили сонный дух забвения коммунизма на жалкие туловища постсоциализма — смердящего классового врага! Когда личные естественные надобности современных ораторов, произносимые без направления к людям, не имеющие вопросов и предложений, не говоря о способе их решения, а выражающие лишь сомнение и желание исполнять нашу жизнь по чужому записанному замыслу полной перепланировки и благоустройства, когда “измы” теплым, тихим, лукавым покоем обволакивают тела бывшей босоты — советских людей, есть одно лекарство для России — терпение.

Отсутствие этого лекарства на окраинах Великой и Неделимой России, где праздновал свой рай “дюфцит с заднего кирильца” от непростого, “как простой инженер, а от товароведа, директора магазина, от завсклада”, — есть кровь, есть нацизм, а не нация и национальность, есть отрицание го-

сударства как Господом дарованной Благодати. Не за этот ли “дюфцит” райского времени расплачиваются сейчас Армения, Грузия, Азербайджан, вспоминая в лице своих лидеров теплые времена старческого ареопага маршала Брежнева? Не об идеалах ли ницшеанского Сверхчеловека в мусульманских одеждах ратуют иные господа наших южных окраин?

Идеалы часто цитируемого Ф. Ницше... Дело в том, что Ф. Ницше более гениальный поэт и эстет, чем философ. Его самобытность — это самобытность философского образа. Поэтому он силен в области критики философских систем. Его незабываемая критика христианства в работе “Я антихристианин” свидетельствует об этом в полной мере. И поэтому он всегда впереди воинствующего материализма, т.е. ленинизма. Об этом в первую очередь забывают его критики “партийного образца”. Но Ф. Ницше — творец идеи Сверхчеловека. И за это его нужно только хвалить “болоту”. Ведь это и есть секуляризованная идея безбожия Человека и его всемогущества. Но за идею же Сверхчеловека все человечество должно благодарить этого сильного и слабого философа. Он открыл путь личности, сделал ее той бесконечной силой, которой нестрашно одиночество и которая в своем индивидуализме способна на интеллектуальный порыв. Есть и еще одна важная особенность полезности этой философии для становления молодого поколения. Отвлекаясь от могущества сверхчеловека, личность путем отрицания приходит к самоуничижению, и это и есть начало Сверхчеловека к исполнению Нагорной проповеди Спасителя. Невозможно “сузить личность”, но путем “творческого энтузиазма” Сверхчеловека можно поднять на высоту, с которой смирение есть путь самозащиты Сверхчеловека от разрушения, и в этом смысле докторская диссертация патриарха Сергия является синкризой между идеей Сверхчеловека как культа христианства и идеей стяжания вечной жизни при физическом существовании Человека. В последнее время это почему-то стало называться “сергианством”.

Так жизнеутверждающее учение Ф. Ницше может быть истолковано с “различными оттенками”. Почему? Да потому что он поэт-философ, а не философ-поэт. Так и И.С. Бах есть не просто музыкант, а музыкант-философ. Отсюда та неопределенность в категориях философии, которая так свой-

ственна поэзии, мыслящей образами, и в таком смысле, если говорить физически, порождается своего рода принцип “неопределенности”, который и сказывается в смещении понятий философии и многогранной неоднозначности восприятия этих категорий интеллектуальной средой.

Но ведь она-то (эта среда) и должна “ломать голову”. Вот почему философия **Ф. Ницше** полезна для обучения, если обучающиеся хотят стать самостоятельно и критически мыслящими людьми, т.е. людьми интеллигентными. Однако это вовсе не означает, что христианская этика с ее морализирующими принципами не есть тот стержень, который свойствен для человека эллинского склада ума, как для китаизма — конфуцианство, мусульман — магометанство, и как для любого человека с его биологической формой бытия — реальное существование в мифе.

Господи, “помози поелику можно”, не держать камня за пазухой на все злодеяния и злопыхательства, от страстей человеческих исходящих. Дай силы прожить день в добром расположении сердца, незлобии, терпении, смирении, оставлении грехов, вокруг мятущихся, бесов привечающих, целомудрии и чистоте, умилении и успехах духовных, борении уныния, простоте сердца, трудах ревностных и счастливых, неуклонной надежде — двери беспристрастия, преодолении искушения клеветы и злословия — поскольку весь мир не стоит одной души. Что в этом неестественного?

Если даже не касаться **Петра I** и петровской эпохи, а просто взглянуть на образование европейской государственности, то и здесь, начиная со средневековья повсеместно прослеживается это лекарство как проблема решаемая: терпимость к **ВЕРЕ, НАЦИИ, КОНСОЛИДАЦИИ ЗЕМЕЛЬ**. Папизм как форма греховности породил англиканскую, галликанскую церковь, кальвинизм и лютеранство. Как только, например, во **Франции** стала возможна веротерпимость и гугенотам (после Лярошели) с католиками, благодаря усердию кардинала **Ришелье**, позволено было почувствовать себя подданными государя — французами, **Франция** становится мощным единым Государством в отличие от остальной **Европы**, раздираемой национальными войнами со стороны **Испании, Австрии, Чехии, Венгрии, Баварии, Польши** и **Швеции**. Дух тридцатилетней

войны в Европе и дал единое откровение — терпимость. А сейчас ... “Лучшие законы бесполезны, если они нарушаются”, — констатировал еще Ришелье (Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М.: МО, 1990. С. 379). “Жатвы бо много, делателей же мало...”

Шахрай, Шумейко, Шохин, Жириновский и Черномырдинские политические имена... от слова ли Божьего? Ибо “внутри вас есть Царствие Божие, и нуждницы восхищают его”. Они лишь приют заблудившемуся в эксплуатации человеку. И жить с ними люди будут без жизни и движения. Д.И. Фонвизин спрашивал Екатерину II: “Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?” Ответ: “По той же причине, по которой человек стареется”. (Фонвизин Д.И. Полн. собр. соч. Спб, 1893. С. 177.)

Но всем хорошо известно, что на самом деле в России просто “отсутствует правильное государство и разумным элементам приходится жить в отсталом классе”! В нашем же случае, взгляд, обращенный в прошлое, не находит ответа на полный тоски вопрос. И остается уповать на мудрые слова старца Льва: “... источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцев, или мгновенно Божиим сверлом.”

И у нас теперь “сеятель не сеет, а земля не приемлет”. А все почему?

Мы уже поняли, что при коммунизме — “народ худой” и с усердием жадности, работая лопатой, счастья не построишь.

Теперь с Востока грядет публицист А.И. Солженицин, о прозорливости и даре рассуждения которого много говорилось, писалось и размышлялось, а в последнее время Сербская Церковь наградила его своим высшим орденом — святого Саввы. Но если дело со стороны Церкви до наград доходит, то не лучше ли просто полагаться на слова старца Силуана: “Держи ум свой во аде и не отчаивайся”. (Старец Силуан. Жизнь и поучения. Минск: Ново-Казачье, 1991. С. 196–201.) Ведь известно, что не те деятели Церкви, которые о Боге много говорят, ближе к Нему, а те, которые имеют Его в своем сердце.

Мы же как носильщики своего времени будем, видимо, и далее трудиться только из общественной повинности — в порядке подворной очереди.

Вот почему многие желают сейчас по прошествии лет трудового процесса вследствие роста слабосильности и задумчивости на общем фоне радости демократии на вольном воздухе созерцания лучше понять свое будущее и не облокотиться на нежную тьму посулов государственных законов, а под грустные звуки мучимого сердца, окруженного жесткими каменистыми костями, самостоятельно продолжить вне государственных институтов стяжание Духа **Небесного**. **То** есть, наевшись завтраком, обедом или ужином, слабым голосом сомнения подвергать анализу собственную деятельность, а не спешить со страхом совести на лукавые и лишенные жизни академические собрания и встречи с сотрудниками госучреждений со скрытой злобностью во взгляде.

Как не хотелось бы убывать в чувстве своей жизни за время сомнения в ее правильности, но, потеряв готовность лица в обществе, хотелось бы почувствовать свою душу. **Ведь** сказал старец Лев: "... если и ты облечешь себя о Христе во образ внутреннего инока, то не беспокойся много о внешнем образе, хотя и не погрешительно желать сего".

Но это желание сберечь силы от служебного износа для личной жизни не есть лень, чтобы уснуть и расстаться с собою, а есть восстание против нее с твердым намерением с помощью **Божией** одержать победу над истомленной бессмысленностью добыть истину из праха, например, обездоленной **Высшей** школы, умершей травой стелющейся под ногами.

Поэтому главная истина: "Смотри на людей и живи, пока родился", — сохраняется как умеренное послушание, которое ежечасно хотелось бы совершать, получая от него немалую пользу.

Неудивительно, что принцип "терпения" интеллектуальных систем по существу есть принцип "выживания" безотносительно ко времени существования системы. Этот грустный, но достаточный и необходимый вывод очень умело использовал болгарский писатель **Богомил Райнов** в известном детективе "Что может быть лучше плохой погоды" как принцип поведения разведчика, работающего в экстремальных условиях

чужой страны. Но весь вопрос в том: неужели страна, в которой интеллектуальная система — по существу система конструктивно-творческая, есть “чужая страна”?

ΔΕΑΑΑ 7
ΔΑΘΕΑΕΝΕΑΙ ΟΑΙ ΤΘΙ ΑΕΑΙ Ο Τ ΕΘΟΙ ΕΒΑΘΕΕ
Α ΑΑΙ Τ ΕΒΑΘΕ×ΑΝΕΤΙ ΥΕΝΟΑÇΑ

(Культивирование рефлексии в обществе и коллективе)

Любитель не любит того,
кто любимому противен есть:
сын противника отца своего,
жена противника мужа своего,
друг противника друга своего
не любит...

Тихон Задонский. Труды. 1875. Т. 3. С. 133.

Бог ада *Plutonis*, извергающий из жерла огнедышащей горы Этны огонь и пепел (*Crater*) так, что небо всем окружающим кажется в крупную клетку (*Crates*-решетка), наверное, не предполагал, что плутовство на государственном уровне однозначно определяется как плутократия.

Расхожая истина о том, что всякое общество достойно своего правительства, свидетельствует лишь о том, что критичность и самостоятельность коллектива и общества в принятии как просто решений, так и судьбоносных решений определяет его интеллигентность, а самостоятельность мыследеятельности и коллектива, и общества есть мера его рефлексивности. Если такое здоровое зерно общества обладает инструментарием властной структуры, то совершенно неважно в открытой или закрытой форме существование в обществе других коллективов, призывающих граждан в шеол — ад или пытающихся “вернуть по фотографии отца в семью”. Они будут просто отторгаться диктатурой закона, который должен восприниматься обществом как “ум, честь и совесть нашей эпохи”, а не служить разменной монетой по принципу: “Закон как дышло, куда повернул, туда и вышло”.

В условиях диктатуры закона плутократия невозможна. Поэтому смысл плутократии и заключается в создании проблем в механизме культивирования рефлексии в коллективе и обществе.

Плутократия тем более трагична для **России**, где всегда выплывали “**Стеньки Разина челны**” или “слышались призывы к общему покаянию”, осуществлялись поиски “**дороги к храму**” и другие формы сиюминутного, сугубого подвижничества, как, например, строительство Храма Христа Спасителя (а почему не очередной серии высотных зданий вокруг **Москвы** или **Золотого кольца Подмоскovie** для туристов?). **И** здесь ни к чему ерничать и юродствовать по поводу “**неблаговидного и антихристианского**” замечания автора. **Разъяснений** не потребуется, но следует вспомнить “**Беседы на Евангелиста Матфея**” иже во святых отца нашего **Иоанна Златоуста** на притчу о метании бисера перед свиньями.

Рефлексивная самостоятельность и **самодеятельность** плутократических структур заключается в преднамеренном и сознательном создании проблемных ситуаций в форме демократического экстаза застывших действий, которые при всех своих образцовых построениях способны породить в реальности тот удивительный звук, который всегда был известен на **Руси**, как “**фук**”, так славно произносимый в шашечной игре между непрофессионалами. **Но** вся трагедия не только жизни текущего момента, но и всей истории **России** довольно часто сводилась к этому удивительно краткому и даже мало вразумительному созвучию, так много значащему, впрочем, для нас в повседневной жизни. **Плутократические** структуры не могут отказать себе в удовольствии купаться в свободе и демократии, выдавать желаемое за действительное, черное за белое, а при необходимости шеголять не только близорукостью, но и дальтонизмом в восприятии действительности до тех пор, пока и коллектив, и общество не проснутся от того летаргического сна, в объятиях которого они находятся, не почувствуют необходимости саморефлексии, т.е. самостоятельной мыследеятельности, как личности, для которой нация и отечество, держава и патриотизм будут не простыми избитыми и затертыми разменными монетами, а символами духовного подъема и гордости. **Нищета** и богатство, обездоленность и сострадание, добро и “**изначальное зло**” в природе человека — вот категории, которые могут вместить и вмещают и демократия, и свобода. **Поэтому** проблема плутократии как

рефлексирующей государственной системы, направленной на самообеспечение благополучия в клановом масштабе, — оставить демократию и свободу, в которой есть место всему, что не требует самостоятельного и критического мышления, т.е. интеллигентности нации.

Только на первый взгляд совершенной насмешкой веет от сказанного ак. **С.П. Трапезниковым** в его работе “Интеллектуальный потенциал коммунизма” (М.: **ИШЛ**, 1976. С. 48): “Сегодня мы можем с полным правом гордиться успехами политехнического обучения, формирующего такие неотъемлемые качества личности, как глубокая эрудиция и широкий диапазон знаний, готовность человека к активному участию в общественном производстве, его способность творчески применять знания на практике. Закладывая глубокую общенаучную основу, политехническое обучение дает возможность членам общества свободно ориентироваться в конкретной научно-технической ситуации, осваивать новые профессии, новые машины и технологические процессы, переходить от одних приемов и методов труда к другим, от менее простых к более сложным”. **Не** мог, не мог предугадать почтенный академик, что недалече то время, когда в адрес президента **России** будут сочинять такие реляции по поводу образования: “... **Вновь** мудрость, подобно черепаховому супу, доступна не каждому. **Показан** был (по телевидению — **С.А.К.**) сюжет о частной школе — как там изящно воспитывают, как фундаментально просвещают. **Сколь** легка будет выпускникам дорога в престижные вузы... **Обо** всем поведали проницательные операторы, про все рассказали. **Но** по лукавой яковлевской методе обошли опасные вопросы: для кого же создана эта школа? Сколько стоит обучение в ней? Чьих детей там учат, а чьим дают поворот от ворот? **Не** обратили внимание, что главным предметом и главным жизненным опытом станет презрение к тем, кого их родители тем или иным способом ограбили и кто умеет только честно трудиться?” **И** далее автор статьи **А. Трубицин** (Сов. **Россия**, 15.10.94), сторонник президента **Ельцина** в прошлом: “Сегодня Центру грош цена, надежда вся на **Ельцина**”, — восклицает в сердцах: “**Теперь** такая же цена и обещаньям **Ельцина**”.

Самоочевидно, что “сад божий” — социализм, построенный на крови и страданиях населения **Советской империи**, в идеол-

огическом ракурсе марксизма оказался задымленным паровозом, у которого “в коммуне остановка”, но самоочевидно также и то, что заявление “московского Аристотеля” — премьера Чернобырдина о строительстве общества “без капитализма и социализма” — это как раз и есть фундаментальная проблема рефлексивного порядка, которую следует разрешить современной плутократии. Ведь “садом божьим” Вавилония стала лишь тогда, когда труд человека стал изменять природу этой речной долины. На историю Древнего Востока и Древнего Египта не лег громадный вес могильного праха вечности не только потому, что эти цивилизации оставили после себя руины зиккуратов и пирамид, но прежде всего потому, что они нашли способы самоопределения своих наций, у которых Вера как самоопределение рефлексии личности была путеводной звездой (Струве В.В. История Древнего Востока. М.: Соцэкгиз, 1934; Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М.: Наука, 1975). И здесь безразлично, имеем ли мы дело с социалистическим Китаем с его новыми экономическими формами общежития, или Японией с ее психологией общества трудоголиков, где совершенно отсутствуют сырьевые ресурсы. Государство пронизывается самим культом труда. Вот именно эта проблемная ситуация разрешается государственной плутократией в духе новоявленных пророков из Америки. Как заявил Н. Рокфеллер: “Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и банкиров более предпочтительная, чем право народов на самоопределение, которому мы следовали в течение веков”. Вот почему З. Бжезинский утверждает: “Россия будет раздробленной и под опекой”, а Г. Киссинджер добавляет: “Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство” (Советская Россия. 1994. №95). А среди российских парламентариев распространялся любопытный документ, в котором запрашивалось мнение депутатов по установлению конституционной монархии в России с возведением на престол принца Георгия Прусского Гогенцоллерна при регентстве его матери и Б. Ельцина (там же — С.А.К.). Столь “развлекательные методы” работы в среде российских парламентариев могли бы и не заслуживать особого внимания, если бы в средствах массовой информации не уделялось значительного места посещению “наследником Российского престола” Санкт-Петербурга и

намерению его поступить в **Нахимовское** военно-морское училище, если бы не многочисленные публикации материалов об экспертизе останков расстрелянной царской семьи, их подлинности и уж совершенно обескураживающее заявление одной из членов семьи **Романовых** — **Ольги Куликовской-Романовой** в октябрьском номере “**Известий**”:

“... Эти эксперименты и пародия на следствие совсем не утверждают истину. Они больше сеют сомнений. Меня удивляет позиция российской интеллигенции, журналистов. Вместо того, чтобы положить предел издевательствам над родственными чувствами ныне живущих ближайших родственников царской семьи, они больше нагнетают духа сенсационности и подыгрывают нечистоплотным политикам”. Таким образом, затрагивается еще одна проблемная ситуация плутократии в демократическом экстазе — проблема общегосударственных отношений — противоречий и единства плутократии и интеллектуальной элиты — журналистов и интеллигенции. По остроумному заявлению **Марии Мироновой**, в свое время прозвучавшему на телевидении: “Когда в нас есть необходимость, нас приглашают коллективно, а затем до следующей встречи о нас забывают...” — ясно одно — интеллектуальная элита не просто заложник плутократических игр, выполняющая социальный заказ очередной государственной системы, такая интеллектуальная элита в коллективе теряет свое самостоятельное и критическое лицо, мыследеятельность личности и оказывается безликой массой, позирующей фотографу. Эту любопытную ситуацию можно проиллюстрировать, в конечном счете, своего рода “моделью управления”, например, культурой: “... В иных умах сложилась и вовсе жесткая модель управления. На посту главного дирижера (**Большого театра** — **С.А.К.**)... видится непременно **М.Л. Ростропович**, на посту руководителя оперной труппы — непременно его супруга **Г.П. Вишневецкая**, на посту главного балетмейстера — непременно **М.М. Плисецкая**, а на посту директора **Большого театра** — непременно ее муж композитор **Р.К. Щедрин**” (**Бекедин П. Большой: час пик // Советская Россия. 1994. 3 ноября**). Даже выступление в Думе нашего публициста и писателя **А.И. Солженицина** после его приезда из Америки было обставлено своеобразным шоу плутократии, что не помешало **Александр** **Исаевичу** тем не менее увидеть своим критическим и

самостоятельным взглядом “одиночки, а не коллектива” существо дела в России: “... Если это правда, что мы хотим идти к демократии, то есть к полной власти народа над собственной судьбой, так дайте нам идти к ней. Дайте, наконец, давайте начнем, этот исторический шанс сегодня не упущен. А какой у нас строй сегодня? Никак не демократия, сегодня у нас, признаем честно, олигархия, то есть власть ограниченного замкнутого числа персон”. (Сов. Россия, 3.11.94.) Увы, увы, наш мудрый писатель, видимо, упустил из внимания, что в России всегда было место и Емельяну Пугачеву, и Сергию Радонежскому..., но он правильно понял плутократическую сущность государственных тенденций, очевидный произвол которых отмечают и юристы Думы, обращаясь к депутатам Совета Федерации: “.. стали нормой вопиющие нарушения закона, которые были немыслимы ни в какое застойное время: прокуроры санкционируют незаконные постановления органов дознания о назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела; ... роль главного законника страны непосильна для того, кто пристегнут к исполнительной власти, кто, не стесняясь, занимает ее незаконным путем”. (Сов. Россия, 22.10.94.)

Мерило истинности включает в себя понятие добросовестности: добросовестное искание должно содержать истину в наиболее цельном виде. Рефлексивные проблемы плутократии, проблемы оскопления демократии и свободы на фоне кажущихся проблем рынка труда, и тем более труда интеллектуального, — есть существенный момент “демократического экстаза”. Истина труда, выражаемая словами: “Живи так, как если бы ты завтра умер, но в работе усердствуй так, как если бы ты жил всегда”, — является мерой эффективности государственной машины. Фундаментальная идея полезного труда рефлексии заключается в том, что, как бы не были глубоки врожденные способности человека, они могут быть реализованы только посредством самого напряженного труда. Сможет ли обеспечить такой труд России экономика до 2000 года? Способна ли государственная система при существующих в ней авторитетах реализовать такой принцип хотя бы с к.п.д. 1–5%, т.е. в 5–25 раз меньше к.п.д. неживой машины — паровоза? Или просто это не предусматривается существующей

системой? Ответ на этот вопрос дан в хитрых и умных статьях А. Лившица в “Известиях” за 1994 г. в № 217–218: “... Проявится тенденция к снижению банковских ставок, которые через пять лет упадут до 20–25% годовых.... Судя по всему даже к 2000 году Россия не сможет снизить инфляцию до отметок, характерных для развитых стран”. И это говорит советник Президента по экономическим вопросам. И это звучит уже после различных уверений о стабилизации, после... забытой всеми программы “500 дней”. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в той же газете за № 171 1994 года интеллектуальные трудоголики, как лауреат Нобелевской премии Александр Прохоров, передают окружающим свой крик души в статье “А нужен ли я своей стране?” И на вопрос: “Сколько же времени вы сможете продержаться в таком неустойчивом положении?” — получаем ответ: “Года два-три от силы. Потом уже начнутся необратимые процессы, и мы неудержимо скатимся вниз”. Сопоставление умозаключений А. Лившица и А. Прохорова отчетливо приводит к мысли, что до 2000 года государственная система не собирается восстанавливать принцип не только интеллектуально-трудового равновесия в стране, но и прочих форм экономического равновесия. И речь здесь идет, как можно понять, не о способности плутократии восстановить товарно-денежные отношения в стране, а о проблеме вообще их не восстанавливать до текущего тысячелетия. Эта ситуация в сельском хозяйстве уже начинает прорастать Чевенгуровским раем:

Пускай вся почва родит самосевом.
А ты живи и веселись.
Не дважды кряду происходит жизнь,
Со всей коммуною святой
За руки честные возмись
И громко грянь на уши всем:
Довольно грустно бедовать,
Пора нам всем великолепно жировать.
Долой земные бедные труды,
Земля задаром даст нам пропитанье.

Проблема “щучьего веления, моего хотения” всегда была типичной проблемой, и не только в России времен Конькагорбунка и Старика со Старухой, но и Осипа, лежащего в

барской постели с его: “Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях да ешь пироги”. Поэтому плутократии невыгодно нарушать традиции “русской самостоятельности”. Она готова драпироваться в русские одежды, добывая на пропитание (себе) строительством медных Колумбов в Америке, отправляя за границу 19 вагонов с медью, пытаясь вывезти из России 130 килограммов амальгамы золота с 70%-ным содержанием драгоценного металла...” А у Генеральной прокуратуры не хватило даже смелости поинтересоваться у тех же Лужкова, Шумейко, Шохина, Черномырдина, что ими-то двигало при проведении антизаконных действий и осуществлении отеческой прямо-таки опеки международных авантюристов”. (Николаев Ю. Медный спрут // Известия. 1994. №111).

Использование политиками национальных форм сказочного, мифологического сознания общества служит источником упрочнения своего положения в обществе. Играя на далеких светлых сторонах жизни этого сознания, коллектив с партийной дисциплиной, разработав принципы и цели достижения как ни странно простого “гешефта” в обществе с мифологическим сознанием, отягченным этническим кодовым замком, способен “играть”, и довольно долго во времени, на чувствах общества и нации. Смысл разговоров о “фашизме, черносотенных повадках” слабо чем отличается от различных “партийных конструкций” в том смысле, что этническое и мифологическое сознание общества используется ограниченным коллективом сначала для достижения своекорыстных целей, а затем эти цели объявляются целями всего общества. Для воспрепятствования такого рода устремлениям к самосолипсизму коллектива общество с диктатурой закона должно уравнивать свои же собственные недостатки. Даже во времена О. Кромвеля последний не мог быть арестован и предан суду по решению короля как член парламента без решения парламента. По решению же Алексея Михайловича Тишайшего его “собинный друг” патриарх Никон был уже обречен судом патриархов. Столь часто “всеу” поминаемый теперь И.В. Сталин при всех его недостатках отлично знал и чувствовал “традиции северных народов Кавказа”, в чем уже убе-

ждается и молодое поколение современников, и, вникая в “различные мелочи”, понимал, что “каждое новое начинание партии можно превратить в мелкое и никчемное крохоборчество”. (Вопросы ленинизма. М.: ГИ, 1931. С. 752). И на вопрос иностранной рабочей делегации: “Как увязываются водочная монополия и борьба с алкоголизмом?” — чувствуя характер общества и нации, которую он возглавляет, в отличие от лигачевцев, твердо отвечал: “Отказаться ... от водки, значит отказаться от ... дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном. Здесь играют, очевидно, известную роль серьезные недостатки культурного развития деревни” (там же, с. 367).

Кажется, вот отличие человека, который “академиев не кончал и в пажеском корпусе не обучался”, от “орлов партийного толка” горбачевской перестройки. Поэтому **РОЛЬ ИМЕНИ** в национальных традициях общества и коллектива, **ИДЕЯ ИМЕНИ** в этнической сущности государства оказываются главенствующими в рефлексивном сознании масс, учитываются любой партийной или религиозной конфессией (“... евангелист Иоанн, когда он называет Господа Иисуса подлинным, живым именем Божиим. **В Нем** исполнилось то, чего не могло исполнить одно только слово..... **В НЕМ** — именно это имеет в виду Евангелист — Бог реально стал Тем, **КОГО** можно звать.... Отныне имя уже не просто слово, за которое мы цепляемся, но плоть от нашей плоти и кость от наших костей. Бог — один из нас”, — вот как кардинал Йозеф Рацингер образно и доступно разъясняет идею рефлексии от ограниченного коллектива верующих к массам (Введение в Христианство. Брюссель, 1988. С. 91). **Плутократические** игры теряющего свой имидж коллектива, чьи рефлексивные установки являются уже не собственными, а коллективными, превращаются в начетничество — “лишаются плоти и костей”. Вот как один из крупнейших духовных писателей XX в. Томас Мертон писал Алексею Суркову по поводу остракизма в России произведений Б. Пастернака: “... вы не любите ни Россию, ни человечество, а преследуете исключительно интересы политического меньшинства **Я** пишу вам не как ненавидящий вас враг, а как друг. К рус-

скому народу я испытываю величайшую, искреннейшую любовь и безграничное восхищение. Теперешние же руководители России не вызывают у меня ни ненависти, ни страха, а только печаль”. (Логос. Брюссель-Москва. 1978. № 1–4. С. 229).

Рефлексирующий коллектив научно-технической интеллигенции в своей наибольшей массе в отличие от наименьшей (одна из которых — высшая, перешедшая к буржуазному делячеству; другая — низшая, тяготеющая к рабочему пролетариату) выдвигает свой идеал рефлексии: планомерная организация труда и распределения под руководством ученых — экономистов, инженеров, врачей, юристов. Такая группа создает, естественно, для себя привилегированные условия. Но создаются и удовлетворительные условия жизни для трудящегося народа. Получаемая гармония интересов в виде централизованной республики, существующей в условиях диктатуры закона, фактически наследует прозападный идеал государства, но при этом отчетливо представляет, что Западные государства капиталистического толка уже давно на “рудиментарном уровне” усвоили, что “лучше поделиться с обществом накопленным богатством, чем быть ограбленным или зарубленным ледорубом”.

В противном случае вспышки экономической борьбы, социальные язвы (экономическое неблагополучие целых регионов, бензиновые и денежные бунты, повышение смертности, пандемий, беспризорность, нищета) не смогут долгое время быть способом выпуска “естественного пара” для оздоровления экономики, а выльются в безусловную классовую дифференциацию с нарушением коллективистского идеала, анархией масштаба тем значительней, чем шире и непредсказуемей этническая машина общества. На этом фоне уголовная Россия с ее законами и артелями (Уголовная Россия. М.: Терра, 1990) покажется просто приятным времяпровождением.

В борьбе с природной стихией человек в коллективе приспосабливается не только путем рефлексов, но и рефлексивного мышления (целесообразно-сознательных усилий), активно влияя на эти условия путем трудового процесса. Но ведь сам трудовой акт — это рефлекс и рефлексирующее состояние. Поэтому коллектив, и тем более общество, если оно намерено

построить для себя комфортные условия жизни, должно перейти от рефлексивных трудовых междометий (“гоп-ля”, “эй, ухнем”) к рефлексивной логике и диалектике с ее творческим энтузиазмом. Пластичность творческого процесса как процесса трудового, разумеется, не должна покоиться на одном голом энтузиазме (это мы уже проходили и проходим сейчас), пластичность творческого процесса — это та форма трудового процесса в обществе, в которой отсутствуют природные ресурсы, но в изобилии конечный продукт и достойная обеспеченность самого общества (Япония, Тайвань, Сингапур как первое приближение). Абстрактный анализ рефлексии — самый трудный метод индуктивного исследования, в котором дедукция оказывается путеводной звездой в том плане, что усвоенные корни экономического развития в странах Запада должны быть непременно соединены с экономическими прототипами Востока, ибо по верному утверждению А. Блока, “скифы мы”. В этом и заключается таинственность этноса России, его мистика, но не фанатизм порабощения личности гнету властной идеи, Россия — это страна внутренне свободных людей, широких и гуманных, строгих к себе, но снисходительных к другим, она инстинктивно определяет направления, основываясь на величине углов между своими лучами зрения, обращенными к солнцу, к горизонту, к звездам. Плутократия же — прах земной, прилипший к крыльям, то, что отягчает полет мысли и служит источником противоречий, недостатком идеализма по содержанию, а в структурном смысле составляет трагическую судьбу общества, которую невозможно преобразовать только одними идеями. В нашей современной ситуации справедливо будет отметить словами В. Соловьева, сказанными им в предисловии к переводам Платона: “Гениальнейший ум сам по себе недостаточен не только для того, чтобы перейти в область сверхчеловеческого, но и для того, чтобы удержаться на уже достигнутой высоте”. Чума у Пушкина, обманная клятва демона у Лермонтова, мировой хаос в печной трубе у Тютчева, птицы в “Буревестнике” у Горького — все эти символы сущностной неустроенности общества, переосмысленные рефлексирующим сознанием личности, внесенные в сознание коллектива, становятся опорной точкой

поведения общества в целом, становятся на долгие годы сознанием самого общества.

Умозрительные построения рефлексии становятся материальными, двигающими началами всего общества. Такую ситуацию можно оценивать как творческое всеединство работы личности – коллектива – общества [32, 64, 65]. Ведь плутократия сегодняшнего дня — это в известной степени и есть плутократия вчерашнего и даже гоголевского времени. “Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего... Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку и привлечь его расположение, но Чичиков попробовал”. Плутократия гоголевского времени — это и плутократия, например, Франции периода Второй империи времен Наполеона III (Ардашев П.Н. Дополнение к лекциям по всемирной истории проф. М.Н. Петрова. Спб., 1910. С. 104–132), но это и плутократия в том числе и сегодняшнего дня в плане политической эмансипации народов югославского региона. И результат ее действия налицо во все эпохи и во все времена: потерянные люди, живущие без истины и победного конца.

Нельзя помочь плутократу, погруженному в Ночь Духа, но он и не нуждается ни в какой помощи, так как его помощь всегда с ним. Он уже понял, что государственный ареопаг, его защищающий, создаст ему условия процветания, а не равные условия для всех. И эти условия превратятся в конечном счете в условия семейные. Частные семейные холдинговые компании — излюбленный метод обеспечения неприкосновенности крупных состояний и центрального управления ими (даже если доходы от них фактически распределяются между десятками и сотнями двоюродных братьев и сестер, теток и родственников по брачным узам). А далее все впереди. “Размеры управляемых ими активов зачастую позволяют им выдвигать кандидатов в советы директоров корпорации... Большие пакеты акций... не являются их собственностью, но наделяют их огромной закулисной властью”. (Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М.: Прогресс, 1975. С. 278). А далее уже безразлично — каким образом будет происходить создание “панамы”. Или это будет приличная во всех отношениях организация ГАЗПРОМ, или Рус-

ский Дом Селенга — создатель одной из крупнейших в России сетей по сбору денег. **И** тогда за несколько тысяч рублей можно купить не мертвые души, а десятки миллиардов рублей. Основателям РДС показалось тесно в рамках хоть и очень денежного, но все же товарищества, и они решили учредить акционерное общество с гордым названием “Союз” и уставным капиталом 100 миллиардов рублей... **Ни** учредительный договор, ни устав АО “Союз”, опубликованные в газетах, никем не были подписаны. А это значит, что опубликованные материалы никаким образом нельзя считать учредительными документами... А сейчас эта организация в целях повышения своего престижа предлагает провести аудиторскую проверку своей системы некой английской фирме, которая, разумеется, не несет никакой ответственности перед вкладчиками РДС. **Ну**, уж такова природа бывшего советского человека — “испытывать трепет” перед всем иностранным. Культивирование рефлексии у коллектива, а не только общества находится на очень низком уровне, и такому коллективу более чем далеко до самостоятельного и критического принятия решения по многим вопросам, а тем более экономическим. **Поэтому** наше общество пока удовлетворяется “принятыми постановлениями по решению экономических и политических проблем”, выбрасываемыми, как из рукава карточного шулера, начальниками всех мастей, властями придержащими. **И** здесь ситуация перешагивает все возможные границы и не является лишь болезнью России. Белоруссия и Украина, Казахстан и Киргизия, Эстония и Латвия, не говоря уже о районах Закавказья и Молдавии. **Плутократия** наднациональна и даже интернациональна при полной или почти полной рефлексивной безграмотности и правовой незащищенности и общества, и коллектива. Уроженец Казахстана Баданов, осужденный за хищение госимущества, злоупотребление властью, связанный с московскими преступными группировками, предложил председателю Верховного Совета Белоруссии помощь в устранении председателя КГБ Ширковского и министра внутренних дел Владимира Егорова, поддерживал тесные связи с советником Шушкевича Василевским, которого прочили на пост КГБ Белорусии, занимался неприкрытой торго-

влей оружием. (Старикевич А. Прием на высшем уровне получали в Белоруссии главари мафии. Известия. 1994. № 207).

На фоне столь мощных плутократических игр в демократическом экстазе естественным порывом коллектива и даже общества в целом являются симптоматичные слова песни в исполнении Ф. Киркорова: “Пропади все пропадом...”. Ограбление, разграбление, оскотление, отчуждение экономики страны от пусть и номинального собственника ее — народа, общества, коллектива при полном рефлексивном их невежестве ставит во весь рост проблему культивирования рефлексии в обществе не менее основательно, чем приобретения обществом грамотности чтения, работы на компьютере, умения не только заработать деньги, но и сохранить их. Когда недавно по телевидению Президент страны с плохо скрытым сарказмом вспоминал о своей четырехчасовой встрече с писателем А.И. Солженициным, строящим схему возрождения России на модели земства, возможно, он не до конца понимал эту проблему, преподнесенную ему писателем, и притом со свойственной писателю эмоциональностью, столь нетерпимой раньше в партийных кругах. Но ведь сама проблема восходила к записке, составленной комиссией Н.Н. Кутлера, “о платном принудительном отчуждении части частновладельческих земель в пользу малоземельных крестьян”, что, кстати, привело последнего к полной отставке от всех должностей (Витте С.Ю. Воспоминания. М.: ИСЭЛ, 1960. Т. 3. С. 199–205). Нужно сказать, что вопрос о земстве — один из самых запутанных вопросов в России, смысл которого никогда не исчерпывался общинным землевладением, более того, в силу кардинального изменения менталитета личности колхозника, крестьянина в современных условиях едва ли возможен поворот “колеса истории вспять”. Тем не менее дело даже не в сути вопроса о земстве, а в том, что современная государственная машина, которую хотели перестроить за 500 дней (!), снова поздорову настраивается на принятие решений и постановлений, а не на решение проблемы по существу. И выступление здесь А.И. Солженицина напоминает появление на сцене русской истории (после ссылки) графа Сперанского с его “обустройством земли русской”, которое, как известно, закончилось простым отстранением его от дел.

Указанные многочисленные примеры поведения плутократии в демократическом экстазе, а также формы решения ей проблем за счет коллектива и общества со всей очевидностью демонстрируют факт необходимости изменения любых организационных систем (в том числе и хозяйственного толка) и сведения их к системам интеллектуальным [66]. Иллюзия компьютерной революции может превратиться в реальность только в том, и только в том случае, если за такой революцией будет стоять, по крайней мере, рефлексивная грамотность коллектива, т.е. его интеллектуальность. Методики, алгоритмы, партийная принадлежность — вещи одного порядка, в том смысле, что без консультанта-рефлексолога нельзя выйти из слабоорганизованного информационного пространства, которое в лучшем случае порождает лишь суждения с закрепленными формами мнений, а не истинное решение проблемной ситуации с ее детерминированным множеством этических, этнических и социально-психологических факторов. Поэтому для решения всех этих сложнейших вопросов и противостояния плутократии коллектив как таковой имеет только один-единственный выход из любых перечисленных проблемных ситуаций: быть верным корректирующим жизнь формам саморефлексии.

А потому и закончить это исследование можно так: “Словом, всяк верный стремится быть тем, и слушающим и творящим вместе, которого обещает Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на песке, но на камени, так что, если бы тут же, по выходе из церкви, набежали на него дожди, реки и вихри всех бедствий, его духовная храмина осталась бы неподвижная, как твердыня на камени”. (Гоголь **Н.В.** Размышления о Божественной литургии. Мистико-моралистические сочинения. Спб.: Просвещение, 1909. С. 367.)

Δεῦρὰ 8

Ἰ ἈΒΑΑἸ ἘΝΑΕῸἸ Ἰ -ἘΑΟΕἈΕΝΕΑἸ Ἰ Ἀ Ἰ ΟΘΕἈἸ ΕἈ
ΕἈΕ ἘΝΟἸ × Ἰ ΕΕ ΟΑἸ Ἐ×ΑΝΟΑΑ

(Идея и информация в умозаключении, наслаждении
и умыслах зла и лжи)

Пой, Бельман! Я не видел никогда,
как дремлет лето на мужской ладони,
как зиждут архитравы на колонне, —

ты на плечах выносишь без труда
всю радость. Эта ноша нелегка:
мы, Бельман, не подобье мотылька,
я это признаю, не споря.
И счастья полнота и тягость горя
имеют вес.

Рильке Р. М. Ода Бельману // Новые стихотворения. 1977

Ощущение острого трагизма и непрочности земного бытия, переживаемое Р.М. Рильке в его “Оде Бельману”, как бы свидетельствует, что в творчестве нет границ между временем и лицами и сегодняшнее бытие увязывает воедино и саму поэзию поэта-анакреонтика К.М. Бельмана (1740–1795), и самого Р.М. Рильке (1875–1926), и даже переводчика Г.И. Ратгауза, самобытно уловившего пластику не только стиха и смысла, но и созвучий оригинала оды Бельману. **И** потому снова и снова для новых поколений возникает вопрос: как возможно творчество вообще, а не только в науке или искусстве?

Мы многое помним, но многое и забыли, наблюдая живое пламя жизни в творениях науки и искусства, придумывая растянуть мир новых необъезженных дорог до тупика большого пространства, где уже нет никакой твердости, а люди от своих сомнительных успехов вырождаются в ржавчину. Беспощадно царапая своим радостным сочувствием текущие события времени на гармонических перевалах своего величественного: “Человек — это звучит гордо!” и уже забыв о каннибализме в своей собственной среде, мы тщетно ищем угол опережения своей жизни.

Мы не воспринимаем того факта, что наслаждаемся **ИНФОРМАЦИЕЙ** и развлекаемся взаимным осложнением рабочих мест, полагая, что когда вырастем, то поумнеем, учащая в течение года праздники в календаре и забывая, что время — это движение горя, в котором пропадают не рожденные нами **ИДЕИ**, решения проблемных ситуаций, будь то в жизни, науке, искусстве. **И** целом — обществе. **Но** эти **ИДЕИ** поставлены, и они должны решаться, и мы должны не забывать о них, как “Отче наш”, в окружении улегшейся огромной природы.

На вопрос о том, почему настоящее искусство никак не может быть несовременным и “неверным насущной действительности”, ответ законченно был дан в идеях Достоевского:

“Во-первых, по всем вместе взятым историческим фактам, начиная с начала мира до настоящего времени, искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала, — рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью и умирало вместе с его исторической жизнью.

Во-вторых (и главное), творчество, основание всякого искусства живет в человеке, как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком. А следственно, творчество и не может иметь других стремлений, кроме тех, к которым стремится весь человек. Если бы оно пошло другим путем, значит разъединилось бы с ним. А следственно, изменило бы законам природы.... Оно (творчество, искусство — С.А.К.) всегда будет жить с человеком его настоящей жизнью; больше оно ничего не может сделать. Следственно, оно навсегда останется верно действительности...

И потому первое дело: не стеснять искусства разными целями, не предписывать ему законов, не сбивать его с толку, потому что у него и без того много подводных камней, много соблазнов и уклонений, не разлучных с исторической жизнью человека. Чем свободнее будет оно развиваться, тем нормальнее разовьется, тем скорее найдет настоящий и полезный свой путь”. (Достоевский **Ф.М.** Полн. собр. соч. Спб, 1895. Т. 9. Ч. 1. С. 84–85.)

В этой пространной выдержке следует особо обратить внимание, что “основание всякого искусства живет в человеке, как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком”. Человек живет не в пустоте собственного сознания с закрытой верой в сердце и кромешной ночью в обычной тоске, но, почувствовав удовольствие быть умным человеком, начинает распознавать чужие племена и голоса, в нем говорящие.

Эта способность к регуляции, или точнее к саморегуляции, в условиях внешних и внутренних воздействий на систему, способную оставаться в замкнутом состоянии, обычно называется *гомеостазисом*.

От космистов (**Вернадский**, **Циолковский**, **Чижевский**, **Федоров**, **Флоренский**, **Тейяр де Шарден**) до сторонников структурно-функционального анализа в социологии (**Р. Мертон**, **Т. Парсонс**),

до их противников (Ч. Милс, К. Дейвис, П.А. Сорокин) — прослеживается удивительное единение мнений касательно необходимости существования равновесия в системе, сохранения ее гомеостаза.

В чем причина стремления познающей системы к гомеостазису, к относительной замкнутости, регуляции, упорядоченности, организации и самоорганизации?

Объективная причина такого стремления при любых формах взаимодействия Человека и Вселенной — сохранить состояние равновесия между ними, т.е. сохранить популяцию Человечества. Хаотическому воздействию, направленному на разрушение такой саморегуляции как извне, так и изнутри системы, противопоставляются силы упорядочения, организации и самоорганизации. Как результат такого равновесия функциональных сил и их дисфункций есть (по крайней мере это необходимое и достаточное условие) равенство их разности нулю, что соответствует решению задачи на экстремум относительно совершаемой системой полезной работы.

Следовательно, объективная причина — почему возможен гомеостазис? — проявление в замкнутой системе таких механизмов, которыми возможна реализация максимально полезной работы [16, 67].

Если объективная причина гомеостаза отвечает на вопрос “почему?”, то субъективная причина лежит в плоскости, как возможен гомеостазис в интеллектуальных системах?

Однако в том-то и ценность человеческого познания, обогащенного знанием, закрепленным логическими и логико-генетическими связями, оперирующим с множествами, пригодными для решения в том числе и внелогических проблемных ситуаций, что, встраиваясь в ткань психики индивида, рефлексия как самопознание в трансцендентально-парадоксальном (рассудочно-чувственном усвоении динамических противоречий) единстве апперцепции (сознания) выступает не просто как личность, а личность ментальная, духовная.

Такая личность в своей единственности уже самопознается как личность творческая, поддерживаемая собственным энтузиазмом, для которой узки рамки ригористического сознания даже в условиях лагеря, и тем более в условиях лагеря. Такая

личность не может быть разрушена текущими политическими надстройками и кризисами политических режимов.

Поэтому такая личность способна предзнать ситуацию, опережая время. Такая личность способна к самоорганизации в силу взаимнооднозначности рефлексивных процессов и процессов физико-химической природы субстрата мозга, механизм работы которых есть функциональный безразмерный код (ФБК) [16, 62], т.е. синрефлексия.

Для такой личности выполнение сентенций президента Мао: “Вы едите красный перец? Красный охранник должен есть красный перец” — равносильно мыследеятельности чевенгуровца: “Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться”.

Действительно, всякая информация является необходимой предпосылкой для регулирования центральной нервной системой всех функций организма, поддержания постоянства его внутренней среды, т.е. гомеостаза. Такое приспособление организма к изменяющимся условиям возможно благодаря интерорецепции, имеющей механическое, химическое, термическое, осмотическое содержание, но высшие функциональные уровни головного мозга, как показывают современные психологические исследования, кодируют внешние явления в форме структурных моделей, противопоставления энергии и структуры и т.п. Структурный подход основан на пространственной модели психического аппарата, в котором сети замкнутых внутриорганизменных коммуникаций обладают закономерной способностью к саморегуляции. Таким образом вскрывается интимная природа динамической устойчивости и приспособляемости к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, т.е. выясняется, как возможно возникновение гомеостаза.

По существу оказывается, что кантовское определение “максимы как субъективного принципа действия, который сам субъект делает для себя правилом” (Кант **И.** Соч. М.: Мысль, 1966. Т. 4(2). С. 137), и определение Достоевского, что “основание всякого искусства живет в человеке как проявление части его организма”, есть свидетельства гомеостатического процесса.

В плане кибернетической формулировки такое явление, как гомеостазис, в процессах управления интеллектом следует связать с понятием оптимизации. Так возникает формулировка чисто кибернетической задачи: каким образом возможно возникновение упорядоченной структуры, источником которой служит в принципе хаотизированная информация, поставляемая интерорецепторами и преобразуемая на уровне психического сознания рефлексией в структурно-упорядоченный продукт. Такой продукт может играть и роль умозаключения, т.е. нового знания, решения проблемной ситуации, но он же может быть чисто ментальным продуктом, который несет на себе рефлексии, скажем, православного старчества (старец Лев, старец Серафим Саровский, старец Силуан) или поэзии, которая по меткому заявлению Э. Манделштама “не ночевала в простынях прозы”, и здесь семиотическое, знаковое воплощение образов может задаваться в самых различных формах (Гельдерлин, Пушкин, Уильям Блейк или Рильке — безразлично). Рефлексивный гомеостазис не перестает быть таковым и в том, и в другом случае. Более того, как показывает ментальное развитие общества в целом, на протяжении истории психической самоорганизации человеческого сознания в значительной степени безразличны пути достижения гомеостазиса. Гомеостазис зависит от начального и конечного состояния системы как в плане его равновесия с окружающей средой, так и в плане его самоорганизации и оптимизации. Но механизм восприятия внешней информации, имеющей любое, в том числе и смысловое содержание, и дезинформации, осуществляемый интерорецепторами, есть функция периодическая от снимаемой информации [32], аналогично тому, как музыка в ее многообразии [68] воспринимается теплокровными животными и сознанием человека через работу сердца и пульс крови.

Концептуальные и инструментальные средства интеллектуальных систем лишь дополняют и делают более разнообразными формы упорядоченной, организующей и самоорганизующейся работы человека [66].

Интеллектуальная система, как система гомеостазиса, обрабатывает вводимую в интеллект информацию уже как

информацию упорядоченную, подвергая ее лишь форме опознания на уровне рефлексии, или точнее на уровне ее рефлексивной грамотности, соотнося ее с объективной действительностью и последствиями, например, при решении конкретной проблемной или ментальной ситуации.

Рефлексивно-парадоксальное мышление может приводить к умозаключению — новому знанию; наслаждению — информационным экстазом возможности появления события, которое никогда не будет реализовано; заблуждению, которое в зависимости от психо-физиологической ориентации приводит к преднамеренной и непреднамеренной дезинформации и дезориентации, выражаемым в том числе в форме умыслов лжи и зла. Умыслы лжи и зла, как формы рефлексивного мышления, отрицаются умозаключением как экскременты жизнедеятельности.

По Канту, “противоположность истине — ложь. Ложь есть унижение и как бы уничтожение человеческого достоинства в себе. Человек, который не верит тому, что он сам говорит... имеет еще меньшую ценность, чем если бы он был просто вещью”. (Кант **И.** *Метафизика нравов* в двух частях. Соч. Т. 4(2). С. 366–367.) Примером умысла оправдания ЛЖИ может служить работа **В. Пешего** “Антидуховная “религия” в рамках парадоксального мышления” (Новосибирск, 1994. 50 с.), где имеется даже специальный параграф, посвященный такой форме умысла: “**Психические стрессы, длительный период полового созревания и ЛОЖЬ** — есть причины появления и инструменты совершенствования Человека”. Вот классический пример парадоксально-рефлексивного мышления, в котором в форме умысла декларируется заблуждение. Это тем более интересно, что данная работа рекомендуется категории лиц, именуемых автором — ЛПГР, лицам, принимающим государственные решения. В качестве сарказма можно предположить, что ряд ЛПГР обладают явной склонностью к подобного рода умыслам, но в отличие от автора цитируемой работы просто скрывают таковые свои качества, т.е., по Канту, являют собой неодошевленную “вещь” в чистом виде (см.: Кант **И.** *Об изначально злом в человеческой природе.* 1792). На этом фоне “современных философских игр” даже может появиться впечатление, что “**Оправдание добра. Нравственная философия**” **В.С. Соловьева** уже не имеет смысла, а краугольным кам-

нем служит снова философия знаменитого готтентота, утверждавшего, что “добро — это когда он украдет много коров, а зло — когда у него украдут”. (Соловьев В. Соч. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 98). И все же вслед за философом-космистом Н.Ф. Федоровым полезно помнить: “Добро есть сохранение жизни живущим и возвращение ее теряющим и потерявшим жизнь”. (Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 608).

Анализ форм парадоксально-рефлексивного мышления содержательно укладывается в аксиоматическое умозаключение И. Кеплера [69] о том, что “величины, обладающие формой, душам воспринимать легче, чем бесформенные величины”. Вот почему любое художественное произведение опознается читателем не декларацией, а формой самого произведения: «“Жизнь и приключения Мартина Чезлвита” — это форма парадоксально-рефлексивного мышления, а информация, даваемая Ч. Диккенсом по этому поводу, есть умозаключение: “Превратите коммерцию в сплошную ложь и повальное воровство, топчите знамя нации, как негодную тряпку, оскверните его звезда за звездой, сорвите с него полосу за полосой, как срывают погоны с разжалованного солдата, — все что угодно ради долларов!”» (Ивашева В.В. Творчество Диккенса. М.: МГУ, 1954. С. 146). Форма опознания истины или ее части подсознательно методом рефлексивно-парадоксального мышления зачастую содержится даже не столько в смысле текста, сколько в мелодии сочетания гласных и согласных, опосредствующих структуру сложности языка как форму сложности самого сознания: “И сие единь инокъ, къ единому богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книги перевелъ в малых летехъ, богу помогающе ему; а они мнози филосифи, многими леты, седьмь философвъ, едва азбуку уставили, а 70 мужь мудрецъ преложение перетолмачили...” (Хрестоматия по древней русской литературе. М.: ГУПИМ, 1952. С. 192). Лев Толстой, читая роман Мопассана “Милый друг”, находил, что роман загроможден “грязными подробностями, в которых, к сожалению, как будто se plaît (находит удовольствие) автор” (см.: Данилин Ю. Мопассан. М.: ХЛ, 1951. С. 123). Если полагать, что маститый титан от литературы не лукавил, то что же останется от произведения “Милый друг” по его форме, если оттуда удалить “грязные подробности”. Чехов как беллетрист поразительно точен

и отчаянно современен, когда описывает свое путешествие на Сахалин: “Мы... размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей” (Ермилов В. А. П. Чехов. М.: СП, 1954. С. 221), но его художественные произведения носят отпечаток той парадоксально-рефлексивной “размытости”, как и полотна К. Моне.

Реальность, которая опосредствуется как галлюцинация, есть та форма парадоксально-рефлексивного мышления, которая усиливает психическое восприятие реальности: “В бреду ему кажется, что всем солдатам, всем офицерам и ему самому головы заменили граммофонными пластинками. Вот почему их так легко вести на бойню! Раненый в ярости бьет себя по голове, чтобы сорвать пластинку, и умирает. А старый майор с пафосом произносит над его трупом: “Он умер, как истый венгерец, — с маршем Ракочи на устах!” (Роллан Р. Соч. М., 1958. Т. 14. С. 401.) Галлюцинация как реальность, как парадоксальность осмысления действительности приближает нас к разгадке тайны дезинформации.

В настоящее время категория дезинформации, несомненно, должна быть признана формой инновации, т.е. новообразования, как динамически изменяющаяся функциональная категория общества, в котором политические, гражданские реляции и призывы, как и само образование, перестали быть надежным маяком в морском течении, а значит, можно быть уверенным в том, что социализма у нас не будет.

Стало ясно теперь, что слой грустных уродов, не нужных социализму, не ликвидируется в далекую “тишину” и наши сердца в разрушенной груди имеют чувства не общего знамени, а легкими, малосознательными телами птиц, не отягченных законами государства, совершают действия, утешая умерших своими словами и наслаждаясь информацией в действиях, представляющих собой преднамеренный или непреднамеренный обман, т.е. дезинформацию.

Все эти ао ммм, рдс, джи мм, все эти лени голубковы и их старшие братья иваны, мари сергеевны и просто мари, с одной стороны, а с другой, колледжи, гимназии и даже университеты и академии, конвертируемые из техникумов и просветучилищ, как это понимает всякий, если не каждый,

ничего не смогут дать учащемуся, кроме наслаждения информацией о приведении этих учреждений в действие, усердной беззаветности самих действующих лиц учреждений, кроме предстоящего чувства уменьшения пустоты в карманах.

Современное образование в развитии интеллектуальных инноваций — это методы и способы воздействия на сознание учащегося комплекса приемов обучения, т.е. возможности принятия решения из серии ориентировочно реализуемых, но отбраковываемых посредством критического и самостоятельного мышления, т.е. интеллигентности. Тем самым только интеллигентность как таковая по своему существу обладает методологией путем умозаключения как нового знания рассекать поток информации, выделяя из него преднамеренную и непреднамеренную дезинформацию. Какова вероятность того, что вновь возникшие колледжи, гимназии, университеты, академии не есть общества “колюшки” пиквикского клуба, которые на новый заграничный лад предлагают нам то же “пролетарское образование”, в котором истина и “кулацкая награбленная кофта” идут в один организованный котел?

Вот почему современная методология развития интеллектуальных инноваций, ее содержание и формы в образовании и культуре подготовки современного специалиста должны быть связаны с опознанием блоков дезинформации политического, экономического и образовательного характера.

Только интеллектуальная система как система гомеостатическая в своей относительной замкнутости, регуляции, возникновении упорядоченности, организации и самоорганизации способна поставить диагноз информационному потоку на присутствие в нем дезинформации как преднамеренной или непреднамеренной формы формально истинного умозаключения, ведущего к потере реальности, или количества максимально полезной работы, или темпа ее получения. Поскольку гомеостазис интеллектуальной системы и есть способ совершения ею максимально полезной работы, то отсюда следует вывод: только гомеостазис интеллектуальной системы позволяет получать максимально полезную работу,

превращение которой в информацию не содержит дезинформации.

Как известно [22], такая информация, величина которой тождественна ее максимально полезной работе, называется информацией Винера, тогда как ее статистический аналог, связанный с энтропией, называется информацией Шеннона. И, следовательно, любой вид дезинформации не есть информация Винера, источником дезинформации может служить только информация Шеннона.

Существующие методы, например, лингвостатистического анализа литературных текстов [5] в форме соотношений: “смысл – текст”, “норма – речь” дают богатый материал для прикладных задач опознания дезинформации, а также служат основанием для диагностики душевных заболеваний. Так закон Пуассона и нормальный закон хорошо описывают распределение служебных слов и словосочетаний, лингвистические единицы, имеющие смысловое содержание, описываются логнормальным распределением лексических единиц, обладающих важным, с точки зрения сюжета текста, значением.

Оценивая эвристичность как логарифмическую меру коэффициента принадлежности к тому или иному высказыванию или тексту, содержащему синтаксическую или смысловую информацию, характеризуемую как нечеткое множество, представляется возможным математически описать размытость границ семантических полей, слов, словосочетаний и предложений, акустических признаков фонемы, границ диалектов и говоров, а также эксплицировать парадокс между коллективным и индивидуальным владением языка и тем самым выделить лингвистические события информации как формы дезинформации [32–62].

Дезориентация как часть дезинформации, по-видимому, не может быть опознана лингвостатистическими методами, поскольку форма такого заблуждения касается оценки правильности сложившейся обстановки, в том числе во времени и пространстве. И вот здесь единственно верным ориентиром может служить навык, полученный учащимся в оценке деятельности его интеллектуального обучения. Мы уже убедились, что простое призывание к социалистическому

порядку есть форма дезориентации и дезорганизации, ибо все равно дальнейшее будет плохо в остужающем вечере природы, а душевное спокойствие жующего скота есть смысл жизни коллективного хозяйства.

Вот почему как бы ни было поставлено преподавание естественных наук в школе, мало обучать физике, химии, математике и ботанике, учащемуся следует сказать о философии естествознания, внушая общие идеи о философии и поэзии природы, и не только в точных науках. Именно в этом случае гомеостатический характер природы порождаемой интеллектуальной системы приобретает “защитный полис” против в том числе и политической, и экономической дезориентации. Человеческая жизнь содержит мало радостных моментов, освещающих ум после трудных и терпеливых исканий, которые могут сравниться с внезапным просветлением ума в процессе получаемого интеллектуального обобщения. Вот почему интеллектуальная система способна не из конъюнктурных соображений, а в силу приобретенного “защитного полиса” противостоять административной машине и ее служителям с чисто плотными лицами святых, с выражением равнодушия вззирающих на просителя. Улыбка Джоконды, с которой Россия глядит сейчас на своих сыновей и дочерей, призывающих к почитанию подкулацких святителей, эта улыбка — не одно имущественное настроение, это улыбка животного, призывающего не вести себя в **СКОРЬБЬ**.

Сила дезинформации и дезориентации определяется прежде всего тем, что такая информация выдвигает людей самовластных, любящих править, организующих потому защиту подчинения людей всякой власти, которая, пугаясь интеллигенции, востребует ее ежедневно и ежечасно лишь в качестве огородника, обрабатывающего землю на своих шести сотках. Интеллигент не может заснуть без покоя истины внутри своей жизни, он должен разжечь костер правды, не принимая твердости руководства за силу любви, ликвидируя далекую тишину грядущей дезинформации, подошвой своего языка затанцовывая в землю “измы” дезориентирующих людей сил, и с усердием беззаветности обеспечить нуждающимся теплое место у костра жизни.

“**В** России конца 19 века нарастают апокалиптические настроения, и притом в пессимистической окраске. За чувством наступления конца мира и царства антихриста можно увидеть чувство наступления конца целой исторической эпохи, разрушения старого мира. **И** это чувство двойственное, печальное и радостное. Русские писатели, наиболее интересные и чуткие, не хотели примириться с тем, что Россия пойдет банальным западным путем ...” — это заявление **Н.А. Бердяева** (см.: **Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990**) как нельзя лучше характеризует особенности и настроения сегодняшнего времени, но по существу является все той же оценкой особенностей парадоксально-рефлексивного мышления, которое так свойственно нашей интеллигенции с ее взлетами и падениями в области творчества в искусстве, науке, постижения умозаключений в форме идей, информации, умыслов добра и зла.

ЁЁОАВАООВА

1. *Сергеев В.М.* Семиотическая типология знаний // Семиотические модели в управлении. Новосибирск: Наука, 1984.
2. *Кутолин С.А., Рябов С.Н.* Курс “химии” и семиотические формы сжатия знания // Формы представления знаний и творческое мышление. Новосибирск: ИФиП, 1989. Ч. 2.
3. *Ладенко И.С.* Семиотические модели и гибридные языки // Семиотические модели в управлении. Новосибирск: Наука, 1984.
4. *Семиотика: Сборник.* М.: Радуга, 1963.
5. *Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А.* Математическая лингвистика. М.: Высш. школа, 1977.
6. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Сов. радио, 1974.
7. *Проблемы рефлексии / Под ред. И.С. Ладенко.* Новосибирск: Наука, 1987.
8. *Кайгородова И.В.* Из опыта использования имитационной эвристики при проектировании ЛСУ // Игровое моделирование. Методология и практика / Ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987.
9. *Ладенко И.С.* Об игровом моделировании организации системных исследований. Новосибирск: Наука, 1987.
10. *Новакатикян А.О., Крыжановская В.В.* Возрастная работоспособность лиц умственного труда. Киев: Здоровье, 1979.
11. *Химия.* Моделирование анализа успеваемости лиц умственного труда в процессе обучения. Эвристическая модель творчества (прогноз и оптимизация) / В.В. Козик, С.А. Кутолин, Н.А. Чехонина, Г.С. Третьякова; ТГУ. Томск, 1986. Деп. в НИИ проблем высш. школы 14.04.87, № 555–87.
12. *Анализ успеваемости на ЭВМ как пример диалога “учащий–учащийся” в структуре учебной мыслительности — рефлексии. Рефлексия рационализации, изобретения, открытия / В.В. Козик, С.А. Кутолин, С.Н. Рябов, Г.С. Третьякова; ТГУ. Томск, 1988. Деп. в НИИ проблем высш. школы 17.05.89, № 873–89.*
13. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965.
14. *Пиаже Ж., Иньельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериации. М.: ИЛ, 1963.
15. *Чудаков В.Н., Кононенко К.И.* Термодинамика процессов информации и мышления. Харьков: ХГУ, 1973.
16. *Кутолин С.А.* Физико-химические элементы надежности систем. М.: Электроника, 1972. Вып. 7 (325). Сер. микроэлектроника.
17. *Ладенко И.С.* История науки в свете теории мышления // Вопр. философии. 1964. №1.
18. *Ладенко И.С.* Формирование теоретического знания в истории математики. Новосибирск, 1989 (Препринт / ИИФиФ СО АН СССР).
19. *Тринчер К.С.* Биология и информация. Элементы биологической термодинамики. М.: Наука, 1965.
20. *Проблемы бесконечности (информация и протяженность) / Г.В. Чифранов; ТРИ. Таганрог, 1980. Деп. в ВИНТИ, №5279.*
21. *Зелинский А.Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. М., 1978.

22. Кобозев **Н.И.** Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления. М.: МГУ, 1971.
23. Цехмистро **И.З.** Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. Харьков: ХГУ, 1981.
24. Сорокин **П.А.** Социальная аналитика. Пг.: Колос, 1920.
25. Лосев **А.Ф.** Соловьев **В.С.** М.: Мысль, 1983.
26. Флоренский **П.А.** Столп и утверждение истины: Опыт православной Теодиции. М.: Путь, 1914.
27. Ладенко **И.С.** Имитационные системы. Новосибирск: Наука, 1981.
28. Ладенко **И.С.** Интеллектуальные системы в целевом управлении. Новосибирск: Наука, 1987.
29. Ладенко **И.С.** Интеллект и логика. Красноярск: КрГУ, 1985.
30. Фишер **Ирвинг.** Покупательная сила денег. М.: НКФ РСФСР, 1926.
31. Амелькин **В.В.** Дифференциальные уравнения в приложениях. М.: Наука, 1987.
32. Кутолин **С.А.**, Рябов **С.Н.** Знание и творчество в успехах науки и техники: Методологические основания единства антинормии // Методология и социология науки и техники. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990.
33. Горбачев **М.С.** Пререстройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.
34. Маркиз де Кюстин **А.** Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990.
35. Жид **Андре.** Возвращение из СССР. М.: Политиздат, 1990.
36. Кутолин **С.А.**, Рябов **С.Н.** Время в рефлексии и творчестве. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. Ч. 1.
37. Кутолин **С.А.** Творческий энтузиазм и модель интеллектуальной системы // Интеллектуальные системы и творчество. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. Ч. 1.
38. Гранберг **А.Г.** Динамические модели народного хозяйства. М.: Экономика, 1985.
39. Акулинин **С.В.** Философия всеединства от **В.С.** Соловьева к **П.А.** Флоренскому. Новосибирск: Наука, 1990.
40. Кобозев **Н.И.** Элементы общей теории векторно-броуновских процессов и законы биологической кинематики // Бюл. Моск. о-ва исп. природы. Отд. биологии. 1948. Т. 53. Вып. 1.
41. Кобозев **Н.И.** Избранные труды. М.: МГУ, 1978. Т. 2.
42. Колмогоров **А.Н.** Теория вероятности и математическая статистика. М.: Наука, 1986.
43. Шелест **А.Е.** Микрокалькуляторы в физике. М.: Наука, 1988.
44. Тетельбаум **И.М.**, Тетельбаум **Я.И.** Модели прямой аналогии. М.: Наука, 1979.
45. Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969–1972. Т. 1–4.
46. Флоренский **П.А.** Богословские труды. М.: ИМП, 1977. Т. 17.
47. Дешан **Д.Л.М.** Истина или истинная система. М.: Мысль, 1973.
48. Плеханов **Г.И.** Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. М.: ГИХЛ, 1956.
49. Walker **E.H.** The Nature of consciousness. Math. Biosciences, 1970. V. 7.

50. Чавчанидзе **В.В.** К квантово-волновой теории когерентного мозга. Структура когерентного мозга // Бионика. Киев: Наукова думка, 1973.
51. Кутолин **С.А.** Модель интеллектуальной системы (рефлексия, информация, энтропия и творчество) // Человек в мире интеллектуальных систем. Новосибирск: ИФиП СО АН СССР, 1991.
52. Радченко **А.Н.** Моделирование основных механизмов мозга. Л.: Наука, 1968.
53. Гречин **В.Б.**, Боровикова **В.Н.** Медленные неэлектрические процессы в оценке функционального состояния мозга человека. Л.: Наука, 1982.
54. *Нейропсихология. Тесты* / Под ред. Е.М. Хомской. М.: МГУ, 1984.
55. Кутолин **С.А.**, Котенко **В.П.** Моделирование нейристороподобных элементов на основе молекулярной и структурной организации физико-химических систем // 4-й Международный биофизический конгресс. М.: Наука, 1972. Т. 3.
56. Кутолин **С.А.** Электронный аналог психонов **Н.И.** Кобозева в нейристорах // Электронная техника. Сер. 12. Вып. 1(7). 1971.
57. Кутолин **С.А.** Проблема накопления информации в физико-химических системах // Электронная техника. Сер. 12. Вып. 5. 1970.
58. Кутолин **С.А.** Прогнозирование развития интеллекта группы как пример развития во времени структурной топологии идеации и информации // Проблемы эффективного включения человека в интеллектуальные системы. Новосибирск: ИФиП СО АН СССР, 1991.
59. Кутолин **С.А.** Формирование социоэнтропических групп как творческий способ выживания // Интеллектуализация общества и творчества. Новосибирск: ИФиП СО АН СССР, 1991.
60. Кутолин **С.А.** Механизм сознания как функциональный безразмерный код (синрефлексия) // Пробл. интеллектуального развития организационных систем. Новосибирск: ИФП СО АН СССР, 1991.
61. Кутолин **С.А.** Учение ниццеты — ниццета ученых (К рынку научного труда) // Рынок в науке и наука о рынке. Новосибирск, 1992.
62. Кутолин **С.А.** Интеллект философии и философия интеллекта // Философия рефлексивного мышления. Новосибирск: ИФиП СО РАН. ЦАН., Вып. 1. 1992.
63. Кутолин **С.А.** Интеллектуальные продукты и интеллектуальный рынок // Методологические концепции и школы в СССР. Новосибирск: ИФП СО РАН. Вып. 3. 1994.
64. Кутолин **С.А.** Учение интеллектики **И.С.** Ладенко и творческий менталитет современников // Интеллект, культура и образование. Новосибирск: ИФиП СО РАН, 1994.
65. Кутолин **С.А.** Рефлексивные экзерциции менталитета личности в рекламном буме демократии // Образование и культура: Ежегодник. 1994. Новосибирск: Управление образования мэрии г.Новосибирска, 1994. С. 216–231.
66. Ладенко **И.С.**, Поляков **В.Г.** Интеллектуальные системы и информатика // Математика и кибернетика. М.: Знание, 1991. № 12.
67. Кутолин **С.А.** Элементы организации и самоорганизации в физико-химических системах. М.: Электроника, 1969 (ИСЛ МЭП СССР, № 000800).

68. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. М.: Издание автора, 1927.
69. Васильев В.А., Романовский Ю.М., Яхно В.Г. Автоволновые процессы. М.: ГИФМЛ, 1987.
70. Кеплер И.О. шестиугольных снежинках. М.: Наука, 1982; Белякин Н.В. Культурологические предпосылки нормативной логики // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991). Новосибирск: ИФП СО АН СССР, 1992. Вып. 2.

ŃĬ ĀĀĐÆĀĬ ĒĀ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЗНАНИЕ И ТВОРЧЕСТВО В УСПЕХАХ НАУКИ И ТЕХНИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА АНТИНОМИИ	9
1.1. Методологический анализ структуры знания студентов	11
1.2. Методика решения проблемной ситуации в науке и технике	15
1.3. Методология исследования элементов структуры техники и анализ параметров структуры прогресса	20
ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (РЕФЛЕКСИЯ, ИНФОРМАЦИЯ, ЭНТРОПИЯ И ТВОРЧЕСТВО)	22
2.1. Творческий энтузиазм и символическая модель интеллектуальной системы.....	24
2.2. Рефлексия аналитической модели выборов народных депутатов в Верховный Совет СССР в Новосибирской области и по округу № 21 РСФСР.....	28
ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОЭНТРОПИЧЕСКИХ ГРУПП КАК ТВОРЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫЖИВАНИЯ	32
3.1. Модельно-гносеологические основания проблемы выживания	34
3.2. Рефлексия “финансово-экономического выживания”	37
ГЛАВА 4. ИНТЕЛЛЕКТ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИЯ ИНТЕЛЛЕКТА	43
4.1. Операторный метод рефлексии.....	45
4.2. Механизм сознания как функциональный безразмерный рефлексивный код (синрефлексия).....	48
4.3. Структурно-энтропийный метод экспертных оценок стабилизации социальной и социально-экономической обстановки города в форме корреляций	52
ГЛАВА 5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЫНОК	62
ГЛАВА 6. РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭКЗЕРЦИЦИИ МЕНТАЛИТЕТА ЛИЧНОСТИ В РЕКЛАМНОМ БУМЕ ДЕМОКРАТИИ	75
ГЛАВА 7. РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШУТОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЭКСТАЗЕ (КУЛЬТИВИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИИ В ОБЩЕСТВЕ И КОЛЛЕКТИВЕ)	92
ГЛАВА 8. ПАРАДОКСАЛЬНО-РЕФЛЕКСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА (ИДЕЯ И ИНФОРМАЦИЯ В УМОЗАКЛЮЧЕНИИ, НАСЛАЖДЕНИИ И УМЫСЛАХ ЗЛА И ЛЖИ)	106
ЛИТЕРАТУРА	113

Кутолин Сергей Алексеевич

Философия интеллекта реального идеализма

Редактор *Л. В. Лебедева*

Подписано в печать 15.08.96.
7,2 печ. л., 6,8 уч.-изд. л. Заказ № 250. Тираж 300 экз.
Цена договорная.

Издательство СГАПС.
630023, Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191.